

МВ и ССО РСФСР
УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

КАТЕГОРИИ ДИАЛЕКТИКИ

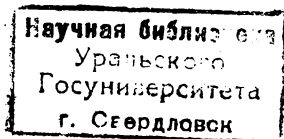
ТОЖДЕСТВО И РАЗЛИЧИЕ

СВЕРДЛОВСК • 1979.

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
Уральского ордена Трудового Красного Знамени
государственного университета имени А. М. Горького

**В очередном, седьмом выпуске межвузовского сборника
«Категории диалектики» рассматриваются категории тождест-
ва и различия, а также логико-гносеологические функции
данной пары категорий.**

Редакционная коллегия: **В. В. Ким**
(отв. редактор), **В. И. Плотников,**
Л. П. Туркин.



890456

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Тожество и различие в системе категорий диалектики

В. В. Агудов.	Диалектика тождества и различия в развитии категорий марксистско-ленинской диалектики	5
В. В. Ким, С. З. Гончаренко.	Тожество и различие как определения сущности	11
С. А. Николайчук.	Тожество и различие принципов самодвижения и всеобщей связи	18
В. П. Капитон.	Тожество и различие законов материального мира	22
Т. Г. Бурдина.	Тожество и различие, качество и количество	30
Т. С. Кузубова.	Форма как тождество различного	33
А. М. Израилевский.	Структура и тождество	37
В. В. Байлук.	Единство диалектического и исторического материализма	43
И. С. Нарский.	О гегелевской трактовке связи рассудка с разумом	48
В. Н. Прокошев.	Функциональное единство и функциональное различие логики, диалектики и теории познания	57

Раздел 2. Гносеологические и логико-методологические функции категорий тождества и различия

В. И. Плотников.	Единство функций категорий «тождество и различие»	63
Б. С. Галимов.	Познавательная функция диалектики тождества и различия	71
В. В. Ким.	Логико-методологические аспекты проблемы тождества и различия	78
С. З. Гончаров.	Роль конкретного тождества в становлении и развитии формы мысли	85
Д. В. Пивоваров.	Тожество вещи и свойства как гносеологическая проблема	90
Т. А. Бадкова.	Абстракция отождествления в категориальной структуре логико-математического отражения	97
Н. В. Блажевич.	Тожество и различие в развитии математики как языка науки	101
В. И. Кашперский.	Роль категорий тождества и различия в раскрытии сущности информации	106
В. К. Толпегин.	Адекватность отражения и изоморфизм	113

О. В. Коркунова.	Роль категорий тождества и различия в формировании прогностического знания	119
Н. Я. Муравлев.	Методологическое значение категорий тождества и различия в молекулярной биологии	123
А. Н. Аверин.	Методологическое значение категорий тождества и различия в антропологии .	128
А. Я. Голубчиков.	Тождество и различие в становлении целостности	134
В. А. Киселев.	Роль категорий тождества и различия в анализе содержания практики . . .	138
А. П. Гаврилов.	Тождество и различие целей и результатов в общественном развитии . . .	142
В. Б. Седов.	Проблема общих характеристик действия экономических законов социализма и диалектика тождества и различия . .	148
Ю. И. Мирошников, Л. И. Слесарева.	Тождество и различие уровней экономического исследования	153

В. В. АГУДОВ

**Диалектика тождества и различия
в развитии категорий
марксистско-ленинской диалектики**

Проблема соотношения тождества и различия приобретает особое значение на тех этапах развития материалистической диалектики, когда возникает необходимость философского обоснования содержания новой категории. Основная причина обострения значения этой проблемы в том, что «категории надо *вывести* (а не произвольно или механически взять)»¹. Но *выведение* новых категорий предполагает прежде всего диалектико-логическое «отпочковывание» их содержательного значения от содержания существующих, т. е. «старых» категорий материалистической диалектики. Такое выведение осуществляется через разрешение внутрикатегориальных познавательных антиномических противоречий, возникающих в уже существующих категориях под влиянием полученных путем обобщения новых данных развития наук и общественной практики². Антиномические противоречия функционируют в этом случае в рамках марксистского метода восхождения от абстрактного к конкретному, составляя при этом его методологическое «ядро»³.

Впервые поставленная Гегелем проблема диалектического единства тождества и различия в философском содержании категорий приобрела исключительно важное значение в их генезисе. Если сущность бытия есть «простое соотношение с самой собой, чистое *тождество*», и в то же время сущность — «это *различие... разность* вообще»⁴, т. е. «*тождество есть нечто разное*»⁵, то любая

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 86.

² О существе познавательных противоречий и «механизме» их разрешения см.: Структурный анализ диалектического противоречия. Свердловск, 1975, разд. 2.

³ Подробнее см.: Агудов В. В. О направлениях в развитии диалектической логики. — Филос. науки, 1977, № 4.

⁴ Гегель. Наука логики. М., 1971, т. 2, с. 29.

⁵ Там же, с. 34.

развивающаяся категория с необходимостью должна была содержать в себе как тождество самой себе (т. е. быть соответствующей своему собственному определению), так и различие (т. е. содержать в себе отличные от этого определения аспекты).

По Гегелю, сущность любой категории определяется ее взаимосвязью с другими. И такого рода взаимодействия в системе категорий диалектики порождают в их философском содержании соответствующие *различные аспекты*, оказывающиеся в результате отличными друг от друга потому, что каждый из них тождествен не другим аспектам той же самой категории, а соответствующим аспектам тех категорий, с которыми взаимодействует данная. Категории в итоге сами оказались диалектически противоречивыми *системами*, а не только элементами общей системы категорий диалектики (и в этом также проявляется свое, специфическое соотношение тождества и различия: категория выступает как элемент и не как элемент, т. е. как система). Поэтому в соответствующих аспектах своего содержания каждая категория оказалась тождественной другим категориям и потому нетождественной самой себе (к примеру, количество оказывается качественным, качество же обладает количеством и т. д.), в других же аспектах, напротив,—отлична от других категорий и потому тождественна самой себе. И в итоге каждая категория, если ее брать в целом, выступает, таким образом, как единство тождества и различия. Тождество и различие приобретает явно относительный характер, имеет место в разных отношениях, хотя и существует одновременно в одной и той же системе (в категории).

Диалектика единства противоположностей приобретает в содержании категорий еще большее значение, когда они специально рассматриваются в развитии, ибо здесь к логическому содержанию категории присоединяется как ее диалектическая противоположность историко-генетическое содержание. Один из ярких примеров тому — последовательные этапы развития категории «форма» в «Логике» Гегеля, когда форма выступает сначала в соотношении с категорией «сущность», затем с материей, и наконец, с содержанием, что приводит к такому накоплению различий внутри первоначально тождественной самой себе категории «форма», когда эти различия перерастают в ее внутреннее противоречие, и «форма» оказывается раздвоенной, с одной стороны, на «форму внешнюю», которая соотносительна с «содержанием», с другой — на «форму внутреннюю», которая оказалась сутью самой же категории «содержание»⁶.

В основу диалектико-материалистического понимания единства тождества и различия философских категорий классиками марксизма был положен принцип взаимосвязи и единства материального мира. Сам факт неизбежного взаимодействия (а отсюда и

⁶ См.: Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1975, т. 1, с. 298; Гегель. Наука логики, т. 3, с. 83—86.

взаимовлияния) любого предмета с другими снимает, разрушает его абсолютное тождество. Предмет оказывается внутренне противоречив именно потому, что наряду с тождественностью самому себе он в то же время в определенных аспектах тождествен другим предметам, а следовательно, различен с самим собой, так что «само собой разумеется, что *тождество с собой* уже с самого начала имеет своим необходимым дополнением отличие от всего другого»⁷. А тождества как такового, т. е. абстрактного тождества, существующего вне своего собственного различия, в природе нет,— подчеркивает Ф. Энгельс⁸. И если бы такое тождество было реально, то никакого изменения и тем более развития в природе бы не возникло⁹, ибо не существовало бы никаких взаимодействий предметов, порождающих их движение и развитие. Абстрактное тождество может существовать только в идеализированных и в определенном смысле упрощенных представлениях о реальных предметах и явлениях. Таковы материальные предпосылки и методологические основы диалектики тождества и различия философских категорий.

Однако развитие системы категорий материалистической диалектики, становление и формирование новых категорий является следствием не только непосредственного отражения соответствующих аспектов объективной действительности, хотя именно это отражение является в конечном итоге главным и определяющим в развитии системы категорий, как и науки вообще. К примеру, системный характер материальной действительности существовал в природе, как теперь стало известно, всегда, но в методологии он занял подобающее ему место лишь в XIX—XX вв. И вообще природа во многом не развивалась так, как развивалась, допустим, методология Нового времени — от метафизического элементаризма к диалектике. Природа не знает развития относительной истины к абсолютной, хотя именно это развитие составляет, как известно, «становой хребет» в движении любой научной теории, каждая из которых, тем не менее, является в конечном итоге и по своим результатам отражением соответствующих объективных процессов. Наука обладает наряду с общими с природой и своими собственными, природе не присущими, специфическими качественными особенностями развития, которые выступают, по определению Ф. Энгельса, как «так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление»¹⁰. Между объективной и субъективной диалектикой существует ясно выраженная преемственность в развитии. Аналогичного рода преемственность существует, к примеру, между закономерностями развития природы и закономерностями развития общества. Последние не «отменяют» ни одного из первых, все они диалектически «снимаются» в общественных законо-

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 530.

⁸ Там же, с. 529.

⁹ См.: Там же, с. 54.

¹⁰ Там же, с. 526.

мерностях. Но здесь возникают и качественно новые: экономические закономерности являются уже сугубо социальными, а не природными, хотя именно экономические закономерности, не отменяя и не заменяя законов физики, биологии, играют определяющую роль в развитии общества.

Та же черта присуща и развитию самой науки по отношению уже не только к природе, но и к обществу. Субъективная диалектика по своему содержанию является, таким образом, более сложным структурным образованием, чем диалектика объективная, по крайней мере, в тех ее содержательных рамках, в каких она известна нам в данный момент, хотя именно первая является генетически производной и в конечном итоге зависимой от второй, а не наоборот. И здесь тождество, в данном случае обоих диалектик, предполагает и их различие, поскольку одна является не только продолжением другой, но и ее качественно новым, а следовательно, и отличным этапом развития.

Своего рода эмбрионом будущей, вновь формирующейся категории (как одного из важнейших узловых элементов мышления, отражающего соответствующие стороны бытия, но не само бытие как таковое) являются те различия, существующие внутри «старой» категории (или в группе, «гнезде» категорий), которые начинают приобретать в процессе развития категориальной системы не просто противоположный, а *противоречивый* по отношению к ее тождеству характер. Специфичность этого противоречия в том, что оно, выступая как один из видов теоретического противоречия, приобретает антиномический характер, т. е. будучи диалектическим по своему содержанию (ибо порождено оно объективным ходом развития науки и общественной практики), по форме своей выступает тем не менее как противоречие формальнологическое.

Выше мы останавливались на примере противоречивости тождества и различия категории «форма» в рамках ее соотношения с содержанием. Форма здесь уже у Гегеля приобрела явно антиномический характер. «При рассмотрении противоположности между формой и содержанием существенно важно не упускать из виду, что содержание не бесформенно, а *форма в одно и то же время и содержится в самом содержании*, и представляет собой нечто *внешнее* ему. Мы здесь имеем удвоение формы...» (подчеркнуто мной.— В. А.)¹¹. Различие здесь из-за возникшей антиномичности в определении категории «форма» становится явно преобладающим над ее тождеством и определяющим по отношению к нему.

На первый взгляд разрешить это противоречие (и тем самым снова установить своего рода равновесие между тождеством и различием категорий, охваченных в данный момент антиномическим противоречием) просто — разделить категорию «форма» на две, коли она, как говорит Гегель, «удвоилась». Гегель фактически так

¹¹ Гегель. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 298.

и сделал (вместо формы как таковой он выводит более конкретные по своему содержанию категории «форма внешняя» и «форма внутренняя»). Как будто все правильно. Но более глубокий анализ системы категорий и особенно ее последующее развитие показали явную недостаточность и ограниченность такого упрощенного решения проблемы. Во-первых, совершенно не ясно, как соотносить обе формы с категорией «материя», хотя вся историко-философская традиция, начиная с Аристотеля, продолжает рассматривать эти категории как коррелятивные. Во-вторых, как в рамках диалектического материализма понимать определяющую роль содержания по отношению к форме (в том числе и форме внутренней?), если сама внутренняя форма по Гегелю и есть суть содержания?

Попытки ответить на этот вопрос в недавнем прошлом очень часто приводили к тому, что философы-материалисты в определении содержания предмета возвращались на позиции домарксовского материализма, когда суть содержания сводилась ими к сумме элементов, а система взаимоотношений этих элементов (т. е. внутренняя форма) рассматривалась, поскольку была формой, как полностью производная от их состава, олицетворяющего собой содержание процесса. В частности, на молекулярном уровне это так или иначе приводило к игнорированию относительной самостоятельности изомерных изменений по отношению к составу атомов, что просто не соответствовало фактам развития науки XX в. Гегелевское решение антиномии формы, как показал ход современного развития научного знания, оказалось неудовлетворительным прежде всего из-за своей незаконченности, незавершенности. В действительности, как показали исследования, антиномическое противоречие формы разрешается не посредством ее упрощенного разделения на две, а путем «отпочковывания» от категории «форма» качественно новой категории «структура»¹². И гегелевская внутренняя форма, по-существу своему, в действительности явилась предкатегорией структуры, своего рода ее эмбрионом. А форма остается тем, чем она была, — соотносительной с категорией «содержание», где последняя в рамках материалистического мировоззрения продолжает играть определяющую роль по отношению к первой. Только таким образом в процессе историко-философского генезиса системы категорий в форме снимается антиномическое противоречие между тождеством и различием и между ними снова устанавливается относительное единство, равновесие, которое характеризует устойчивое, «спокойное» философское содержание всякой категории диалектики.

Этот пример показывает, что на разных этапах развития системы категорий для каждой развивающейся из них могут существовать разные диалектические структуры соотношения тождества

¹² Подробнее см.: Агудов В. В. Соотношение категорий форма и структура. — Филос. науки, 1970, № 1.

и различия как по своей степени, так и по своему содержанию. Если, по определению Ф. Энгельса, категория «бытие» у Гегеля «в себе содержит первоначальное тождество неразвитых противоположностей»¹³, то последующая развернутая система категорий — это в результате разрешения внутрикатегориальных противоречий последовательно «отпочковавшиеся» категории, относящиеся к бытию как к своему исходному «предку», и где первоначальное тождество неразвитых противоположностей снято новой содержательной структурой соотношения тождества и различия, существующего в других, генетически последующих категориях. Естественно, что в этих категориях-«потомках» проблема соотношения тождества и различия каждый раз приобретала свой специфический и отличный от других категорий, им предшествующих, характер. Но периодически по мере развития всей системы категорий снова и снова появляются категории, которые отягощены внутрипроблемными противоречиями тождества и различия. Та же категория «форма» также оказалась содержащей, пользуясь словами Ф. Энгельса, «первоначальное тождество неразвитых противоположностей», которые и раскрылись первоначально в двух видах формы, определенных Гегелем.

Эволюция диалектики тождества и различия выступает, таким образом, как важнейшая сторона в развитии системы категорий материалистической диалектики, а возникновение и обострение противоречия между тождеством и различием в философском содержании отдельной категории или группы категорий является одним из верных признаков зарождения антиномического противоречия внутри ее, а следовательно, и возникновения предпосылки зарождения новой категории, что, конечно, еще не говорит о том, что такая категория непременно должна возникнуть. Разрешение антиномического противоречия может привести всего лишь к развитию и уточнению содержания существующих категорий, не изменяя при этом их структуры соотношения с другими категориями. Именно так в ходе развития истории философии разрешилось противоречие, например, между категорией «движение» и понятием «изменение», когда под движением в итоге стали понимать не только лишь механическое перемещение тел, а всякое их изменение, в том числе и развитие. Марксистское понимание соотношения тождества и различия в развитии категорий принципиально отлично, с одной стороны, от метафизического материалистического, которое всегда обладало тенденцией к абсолютизации тождества в содержании категорий (отсюда резкие грани между ними, отсутствие взаимопроникновения, «переливов» одних в другие, расширение же системы категорий осуществлялось не за счет развития ее структуры, а за счет лишь механического добавления, введения новых по мере обобществления таких новых данных наук, которые не получали отражения в существ-

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 58, 42.

вующих категориях). С другой стороны, такая же метафизическая абсолютизация, но теперь уже не тождества, а различия, характерная для концепций франкфуртской школы, а также экзистенциалистов, провозгласивших нетождественность второй по своему значению категорией после отрицания. Нетождественность в интерпретации франкфуртцев, предполагая наличие разного в любом явлении, отрицает при этом какое-либо его единство, т. е. наличие диалектического тождества. Метафизическая абсолютизация реально существующего различия, само по себе имеющего место в каждом явлении, позволяет таким же образом абсолютизировать значение единичного (понимаемого франкфуртцами так же, как и позитивистами, как конкретное), противопоставляя его при этом общему (понимаемому в данном случае как абстрактное). Естественно, что это ведет в итоге к негативному отрицанию общих законов развития как природы, так и, что особенно важно, общества, а следовательно, и марксистского учения об общественном развитии. Явно метафизическая, т. е. антидиалектическая, абсолютизация различия и противопоставление ее диалектике тождества и различия не мешает, тем не менее, франкфуртцам называть свою концепцию диалектической и даже подлинно марксистской, хотя, как нетрудно заметить, действительно марксистского в содержании этого «учения» фактически нет¹⁴.

В. В. КИМ, С. З. ГОНЧАРОВ

Тождество и различие как определения сущности

Понятие тождества и различия, отражая важнейшие стороны наиболее общих отношений развивающегося материального мира и нашего познания, относятся ко всеобщим категориям материалистической диалектики. Они занимают важное место в системе категорий диалектики, являясь исходными, ведущими к другим категориям. Это особенно относится к категориям качества и количества, противоречия, сущности и т. д., диалектический анализ которых невозможен без привлечения категорий тождества и различия.

В содержании понятий тождества и различия различают уровень явления (созерцания) и уровень сущности (теоретического мышления)¹.

В первом случае тождество и различие проявляются в акте сравнения данных в созерцании предметов. Одно какое-либо свой-

¹⁴ Подробнее см. напр.: Социальная философия франкфуртской школы. М., 1975, с. 91—98.

¹ См.: Мокин Б. И. Роль отождествления в познавательном процессе. — В сб.: Анализ системы научного знания. Саратов, 1976, с. 62; Нурматов М. Х. Проблема тождества в диалектике. Ташкент, 1976, с. 68.

ство, присущее двум вещам, делает такие вещи тождественными в отношении данного свойства. Две вещи различны, если одна из них имеет свойство, отсутствующее у другой. Тождество и различие уясняются здесь формально на уровне созерцания, внешней рефлексии. В созерцании субъект сопоставляет предметы по внешним для самих предметов качествам, устанавливает сходство или разность, неодинаковость предметов.

Во втором случае тождество и различие выступают не в виде простых эмпирических констатаций сходства, разности и т. п., но как формы мысли, логические категории, выражающие особые определения сущности. В связи с этим в философской литературе введены понятия субстанциального тождества и различия².

Сфера сущности есть объективный прообраз теории. И первая проблема в понимании сущности — выявление ее субстрата, единого начала как основы теоретического выведения особенных определений предмета.

В созерцании предмет дан как «хаотическое» целое, собрание атомарных фактов. Чтобы установить внутренние связи между фактами, необходимо выяснить предварительно субстрат сущности, различениями которого выступают внутренние связи. В таком случае чувственно разнообразное мышление сводит к однородному началу, превращает чувственную ткань вещи в логически однородную. Образуется гомогенное логическое пространство, где внешние различия между вещами гасятся, и вещи предстают как экземпляры однородного начала. Путем операции отождествления явлений по их сущности сознание выходит за пределы живого созерцания, вступает в сферу теоретического мышления.

Монистическое видение предмета основано на понимании субстрата сущности, и логической формой выражения последнего является категория тождества. Субстанциальное тождество устанавливается по качественному субстрату. Тождество выражено в единстве сущностей, в качественной однородности вещей, а различие — в многообразных формах проявления единой сущности. В связи с этим выдвигается задача обособления отдельного объекта из единства сущностей качественно однородных объектов для практического с ним обращения. Это и есть проблема индивидуализации (различения) объекта, занимающая важное место в научном познании³.

Уяснение субстрата сущности — труднейшая проблема в познании. Сущность опосредствована. Опосредственное проявляется через свою противоположность, непосредственное. Поэтому субстрат сущности осознается вначале в единичной форме, затем в особенной, и наконец, во всеобщей. Этот процесс осознания имеет три решающих пункта. Вначале субстрат освобождается

² *Ким В. В.* Тождество и различие как категории материалистической диалектики. Свердловск, 1969.

³ Подробнее см.: *Ким В. В.* Тождество и различие как категории материалистической диалектики, с. 15—17.

от формы своего *единичного* отдельного проявления, затем от формы *многих* отдельных проявлений, наконец, от формы проявления *вообще*. Так, под материей стоимости в первых политэкономических учениях понимается труд в его единичном конкретном выражении, например земледельческий труд. Далее материя стоимости освобождается от конкретной формы многих видов труда, наконец, от конкретного проявления всякого труда, она сводится к однородному абстрактному труду.

Сведение явлений к их всеобщей основе — первый этап в теории; второй, не менее сложный этап — последовательное выведение особенных определений из единого начала, установление существенных различий в пределах субстанционального тождества. Так, Д. И. Менделеев свел химические элементы к одному началу, весу, далее установил количественные различия атомных весов и тем самым вскрыл основу отличительных особенностей каждого химического элемента. Точно так же К. Маркс свел определения человека к общественным отношениям; исходя из последних он вывел существенные различия, отличающие один социальный тип личности от другого в пределах одной общественной формации.

В целом мысль движется от внешних различий, данных в созерцании, к существенному тождеству и далее к существенным различиям в рамках субстанционального тождества⁴.

Этот закон развития мысли подтверждается не только становлением теории, но и образованием отдельных понятий. «Каково расстояние между звуком А и столом? Вопрос этот, — писал К. Маркс, — лишен смысла. Когда мы говорим о расстоянии между двумя вещами... мы объединяем их в одну категорию как предметы, существующие в пространстве, и только после того, как мы их объединили (под углом зрения пространства), мы их различаем как различные точки пространства»⁵. К. Маркс подчеркивает направленную связь: чувственные различия — «единое начало» (тождество) — мысленные различия. Или гносеологически: созерцание — рассудок — «различающий рассудок». Чувственно различные предметы мышление «предварительно объединяет... в одну категорию, приписывает им одно и то же единое начало»⁶ и лишь затем делает различия как мысленные различия.

Категории тождества и различия асимметричны. В развитии понятий установление тождества логически предваряет выявление различий, тождество первично, что выражается в структуре определения понятия: вначале дается родовое определение (тождество), затем видовое отличие (различие).

⁴ Такое движение мысли является частным проявлением раскрытого К. Марксом закона переработки мышлением чувственных данных: чувственно конкретное мышление сводит к абстрактно всеобщему, затем из последнего выводит конкретное как мысленно конкретное.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 3, с. 145.

⁶ Там же, с. 146.

Движение мысли от субстанционального тождества к существенным различиям есть проявление закона восхождения от абстрактного к конкретному. Логическая категория различия конкретнее категории тождества. Так, например, все формы движения материи, соотносящиеся друг с другом как взаимосвязанные низшая и высшая формы, включают и общее, что делает их в некотором отношении тождественными, и особенное, что их отделяет друг от друга. При этом тождество их исключительно бедно и недостаточно для характеристики как высшей, так и низшей формы, ибо оно не выражает их сущности. Тождество как раз упускает то, что приобретено материальным образованием в процессе его качественного усложнения, т. е. то, что именно специфически отличает его от материальных образований предшествующих стадий развития. В этом случае не тождество, а различие схватывает *специфическую сущность* этих образований.

Таким образом, тождество выражает род вещей. Родовое определение, с одной стороны, отождествляет вещи данного рода, с другой — дает общее отличие данного рода от другого, но оно не вскрывает отличий внутри данного рода, а потому оно относительно абстрактно⁷. К примеру, общая формула капитала $D-T-D'$ отождествляет денежный, товарный, товарно-торговый и т. п. капиталы, указывая лишь на общее отличие капиталистического товарного производства от товарного производства. Следовательно, развитие понятий состоит как раз в установлении существенных различий вещей в пределах их тождества и единства.

Выше тождество и различие брались как логические формы выражения субстрата сущности и его дифференциации. Но субстрат сущности есть всегда реальный субстрат, различенный в себе на реальную внутреннюю (имманентную) форму⁸. Если рассмотреть тождество и различие в их реальности, то они наполнятся реальным содержанием, предстанут в таких более конкретных определениях, как материя и форма. В традиционной формальной логике под материей понималась реальная основа отождествления, под формой — способ различения этой основы. Данные категории К. Маркс истолковал сугубо диалектически, как функциональные формы различения субстрата сущности в *процессе его самоопределения*. Воздействуя на себя, субстрат сущности определяется дво-

⁷ «Поэтому, по Аристотелю, вид является в большей степени сущностью, чем род», ибо «видовая сущность богаче... по содержанию, конкретнее определяет предмет». (Воробьев М. Ф. Об исходном уровне единства конкретного тождества и конкретного различия.— В сб.: Проблемы диалектического материализма. Л., 1974, вып. 1, с. 39).

⁸ К. Маркс четко поясняет отличие внутренней формы от внешней: «В качестве дерева древесина сохраняет себя в определенной форме потому, что эта форма есть форма древесины, тогда как форма стола случайна для древесины, не является формой имманентной ее субстанции». Внутренняя форма древесины сохраняется в силу «живого имманентного закона воспроизводства» древесины, тогда как внешняя форма определена извне, а не изнутри. (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 323).

яко: как объект собственного действия он есть материя, как носитель действия — деятельная форма. Так, опредмеченный в пространстве труд К. Маркс называет «материей», живой, протекающий во времени труд — «формой»⁹.

Различенный на материю и форму субстрат сущности есть реальная основа, подвижный базис сущности. Поскольку субстрат *противопоставляет себя самому себе*, различаясь на материю (в пространстве) и форму (во времени), то он есть противоречивая основа, противоречие в сущности.

Этот важнейший пункт следует рассмотреть подробнее. Различные вещи без тождества их сущностей не могут вступать во внутреннюю связь. Раз они это делают, то каждая из них в пределах связи отнесется к другой как к представителю общей для обеих сторон сущности. Относясь к иной вещи как к сущности, данная вещь относится и к себе как к сущности; относясь к себе как к сущности, вещь отличается от себя как явление. Раздвоение вещи на внутреннее и внешнее получает непосредственное выражение в полярном отношении между двумя вещами: одна вещь представляет собой сущность, другая фигурирует в соотношении как явление сущности. Тем самым сущность противопоставляется явлению. Однако здесь дано лишь отличие сущности от явления, а не противоречие самой сущности. При более детальном анализе выясняется, что отношение между вещами одной сущности сводится всегда к отношению сущности к себе самой, к противопоставлению субстрата сущности самому себе, а тем самым к существенному противоречию.

Отношение к самому себе (себетожественность) — особый тип связи, оно реализует власть целого по отношению к частям, согласовывает через цепь взаимодействий особые меры частей с мерой целого, устанавливает пропорцию особенных мер. В этой цепи отдельные взаимодействия есть звенья отношения целого к самому себе. Со стороны отдельной части сообразование с мерой целого воспринимается как частичное отрицание части, с позиций целого данный процесс есть утверждение целого. Но утверждение целого есть одновременно и утверждение частей целого. Часть должна претерпеть известное отрицание, чтобы утвердить себя как момент целого. Отрицание есть лишь форма утверждения положительного содержания. Отношение к самому себе есть целостнообразующий фактор, оно сообщает внутренней форме целого самонаправленность, самоустраемленность.

В текущей философской литературе данный тип связи еще не получил категориального осмысления. Между тем в трудах К. Маркса отношение к самому себе является важнейшей логической категорией в анализе противоречия в сущности предмета. Рассматриваются ли отношения одного товара к другому в обмене, труда к капиталу, субъекта к объекту, отношение одной нации

⁹ См.: Там же, с. 254.

к другой и т. п., всегда за внешним отношением одной вещи к другой К. Маркс вскрывает внутреннее отношение вещи к себе самой. В этом отношении заключено «решающее ядро логики «Капитала»¹⁰, диалектического метода вообще. Диалектика и возникает, согласно К. Марксу, там и тогда, где и когда внутренняя определенность вещи направляется против самой себя, при этом вещь полагает себя одновременно и объектом и субъектом действия, соотносясь как органическое целое лишь сама с собой, с реальными предпосылками и условиями, ею же положенными.

Этот процесс самостановления есть диалектическое противоречие, где предмет как замкнутое на себя целое выступает двояко: в пространстве как материя, во времени как деятельная форма. Следует различать два уровня в отношении материи к форме. В одном случае это есть отношение материального состава к способу связи составных частей, в другом — отношение опредмеченной формы к форме актуальной. В последнем случае материя есть реализованная в пространстве форма, а форма — способ актуализации во времени материи¹¹. Один и тот же субстрат противопоставляет себя самому себе и в акте самоопределения различает себя на материю и форму.

Проясненное определениями тождества и различия, материи и формы отношение к самому себе нацеливает на соответствующее понимание противоречия.

В анализе противоречия К. Маркс не ограничивался фиксацией противоположностей как крайних сторон отношения двойственности или полярности¹², но противоположности он всегда сводил к одному началу, одной категории и прослеживал процесс противопоставления одного и того же начала самому себе. В явлении этот процесс обнаруживается как отношение полярности, в виде борьбы *двух* противоположностей, хотя в сущности противоречие есть спор с собой *одного* начала. Принцип полярности в уяснении противоречия путем «пары» противоположных категорий есть лишь момент в анализе. Взятый сам по себе, данный принцип имеет тот недостаток, что он фиксирует противостояние двух *особенных* определений, но *общую* сущность в особенных определениях не улавливает. Поэтому противоположности не понимаются как продукты противопоставления одного и того же субстрата сущности самому себе, т. е. указанный принцип отмечает форму явления противоречия, а не само противоречие. В явлении отношение труда к капиталу дано как отношение между двумя противоположностями.

¹⁰ Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960, с. 249.

¹¹ Именно в этом смысле К. Маркс применяет логические категории материи и формы в анализе отношения опредмеченного труда к живому, постоянно-го капитала к переменному. Отношение живого труда к овеществленному есть «отношение живого труда к самому себе в предметном материале». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 324).

¹² Подробнее см.: История марксистской диалектики. М., 1971, гл. 5.

Теория, однако, сводит противостояние труда капиталу к противоречию труда с самим собой, которое в явлении выражается в полярном отношении между двумя противоположностями, хотя капитал произведен от труда. «Труд свою собственную действительность полагает не как бытие-для-себя, а как всего лишь бытие-для-другого, а потому как всего лишь инобытие, как бытие иного против самого себя»¹³. Принцип полярности отражает лишь «бытие-для-другого», форму явления противоречия, упуская тот факт, что за отношением к другому всегда скрывается «отношение к самому себе, внутреннее отношение вещи»¹⁴.

Противоречие есть процесс противопоставления одного и того же субстрата сущности самому себе. Противоположности есть продукты противопоставления, борьбы противоположностей, есть обнаружение, явление процесса противопоставления¹⁵.

Диалектическое мышление, начиная с монизма целого, не останавливается на дуализме целого, а в отрицательном отношении целого к самому себе, в борьбе противоположностей оно вновь усматривает целое в становлении. Ибо отрицание — лишь форма утверждения положительного содержания, которое всегда остается основой и ведущей стороной. Мышление сперва уясняет диалектику положительного (П) и отрицательного (О) дуалистически, по схеме П — О, фиксирует статику, а не движение и разрешение противоположностей по формуле П — О — П. Утверждение, писал Спиноза, есть отрицание, но отрицание по отношению к другому утверждению. Отрицательное есть форма отношения положительного к самому себе и само по себе оно не имеет самостоятельного содержания. В противном случае отрицание как самоцель (О — П — О) превращается в «безумие сомнения», в абсолютное зло, в тупиковое, деструктивное направление в развитии, что подтверждается всякий раз практикой анархизма и левацких политических выступлений¹⁶.

Итак, рассмотрение тождества и различия как определения сущности и анализ опосредствующих, промежуточных звеньев категорий тождества-различия и противоречия — материя, форма, отношение к самому себе (себетождественность) — способствуют более углубленному пониманию противоречия. Причем категория

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 46, ч. 1, с. 442. Отношение к самому себе К. Маркс обозначает здесь гегелевским термином «бытие-для-себя».

¹⁴ Ильенков Э. В. Диалектическая логика. М., 1973, с. 243.

¹⁵ Процесс противопоставления есть важнейший фактор отмеченного Ф. Ф. Вьяккеревым «механизма» «взаимопроникновения противоположностей», вообще их соотношения «на уровне сущности». (См.: Вьяккерев Ф. Ф. Структура диалектического противоречия. — Вopr. философии, 1964, № 9).

¹⁶ Тезис о самодовлеющем значении отрицательного есть, в известном смысле, логическая основа анархизма. «Отрицательное, — писал русский идеолог анархизма М. А. Бакунин, — как определяющая жизнь самого положительного, содержит в себе одном цельность противоположения, а потому является абсолютно правомерным». (Бакунин М. А. Избр. соч. М., 1935, т. 3, с. 139).

отношения к самому себе (себетождественность) есть ближайшая логическая основа для понимания единства двух уровней в противоречии — сущности и явления.

С. А. НИКОЛАЙЧУК

Тождество и различие принципов самодвижения и всеобщей связи

Принципы как элементы теории представляют собой результат, итог познания¹. Однако они не являются чем-то застывшим, неподвижным. Будучи основными началами теории, связывая воедино все ее важнейшие положения, принципы раскрывают свое содержание только в движении, только в процессе осуществления этой связи. Поэтому анализ тождества и различия любого из принципов диалектики со всеми другими ее принципами играет важную роль в выявлении содержания каждого из них. Каждый из принципов в системе, взаимодействуя со всеми другими принципами, обнаруживает в них специфические аспекты и вместе с тем раскрывает свое собственное содержание².

Поскольку принципы раскрывают свое содержание в процессе движения от абстрактного к конкретному, постольку формы их тождества и различия обнаруживаются на разных уровнях рассмотрения, в самых различных отношениях. Наиболее абстрактный уровень, на котором формируется содержание принципов самодвижения и всеобщей связи, — это уровень их отношения к принципу противоречивости как ядру диалектики. Принцип противоречивости, характеризующий само существо диалектической концепции, является той общей основой, которая позволяет говорить об исходных моментах тождества и различия рассматриваемых принципов. Принципы самодвижения и всеобщей связи тождественны как отражение основных аспектов диалектического противоречия, наиболее элементарных его форм: противоречия устойчивости и изменчивости и противоречия тождества и различия. Вместе с тем принцип самодвижения и принцип всеобщей связи различны, поскольку в элементарных формах диалектического противоречия, составляющих их основу, выражаются различные стороны самого диалектического противоречия.

Принцип связи, включающий в свою структуру противоречие тождества и различия, представляет собой выражение самой основы диалектического противоречия, одной из важнейших сторон его сущности. Возникновение и сущность диалектического противоре-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 34.

² См.: Жбанкова И. И. Философские принципы в научном познании. Минск, 1974, с. 128.

чия не могут быть объяснены без понимания противоположностей как различий в рамках субстанциального тождества³. Принцип самодвижения, в отличие от принципа связи, есть выражение способа существования противоречия, механизма его самоосуществления. Так, Гегель указывал, что противоречие есть «принцип всякого самодвижения, состоящего не более как в изображении противоречия», что «движение — это само *налично сущее* противоречие»⁴. Самодвижение по отношению к противоречию есть способ его бытия, состоящий в единстве моментов устойчивости и изменчивости. Движение не может быть понято как самодвижение, если оно не включает в себя устойчивости в качестве своей собственной противоположности: «...внутреннее, подлинное самодвижение... это только то, что нечто *в самом себе* и его отсутствие, *отрицательное его самого* суть в одном и том же отношении»⁵.

Таким образом, исходные моменты тождества и различия принципов всеобщей связи и самодвижения определяются тем, что данные принципы выступают как внешние формы содержащегося в самом противоречии отношения между его сущностью и способом бытия.

Следующий уровень, на котором проявляется тождество и различие рассматриваемых принципов, — это уровень их непосредственного взаимодействия, взаимного отношения друг к другу. На этом уровне одной из форм тождества принципов является их взаимопроникновение: каждый из принципов содержит в себе элементы другого принципа. Самодвижение включает в себя связь, а связь включает в себя самодвижение.

Принцип самодвижения включает в себя принцип связи и в этом отношении тождествен с ним, поскольку самодвижение есть не что иное, как *связь противоположностей*. К. Маркс, критикуя Прудона за непонимание основы, порождающей противоречия капитализма, показывает, что суть диалектического движения состоит в единстве, синтезе противоположностей. «В практической жизни мы находим не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также и их синтез, который есть не формула, а движение»⁶. Синтез противоположностей, по К. Марксу, — это процесс, в котором противоположности, находясь в противоречивом отношении друг к другу, постоянно воспроизводят это отношение, меняясь в нем местами, порождая друг друга и существуя лишь благодаря своей взаимной связи. Это постоянное уравнивание противоположностей и есть движение. Таким образом, принцип самодвижения можно рассматривать как принцип связи двух вза-

³ См.: Ким В. В. Возникновение и структура противоречия. — В кн.: Структурный анализ диалектического противоречия. Свердловск, 1975, с. 7—10.

⁴ Гегель. Наука логики. М., 1971, т. 2, с. 66.

⁵ Там же.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 166.

имно противоречащих сторон. Нарушить эту связь — значит положить конец диалектическому движению⁷.

Тождество принципов самодвижения и всеобщей связи, опосредствуемое понятием синтеза противоположностей, содержит в себе различия. Во взаимодействии двух взаимно противоречащих сторон принцип связи фиксирует их отношение друг к другу лишь на внешнем уровне противоречия, в то время как принцип самодвижения содержит в себе требование анализа этого отношения на его сущностном уровне. Так, исследуя процесс самодвижения стоимости, К. Маркс показал, что он осуществляется в синтезе таких противоположностей, как товар и деньги. Однако само это движение возможно лишь благодаря тому, что во внешней противоположности товара и денег находит свое выражение имманентно присущее товару противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью. Синтез противоположностей, таким образом, есть форма, в которой осуществляется самодвижение сущности, а тождество и различие принципов самодвижения и связи в этом отношении представляет собой тождество и различие содержания и формы.

Вторая сторона взаимопроникновения принципов состоит в том, что принцип связи включает в себя принцип самодвижения. Понятием, опосредствующим это отношение принципов, является категория взаимодействия. Взаимодействие есть та же взаимосвязь, но связь динамическая, рассматриваемая в движении и изменении. В то же время взаимодействие есть движение. Во взаимной связи тел, писал Ф. Энгельс, «уже заключено то, что они воздействуют друг на друга, и это их взаимное воздействие и есть именно движение»⁸. Положение о взаимодействии является элементом принципа самодвижения, поскольку именно через взаимодействие движение выступает как причина самого себя. «Взаимодействие — вот первое, что выступает перед нами, когда мы рассматриваем движущуюся материю в целом с точки зрения теперешнего естествознания... (спинозовское: *субстанция есть causa sui* — прекрасно выражает взаимодействие)... Мы не можем пойти дальше познания этого взаимодействия именно потому, что позади нечего больше познавать... Только исходя из этого универсального взаимодействия мы приходим к действительному каузальному отношению»⁹.

Отношение «быть причиной самого себя» характеризует не только самодвижение мира в целом, но применимо и для отдельных материальных систем, хотя проявляется здесь в специфическом виде¹⁰. В мире нет абсолютно изолированных объектов. Каждая отдельная система связана с другими системами как в генетическом, так и в актуальном плане. Во-первых, она порождается

⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 136.

⁸ Там же, т. 20, с. 392.

⁹ Там же, с. 546.

¹⁰ См.: Лойфман И. Я. Функциональность и причинность.— В кн.: Материалы второй зональной научной конференции по философским наукам. Пермь, 1966, с. 21.

какими-то внешними по отношению к ней причинами (возникает на основе других, предшествующих ей во времени систем), во-вторых, она функционирует и развивается не только в результате действия своих внутренних противоречий, но и под влиянием внешних воздействий. И в том и в другом случае данная система не является причиной самой себя в абсолютном смысле. Вместе с тем функционирование и развитие отдельных систем характеризуется известной самостоятельностью по отношению к другим системам и в генетическом и в актуальном плане. В этом смысле каждая отдельная система выступает как причина самой себя. В генетическом плане каждая отдельная система есть *causa sui*, поскольку законы ее функционирования и развития не сводятся к законам системы, ее породившей, обладают своей качественной спецификой. В актуальном плане отношение «быть причиной самой себя» для отдельной системы проявляется в ее специфической реакции на внешние воздействия, определяемой законами функционирования данной системы как определенной качественной целостности. Таким образом, анализ отдельных материальных систем с позиций отношения «быть *causa sui*» представляет по своему существу выявление роли внутренней детерминации в их функционировании и развитии.

Однако содержание принципа самодвижения не исчерпывается положением о взаимодействии как *causa sui*. Данное значение принцип самодвижения получает при пересечении с принципом связи, обнаруживая тем самым момент тождества с последним и раскрывая лишь одну из сторон своего содержания. В связи с этим представляется неправомерным взгляд на самодвижение как на процесс, сущность которого сводится к его внутренней детерминированности¹¹. Подобное понимание самодвижения приводит к противопоставлению его движению как процессу, обусловленному преимущественно действием внешних детерминантов¹². Противопоставление самодвижения движению не согласуется, на наш взгляд, с ленинской трактовкой данной проблемы. Как известно, В. И. Ленин подчеркивал, что диалектическая концепция движения, в отличие от метафизической, есть понимание движения как *самодвижения*¹³.

Таким образом, включение принципа самодвижения в принцип связи, опосредствуемое категорией взаимодействия, обнаруживает еще одно отношение, в котором самодвижение есть связь, а связь есть самодвижение. Если связь через взаимодействие выступает как самодвижение, выявляя тем самым свой динамический аспект,

¹¹ См.: *Вяккерев Ф. Ф.* Диалектика как теория развития и научная методология.— В кн.: *Материалистическая диалектика как философская наука.* Л., 1976, с. 102; *Кайдалов В. В.* Самодвижение как философская категория.— Науч. тр. Перм. политехн. ин-та, 1968, № 34, с. 3.

¹² См.: *Вяккерев Ф. Ф.* Проблема самодвижения в материалистической диалектике. Л., 1972, с. 13, 15.

¹³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 317.

то самодвижение во взаимодействии выступает как такая связь, которую Ф. Энгельс назвал действительным каузальным отношением. Из тождества принципов самодвижения и всеобщей связи, проявляющегося во взаимодействии, вытекает и характер различий между ними. Совпадая в понятии взаимодействия, принципы не исчерпывают этим своего содержания, а лишь проявляют определенные его стороны. Если взаимодействие есть способ осуществления связи, ее всеобщий аспект, то самодвижение выступает как его внутренний механизм. Принцип связи, выражая универсальную зависимость вещей и явлений, охватывает собой все многообразие типов и форм связей. С этой точки зрения важнейшей чертой диалектики является «взаимозависимость и теснейшая неразрывная связь всех сторон каждого явления»¹⁴. Поэтому взаимодействие, выступая аспектом принципа связи в его всеобщей форме, не содержит в себе никаких ограничений относительно характера взаимодействующих сторон. Для взаимодействия же, рассматриваемого с позиций принципа самодвижения, существенное значение приобретает требование выделения сущностных связей системы, динамика которых определяет способ ее функционирования и тенденции развития.

Таким образом, принципы диалектики характеризуются как тождеством, так и различием. Выяснение характера взаимосвязи принципов имеет важное значение для выявления содержания каждого из них, поскольку сама эта взаимосвязь выступает как способ осуществления принципов. При этом устанавливается ряд посредствующих звеньев между отдельными элементами диалектики, реализуется требование генетического выведения одной категории из другой.

В. П. КАПИТОН

Тождество и различие законов материального мира

В советской философской литературе выделены достаточно четкие критерии тождества предметов, причем обращается внимание на критерии относительного и абсолютного тождества вещей, предметов; высказывается мысль о правомерности постановки вопроса о тождестве отношений¹.

Эта мысль, с нашей точки зрения, заслуживает серьезного внимания, поскольку позволяет поставить вопрос о тождестве связей. Понятия «отношение» и «связь» близки между собой, однако не тождественны. Каждую конкретную связь можно назвать и отношением, но не всякое отношение является связью. К примеру,

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 55.

¹ Панцхава И. Д., Пахомов Б. Я. Диалектический материализм в свете современной науки. М., 1971, с. 59.

временная последовательность случайных (одно после другого) явлений, противопоставление, расчленение и т. п.— это все отношения. Особенно отчетливо различие между связью и отношением обнаруживается в их логических и гносеологических функциях, где понятие «отношение» имеет несомненно более широкую область применения (формальная логика, математическая логика отношений и т. п.). Такие понятия, как «сравнение», «аналогия», «изоморфизм» и др., есть частные случаи понятия «отношение» в его гносеологической функции.

Философское понятие «связь», будучи сформулировано на основе данных эмпирического опыта и достижений специальных наук, характеризуется всеобщностью, и абстрагируясь от конкретных особенностей различных связей, фиксирует в себе момент единства, взаимовлияния всех моментов, всего многообразия материальных явлений. Исходя из этого можно выделить достаточно общий критерий связи: два явления взаимосвязаны, если изменения, которые происходят в одном, с необходимостью обуславливают изменения в другом.

Определив понятие «связь», попытаемся решить вопрос о тождестве связей по аналогии с вопросом о тождестве вещей, рассматривая связи S_1 и S_2 как два предмета². В этом плане две связи S_1 и S_2 тождественны, если и только если они замещают друг друга в некотором отношении более высокого порядка (считается, что связи могут находиться между собою в отношении). Соответственно этому может быть сформулирован критерий относительного и абсолютного тождества связей.

Критерий относительного тождества связей. Если связь S_1 , находящаяся в некотором определенном отношении к S_2 , может быть замещена S_3 , без того чтобы появилось различие (изменилось отношение), то S_1 называется тождественной в данном отношении S_2 .

То обстоятельство, что S_1 и S_2 находятся в одинаковом отношении к S_3 , означает, что S_1 и S_2 обладают одинаковыми признаками, проявляющимися в их отношении к S_3 .

Критерий абсолютного тождества связей. Две связи S_1 и S_2 , тождественные во всех без исключения отношениях, называются абсолютно тождественными. Абсолютно тождественные связи представляют собой одну и ту же связь (исходный принцип установления идентичности — принцип идентификации).

Если две абсолютно тождественные связи суть одна и та же связь, то далеко не всегда можно сказать, что одна и та же связь абсолютно тождественна самой себе. Это значит, что реальное тождество связей между материальными объектами всегда противоречиво. Другими словами, диалектическое тождество связей предполагает как внутреннее неразрывное единство тождественного с каждым отдельным, отличающимся, так и признание тож-

² Уемов А. И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963.

дества, не допускающего отождествления общего с каким-либо отдельным и особым. Диалектически понятое тождество связей ни в коей мере не исключает различия, многообразия их, изменчивости.

В связи со сказанным возникает вопрос: а каков смысл акцента на тождестве многообразных связей материального мира? Следует отметить, что различия между связями—это различия прежде всего качественные по характеру, хотя и совершенно разного порядка. Качественное многообразие связей нашло свое выражение в невозможности свести все связи материальных объектов к какому-то конкретному их виду или типу. Но как свидетельствует тенденция к интеграции и дифференциации научного знания, в бесконечном многообразии связей существуют определенные совокупности тождественных связей. Поэтому и распределение, классификация связей по определенным, тождественным совокупностям отразила бы одновременно и момент их единства, тождества, и их качественное различие.

В философской литературе были сделаны попытки произвести классификацию связей³. Исходя из этих попыток можно в первом приближении выделить следующие типы связей: 1) пространственно-временные, 2) субстратные, 3) атрибутивные, 4) структурные, 5) причинно-следственные, 6) функциональные, 7) генетические.

Заметим, что выделенные типы связей, по нашему мнению, носят субстанциональный характер. Сказанное следует понимать в том смысле, что в объективном мире не существует материальных объектов, лишенных пространственно-временных, субстратных, структурных, функциональных, причинно-следственных, генетических и т. д. связей. Так, при рассмотрении восходящего ряда форм движущейся материи и ее уровней (генетический аспект) обнаруживается, с одной стороны, тождественность связей между различными сторонами материальных объектов, с другой—чем выше и сложнее качественный уровень развития материи, тем больше индивидуального, особенного у материальных образований, имеющих тождественные связи. По мере «усложнения форм движения материи возрастают индивидуальные качественные и количественные различия между явлениями, входящими в одну и ту же совокупность»⁴ материальных объектов, обладающих тождественными связями.

В соответствии со сказанным можно выделить и определенные типы законов, учитывая существующие попытки классификации

³ Уемов А. И. О диалектико-материалистическом понимании связей между явлениями.— Филос. науки, 1958, № 1; Зелькина О. С. Системно-структурный анализ основных категорий диалектики. Саратов, 1970; Парнюк М. А. Принцип детерминизма в системе материалистической диалектики. Киев, 1972; Капитон В. П. О классификации естественнонаучных законов.— В сб.: Физическая теория и реальность. Воронеж, 1976.

⁴ Ким В. В. Возникновение и структура противоречия.— В кн.: Структурный анализ диалектического противоречия. Свердловск, 1975, с. 5.

законов, на основе группировки связей: 1) пространственно-временные; 2) субстратные; 3) атрибутивные; 4) структурные; 5) причинно-следственные; 6) функциональные; 7) генетические.

Все выделенные типы законов непосредственно связаны с категориями тождества и различия. Остановимся на этом подробнее, ограничиваясь, главным образом, структурным типом закона. Под структурным типом закона будем понимать необходимые и всеобщие структурные связи.

С точки зрения современной науки понятие структуры применимо к любому уровню материи, т. е. может быть введено на любом ее уровне. Но в таком случае понятие структуры органически сочетает в себе идею минимального числа качественно различных элементов структуры и мысль о невозможности их превращения в известной области явлений природы, т. е. о их неделимости⁵. Элементы структуры данного уровня материи, которым соответствуют законы структурного типа, неделимы по отношению к ней, поскольку лежат на пересечении качественно различных структур. То, что в одном типе структуры является элементом, на более низком уровне составляет иной качественно различный тип структуры. Поэтому и законы структурного типа существенно различаются между собой. Так, атомы как элементы молекулярной структуры сами представляют собой определенную структуру, состоящую из «ядра», электронов и других элементарных частиц, которые описываются рядом законов структурного типа. В этом плане законы структурного типа низлежащего уровня могут рассматриваться как исходные, базовые в структурах более высокого уровня.

Связи, которые лежат в основе данного типа законов, сами могут иметь определенную структуру. Структурность связей отчетливо проявляется, например, в кристаллографии: в соответствии со структурой связи различают кристаллы ионные, молекулярные, валентные, кристаллы с водородными связями. Используя законы, в которых решающую роль играют структурные связи, можно объяснить некоторую совокупность свойств, например, поведение квазичастиц в кристаллах.

Структурность связей между материальными объектами возможна тогда, когда изменение субстратов, свойств и т. д. протекает лишь по отношению к устойчивым, тождественным материальным образованиям, системам. Если нет такой устойчивости, нет субстанциального тождества, в которое вовлекаются так или иначе материальные объекты: потенциальные объекты, элементы будущей структуры, то связи не могут возникнуть, а стало быть, не могут существовать. Субстанциальная тождественность материальных объектов является необходимым условием формирования и устойчивого существования любого типа структур в определенном

⁵ Лойфман И. Я. Принципы физики и философские категории. Свердловск, 1973, с. 41.

интервале внешних воздействий. Какой бы тип структуры мы ни рассматривали, в соответствии с усложняющимися формами движущейся материи,— физический, химический, биологический, социальный, он не может возникнуть вне соответствующей субстанциональной тождественности материального объекта. Тождественность материальных образований— условие формирования определенной формы структурных связей. Именно благодаря этому законы структурного типа предстают как инварианты изменения материальных объектов.

Структурные элементы и структурные связи образуют диалектическое единство, которое выражается в целостности структуры. Целостность— форма выражения единства свойств данной материальной системы, определяемой внутренней структурой. Поэтому можно выделить группу законов структурного типа, которые характеризуют ее как целое, представляя собой, собственно говоря, выход за рамки данной структуры и возможности включения ее как частного случая в закон новой структуры на более высоком уровне. В этом случае познание фиксирует свойства, функциональные особенности данной структуры как целого по отношению к другим структурам.

Любая целостная структура имеет четко различимые уровни своих элементов, которые подчиняются определенным законам структурного типа, различающиеся по степени сложности. Каждый уровень материального объекта, складываясь из вполне определенных, устойчивых структур, в своей совокупности представляет сеть взаимосвязанных структур. Для того чтобы вскрыть специфику данного уровня материального объекта, необходимо найти основную структуру, которой бы соответствовал и основной закон. Так, для физических объектов основными структурами будут поля и элементарные частицы, для химических— атомы, для биологических— белки и нуклеиновые кислоты, для общественных— человек. Поэтому и структурные законы для каждого из основных перечисленных групп объекта вполне определены, но в них содержится то, что выходит за пределы данной области действия закона. Основные законы структурного типа включают в себя, с одной стороны, достаточную степень ограничения, а с другой— сложность и неисчерпаемость исследуемых объектов.

Таким образом, все структуры, соотносящиеся друг с другом как взаимосвязанные низшая и высшая формы движущейся материи, включают в себя законы структурного типа, т. е. то общее, что делает их в некотором отношении тождественными, и то особенное, что их отделяет друг от друга. При этом тождество законов структурного типа недостаточно для характеристики как высших, так и низших форм и уровней движущейся материи, ибо они не выражают их сущности. Анализ указанных типов законов с точки зрения одного лишь тождества упускает то, что приобретает материальными объектами и обнаруживается в законах, в процессе их качественного усложнения, т. е. то, что

именно специфически отличает данный закон структурного типа от предыдущих и последующих законов. В этом случае не тождество, а различие законов структурного типа на каждом из уровней движущей материи схватывает их специфику.

Для иллюстрации рассмотрим соотношение законов структурного типа, характерных для атомов и молекул, но проявляющихся, действующих на уровне живого. Те законы структурного типа, которые присущи атомному и молекулярному уровню, в данном случае преломляются через форму живого, обладающего еще более качественной спецификой, чем два предыдущих уровня. Очевидно, что проявление этих законов здесь значительно более преобразовано, существенно изменено, ибо они выступают как снятые моменты⁶. Не случайно естествоиспытатели, анализируя специфику живого и неживого, делают следующий вывод: живая материя на всех уровнях ее организации «подчиняется обычным физическим законам, действующим в области энергетических явлений. Тем не менее этих законов недостаточно для научного понимания и описания энергетических явлений, происходящих в биосфере. Это обусловлено специфическими свойствами живого»⁷.

Из приведенного высказывания Хильми следует, что во взаимодействиях между атомами, молекулами, клетками данного живого организма оформляются и приобретают значение иные структуры, а стало быть, и существенно иные законы структурного типа, не принадлежащие к уровню атомов и молекул, клеток. Структуры и структурные законы живого организма как бы надстраиваются над первыми, выходят за их пределы, но существуют не отдельно, а только в этих непосредственных отношениях и связях. Речь идет о существовании в живых системах структур и их законов высших порядков.

Биологическая форма движущейся материи является необычайно сложной и многогранной. Поэтому всякая попытка сведения законов высшей формы развития материи к низшей, без учета специфики, качественного отличия высшего, должна рассматриваться как проявление механицизма⁸. Разумеется, законы физики и химии не перестают действовать в живых системах — ведь жизнь берет начало из неживой природы. Живые организмы, однако, представляют собой совершенно новое качество. Поэтому физические и химические законы, функционирующие на уровне живого, модифицируются, изменяются. Наконец, уровни биологической организации: индивидуальный, популяционный (видовой)

⁶ Подробнее см.: *Ким В. В.* Возникновение и структура противоречия, с. 5—7.

⁷ *Хильми Г. Ф.* Основы физики биосферы. Л., 1966, с. 266.

⁸ Именно такой подход обнаруживается в статье: *Марков А. А.* Об отношении физических законов к биологическим. — В кн.: *О сущности жизни*. М., 1964, с. 169.

и биоценотический — хотя и представляют собой открытые системы различных порядков (с физической точки зрения), и обладают, следовательно, рядом общих признаков, тем не менее имеют характерные законы, специфические для каждого уровня⁹.

Таким образом, различия между законами структурного типа, которые присущи материальным объектам одной и той же формы, ступени движущейся материи, принципиально отличны от различий, присущих законам структурного типа, но относящихся к иным ступеням, формам материи.

Сказанным, разумеется, не исчерпывается вся проблематика различий законов. Если различие выражает многообразие бытия, характеризует неповторимую индивидуальность материальных объектов, неодинаковость и несопадение их составных элементов, то применительно к проблематике законов различия между ними можно подразделить на отдаленные, существенные и несущественные¹⁰.

Отдаленные различия законов — это различия между сторонами материальных объектов, не имеющих сферы общего взаимодействия, т. е. они настолько разобщены, отдалены и отличны друг от друга, что их различия совершенно неопределенны. Другими словами, в своих признаках и особенностях эти законы несравнимы. По-видимому, отдаленные различия законов — это различия между их типами, относящиеся к разным формам и ступеням движущейся материи.

Существенные различия законов — это те, которые вытекают из природы самого их тождества; именно через тождество законов одного и того же типа эти их различия выступают как существенные. Существенные различия между законами одного и того же типа характеризуют «различие существования» материальных объектов. Существенные различия законов объединяет общая сущность, а отличает специфика форм проявления.

Так, биосистемы различных уровней неотделимы друг от друга, они представляют собой иерархическую организацию систем и могут существовать только одновременно, находясь в последовательной субординации. Последовательная субординация биосистем различных уровней находит свое выражение в характерных законах. Например, законы любых типов популяционного уровня не могут быть сведены к законам организменного уровня, поскольку для первого характерен процесс естественного отбора, а для второго — обмен веществ.

Между ними имеется и общее, поскольку метаболические процессы, развертывающиеся в течение жизни организма, направлены не только на сохранение жизни и целостности организма как такового, но и на выполнение роли организма в жизни популя-

⁹ Веселовский В. Н. О сущности живой материи. М., 1971, с. 69—86.

¹⁰ См.: Ким В. В. Возникновение и структура противоречия, с. 4.

ции — воспроизведение и сохранение вида. Это значит, что общее направление метаболических процессов в тенденции определяется наличием естественного отбора — закона популяционного уровня¹¹.

Несущественные различия законов — это различия, представляющие внешние стороны проявления общей сущности. Для законов, например, структурного типа, относящихся к одной и той же форме, ступени движущейся материи, тождество законов есть именно то, что составляет одну из сторон сущности материальных объектов. Все, что отличает объекты и их законы, относящиеся к данной ступени материи, есть различие в формах ее проявления, характеризующих специфический способ ее существования.

Таким образом, различия между законами можно характеризовать в трех аспектах: 1) отдаленные различия законов — это качественные различия между их типами, проявляющиеся как на одной и той же ступени, форме движущейся материи, так и на других; 2) существенные различия законов — это различия между законами одного и того же типа, но проявляющиеся на близких в генетическом отношении ступенях и формах движущейся материи; 3) несущественные различия законов — это различия между законами одного и того же типа, проявляющиеся на различных уровнях данной формы, ступени движущейся материи.

Законы имманентно присущи материальным объектам; законы не возвышаются над материальными объектами, не детерминируют их и не определяют их движение, они являются одной из форм связи между ними. Поскольку законы имманентно присущи материальным объектам, постольку, говоря об изменчивости первых, можно, по нашему мнению, говорить об изменчивости самих законов: законы материальных объектов не остаются раз и навсегда тождественными самим себе, а могут характеризоваться со стороны не только их дления, но и бренности. Законы объективного мира не есть предметы как таковые, не есть нечто целое и законченное, законы — это сторона объективной действительности. Поэтому, когда мы высказываем суждение о законах, мы с полным правом можем характеризовать их со стороны необходимости, устойчивости, общего, повторяющегося. Но необходимое, общее, устойчивое, повторяющееся в законе не есть абсолютно тождественное, лишенное различий. Различие и тождество — две противоположности, неразрывно связанные друг с другом. Как различие законов одного и того же типа предполагает их тождественность, так и отождествление предполагает в чем-то различие между законами.

¹¹ Ботнарюк Н. Некоторые теоретические вопросы соотношения целостных биологических систем. — В кн.: Проблема целостности в современной биологии. М., 1968, с. 76—78.

Тожество и различие, качество и количество

Специфичность категорий качества и количества выражается через сопоставление, в первую очередь, с категориями тождества и различия¹. Безусловно, связь между этими парами категорий наиболее важна для выражения объективного основания использования категорий качества и количества.

Диалектика не разрывает между собой тождество и различие, а, напротив, настаивает на существовании в реальном мире только конкретного тождества — тождества в различии или же различия на базе тождества. «Тот факт, что тождество содержит в себе различие, выражен в каждом предложении, где сказуемое по необходимости отлично от подлежащего», — пишет Ф. Энгельс. «Тождество с собой уже с самого начала имеет своим необходимым дополнением отличие от всего другого». И далее: «...Истинное, конкретное тождество содержит в себе различие, изменение»².

Само по себе утверждение о существовании различий между объектами и лишь конкретного тождества еще не содержит указания на необходимость использования категорий качества и количества при отражении действительности. Эта необходимость определяется тем, что и различие, и тождество неоднородны, неоднородны. Категории качества и количества не сводятся, следовательно, к категориям тождества и различия, они схватывают такую закономерность в соотношении различий и тождеств между собой, которая самими категориями тождества и различия непосредственно не выражается.

Безусловно, различия между двумя сходными вещами, принадлежащими к одному классу, и различия между вещами, имеющими мало общего, неодинаковы. Так, В. В. Ким подразделяет различия на отдаленные, существенные и несущественные³. Однако возникает мысль о возможности «заполнить» различие первого рода — отдаленное различие — различиями меньшего порядка, вовлекая в рассмотрение другие объекты. Действительно, Ф. Энгельс, полемизируя с Негели, отвергающим нашу способность познавать качественные различия, пишет: «Если мы станем сопоставлять в отдельности друг с другом такие две до крайности различные вещи — например, какой-нибудь метеорит и какого-нибудь человека, — то тут мы откроем мало общего, в лучшем случае то, что обоим присуща тяжесть и другие общие свойства тел. Но между обоими этими вещами имеется бесконечный ряд

¹ См.: Взаимосвязь категорий. Свердловск, 1970, с. 52.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 529—530.

³ Ким В. В. Тождество и различие. — Филос. науки, 1965, № 6; *Он же*. Тождество и различие как категории материалистической диалектики. Свердловск, 1969, с. 17.

вещей и процессов природы, позволяющих нам заполнить ряд от метеорита до человека и указать каждому члену ряда свое место в системе природы и таким образом познать их»⁴. Ясно, что степень любых различий внутри рассматриваемого ряда меньше, нежели между его «концами»; здесь проявляется своего рода постепенность, непрерывность.

Сравнение объектов, обладающих разной степенью различия, уже может составить объективное основание для использования категорий качества и количества. Однако логически возможно утверждение: «Природа не терпит скачков, никаких резких границ между объектами нет, и любую границу (различие), в принципе, можно заполнить до мельчайших деталей, сделав различие непрерывно накапливающимся». Представление о подобном ряде объектов с непрерывно, равномерно, плавно накапливающимися различиями не соответствует действительности, а потому, будучи априорным, оно метафизично, ибо противоречит объективной диалектике связей между объектами реального мира.

В действительности в некоторых участках ряда степень различия меняется более резко, нежели в других. Так, в ряду от метеорита до человека более резкими будут различия между органическим и неорганическим, нежели внутри органического или неорганического, между социальным и биологическим, нежели внутри социального или внутри биологического. Такие скачки в степени различия соответствуют скачкам в процессе развития при переходе от одного качества к другому: разные стадии поступательного развития форм материи сосуществуют одновременно в пространстве, взаимодействуя между собой. Взрывообразности, временной скоротечности качественного скачка в развитии соответствует крайне слабая заполненность отдельных участков ряда между отдаленно различными предметами. Слабая заполненность отдельных участков ряда, например между метеоритом и человеком, объясняется тем, что переходные формы между классами качественно тождественных устойчивых объектов (социальным и биологическим, живым и неживым) встречаются в природе крайне редко.

Изложенная черта действительности — неоднородность различий, иерархическая структура — служит как объективной основой для всякого рода классификаций, так и главным объективным основанием использования при отражении действительности категорий качества и количества. В самой действительности существуют классы объектов, во многих существенных чертах тождественных, но довольно резко отличных от объектов всех иных классов; в природе имеются весьма четкие, резкие границы между классами объектов.

Следует подчеркнуть, что речь идет здесь не о пространственных, а именно о качественных границах. Гегель так говорил

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 547.

о подобной границе: «В нечто его граница есть по существу его определенность. Но если мы под границей понимаем количественную границу, и, например, поле изменяет эту свою границу, то оно остается полем как до, так и после этого. Напротив, если изменяется его качественная граница, то это изменяется та его определенность, через которую оно есть поле, и оно становится лугом, лесом и т. д.»⁵ Качественная граница далеко не всегда совпадает с пространственной, и их не следует смешивать. Понятие качественной границы связано с понятием меры в аспекте связи, которая указывает на размеры множества объектов, обладающих данным качеством. К вопросу о границах между объектами действительности примыкает вопрос о соотношении части и целого. Разграниченность действительности на отдельные объекты есть расчлененность целого, и эта расчлененность не обязательно должна быть пространственной.

Таким образом, качество и количество отражают противоречивое единство прерывного и непрерывного, части и целого в различиях и тождествах между объектами. Можно сказать, что категории качества и количества образуются на стыке пар категорий тождества и различия, части и целого. В одном отношении — при сравнении данного класса объектов с другими классами — качество отражает прерывность, разграниченность классов, расчлененность действительности. Количество, напротив, отражает в этом же отношении непрерывность, целостность каждого класса объектов. Но в другом отношении — при обращении «внутри» классов объектов — качество и количество меняются местами.

Констатируя качественную прерывность, разграниченность действительности, неверно было бы ее абсолютизировать, ибо для абсолютизации здесь нет объективного основания. Хотя между разными классами объектов и существуют весьма резкие границы, они не являются абсолютно «пустыми»: в ряду объектов между двумя отдаленно различными объектами не бывает совершенно не заполненных участков.

Связь качества и количества с тождеством и различием можно уточнить, используя категории общего, особенного и единичного. Любое отдельное (данное целостное материальное образование) есть неразрывное единство общего, особенного и единичного, причем между общим и единичным имеется бесконечная «лестница» особенного. Качество — общее и особенное одновременно; общее для данного класса объектов, которое отграничивает его от всех других классов, т. е. особенное в рамках более широкого класса. Ясно, что в рамках данного класса имеются особенности меньшего порядка — вплоть до единичных признаков. Все такие различия относятся к количественным. Поскольку бесконечная «лестница» особенного от всеобщего до единичных признаков является неравномерной, имеется необходимость в категориях качества и коли-

⁵ Гегель. Наука логики. М., 1937, с. 198.

чества для констатации скачкообразности перехода от особенностей одного порядка к особенностям иного порядка.

Итак, категории качества и количества в аспекте связи необходимы для отражения объективной разнорядковости различий между предметами (вещами, свойствами, отношениями) реального мира. Различие между данным классом объектов и объектами всех иных классов более существенно, нежели различие внутри самого класса. Ни категории тождества и различия, ни категории общего, особенного и единичного сами по себе недостаточны для отражения названной неоднородности. Эту функцию выполняют категории качества и количества, отделяя различие целого класса объектов от всех различий меньшего порядка.

Т. С. КУЗУБОВА

Форма как тождество различного

Во всяком противоречии диалектика вскрывает аспект связи, рассматривая связь как единство тождества и различия. «Каждое определение, каждое конкретное, каждое понятие есть по своему существу единство различных и различимых моментов, которые благодаря определенному, существенному различию становятся противоречивыми»¹. Тождество и различие являются базисными категориями диалектики. Базисные категории служат для раскрытия принципов диалектики, а «принципы диалектики в их взаимосвязи фиксируют основные аспекты предмета диалектики и вместе с тем основные аспекты диалектического противоречия...»². Поэтому изучение парных категорий, выражающих единство диалектических противоположностей, с точки зрения тождества и различия может оказаться весьма плодотворным.

В данной статье мы рассмотрим связь базисных категорий тождества и различия с категориями формы и содержания с целью выделить определенный аспект категории «форма» — форма как тождество различного.

Рассмотрение соотношения категориальных пар «форма-содержание» — «тождество-различие» требует, по нашему мнению, обращения к категории сущности. В гегелевской логике тождество и различие, содержание и форма — это категории сущности. По Гегелю, в сущности все относительно, все дано в соотношении, а «в определениях отношения противоречие выступает непосредственно»³. Познавая сущность предмета, мы вскрываем противоречие, которое определяет его существование и развитие; необходимыми элементами противоречия выступают тождество и различие:

¹ Гегель. Наука логики. М., 1971, т. 2, с. 68.

² Лойфман И. Я. Развитие как базисная категория диалектики. — В кн.: Диалектика прогрессивного развития. Свердловск, 1976, с. 15.

³ Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 127.

импульс движения и основание сущности обнаруживаются в ней самой, она сама служит своим собственным основанием. В своем самодвижении сущность выступает как основание тех форм, в которых она является. Гегель указывал, что «нельзя... спрашивать, каким образом форма присоединяется к сущности: ведь она лишь видимость сущности внутри самой себя, имманентная ей собственная рефлексия»⁴.

Сущность определяет и содержание, и форму явления в системе его отношений с другими явлениями. Необходимо учитывать, что «каждая форма сущности есть вся сущность в определенной форме»⁵, каждой форме сущности соответствует и вполне определенное, конкретное содержание. Если предмет проходит в своем развитии ряд этапов, то и содержание, и форма отдельного этапа качественно специфичны, основа их — сущность в определенный момент ее развертывания. В связи с этим представляется справедливым мнение о том, что «решительно нет никаких оснований не только утверждать, но даже и предполагать, что одному и тому же содержанию может соответствовать ряд форм, ибо такое понимание предполагает форму как нечто внешнее содержанию, как что-то надетое на него»⁶. Источником изменения содержания и, в соответствии с ним, формы предмета является развертывание противоречия в самой его сущности.

По Гегелю, сущность — это «движение через различные моменты, абсолютное опосредствование с собой»⁷. Взаимосвязь тождества и различия выступает как первое определение сущности. «Тождество есть категория диалектики, отражающая в отношениях действительности сторону непрерывности, устойчивости, постоянства вещей и повторяемость их в бесконечном процессе развития и становления мира», а различие — категория, «отражающая прерывность, изменчивость и неповторяемость вещей, их специфическую особенность, индивидуальность»⁸. Опосредствование сущности предмета с собой есть не что иное, как движение его в совокупности многообразных отношений. «Как сущность он (предмет) есть то, что он есть только в отношениях к самому себе как отличному от себя»⁹. Отношение к самому себе как отличному от себя осуществляется благодаря движению предмета через совокупность его отношений, через реальное отождествление с одними предметами и различие с другими. Так, «действительное, деятельное отношение человека к себе как к родовому существу... возможно только тем путем, что человек действительно извлекает

⁴ Гегель. Наука логики, т. 2, с. 77.

⁵ Вазюлин В. А. Логика «Капитала» К. Маркса. М., 1968, с. 87.

⁶ Кукарский А. С. Единство содержания и формы. — В сб.: Проблемы диалектики. Тюмень, 1969, с. 98.

⁷ Гегель. Соч. М., 1930, т. 5, с. 479.

⁸ Ким В. В. Тождество и различие как категории материалистической диалектики, с. 7.

⁹ Вазюлин В. А. Логика «Капитала» К. Маркса, с. 19.

из себя все свои родовые силы и относится к ним как к предметам»¹⁰.

Рассматривая деятельность как способ бытия социальной деятельности, мы тем самым характеризуем сущность человека как деятельностьную. «В процессе деятельного осуществления своей сущности» (К. Маркс) человек получает возможность отнестись к себе самому как к отличному от себя. Опредемявая свои сущностные силы, создавая предметы, человек отрицает себя как конечное существо, а предстает в своей всеобщности, так как предмет создается им для множества других людей, для рода. Благодаря предмету он видит в другом человеке самого себя, свою сущность. «Труд и разделение труда создают разность индивидов, разрывают природно-биологические узлы, соединяющие индивидов, учреждают между ними мир материальной культуры, отдаляют индивидов друг от друга и создают у них разные содержания сознания»¹¹. Эти различия порождаются самой сущностью, возникают из самого процесса деятельности и ее дифференциации, это «различные моменты» одной сущности, различия в тождестве.

Каким же образом происходит реальное отождествление различного? Деятельность одних индивидов соотносится с деятельностью других в процессе обмена деятельностью, опосредствованием деятельности являются общественные отношения. «Интенсивность обмена, его распространение, как и его форма, определяются развитием и структурой производства»¹²: производство по отношению к обмену выступает как содержание, а обмен — способ осуществления, движения производства, форма. В рамках определенного способа обмена деятельностью и посредством его происходит реальное отождествление различного содержания деятельности людей. Сущность — деятельность — движется через опосредствование самой себя, через общественные отношения, которые постоянно воспроизводятся деятельностью как ее собственная форма, способ организации и движения содержания.

Итак, в «движении через различные моменты» сущность предмета остается тождественной и отличие предмета от самого себя имманентно самому предмету. Предмет в своем движении предстает «в качестве взаимопереплетения множества отношений»¹³, как связанное целое. Если совокупность всех сторон и моментов данного предмета, «связная целостность различного»¹⁴, составляет его содержание, то форма есть способ выражения и реализации содержания. Формальные связи выступают как способ выражения и реализации связей содержания. Таким образом,

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 159.

¹¹ Мегрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1973, с. 102.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 36.

¹³ Мамардашвили М. К. Формы и содержание мышления. М., 1968, с. 44.

¹⁴ Там же, с. 123.

форма как определенный порядок отношений предмета является необходимым определением сущности в ее движении через «различные моменты». «Сущность же как соотнесенный субстрат есть определенная сущность; в силу этой положенности она по своему существу имеет в себе самой форму»¹⁵. Будучи способом выражения и реализации содержания, форма упорядочивает, организует его, отождествляет различные стороны и моменты предмета, выступает, следовательно, как тождество различного. Форма как способ организации содержания постоянно воспроизводится в движении предмета и выражает логику этого движения; всеобщность, устойчивость, повторяемость — таковы определения формы. Следовательно, рассматривая форму как способ движения содержания, мы также можем характеризовать ее как тождество различного.

Выше было показано, что общественные отношения как форма деятельности, как «то опосредствующее движение, тот человеческий общественный акт, в результате которого продукты человека взаимно дополняют друг друга»¹⁶, выступают в качестве тождества различного. Попытаемся показать это на конкретно-историческом примере. В капиталистическом обществе деятельность выступает в определенной общественной форме: целью всякой деятельности является производство стоимости. Эта цель капиталистического производства есть выражение всей системы общественных отношений, обмен стоимостей опосредствует участие отдельного лица во всеобщей деятельности. «Деятельность, какова бы ни была ее индивидуальная форма проявления, и продукт этой деятельности, каковы бы ни были его особенные свойства, есть меновая стоимость, в чем всякая индивидуальность, всякие особые свойства отрицаются и погашены»¹⁷. Здесь тождество деятельности индивидов, ее всеобщий характер выражены в общественной форме труда и его продукта — в стоимости. «...Меновая стоимость есть не что иное, как соотношение производительной деятельности лиц между собой»¹⁸. В процессе обмена стоимостей отождествляются различные содержания деятельности индивидов, устанавливается их тождество в сущности; общественные отношения являются здесь «отчужденным опосредствованием человеческого производства с человеческим производством»¹⁹.

Таким образом, рассмотрение во взаимосвязи таких категорий, как сущность, опосредствование, тождество и различие, форма и содержание, позволяет выявить определенный аспект в содержании категории «форма», понять форму как тождество различного. В процессе опосредствования сущности форма выступает как ее

¹⁵ Гегель. Наука логики, т. 2, с. 75.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 18.

¹⁷ Там же, т. 46, ч. 1, с. 100.

¹⁸ Там же, с. 103.

¹⁹ Там же, т. 42, с. 18.

необходимый момент: «форма имеет в своем собственном тождестве сущность...»²⁰. Форма, устанавливая порядок отношений предмета, несет в себе черты всеобщности, повторяемости, т. е. тождественности. Как таковая форма обеспечивает устойчивость в движении предмета и постоянно воспроизводится в этом движении. «Деятельность» формы состоит в опосредствовании, отождествлении различного. Благодаря тому, что форма выступает как тождество различного, «в своей развитой определенности она есть закон явлений»²¹; форма в процессе движения содержания обнаруживается как логика этого движения. Поскольку речь идет о развитой форме, то форма как закон, следовательно, выражает уже более глубокий уровень тождества. Исследование формы с точки зрения тождества и различия позволяет также более конкретно рассмотреть диалектику формы и содержания, процесс перехода от одной формы к другой. Форма как тождество различного представляет собой границу дифференциации содержания, за рамками которой происходит «сбрасывание формы, переделка содержания»²².

А. М. ИЗРАИЛЕВСКИЙ

Структура и тождество

Важное место в концептуальном аппарате современной науки занимает понятие «структура», однако однозначности в его определении достигнуть пока не удалось. Это связано с двумя основными причинами: во-первых, с тем, что структурные идеи относительно недавно стали объектом философско-методологического анализа; во-вторых, с чрезвычайным многообразием форм их реализации в различных областях научного знания. Вместе с тем широкое проникновение структурного анализа в современную науку делает эту задачу крайне актуальной. Думается, что дальнейшее исследование данного понятия будет состоять в установлении его взаимосвязей с хорошо изученными, «традиционными» философскими категориями. В этой связи несомненный интерес представляет рассмотрение соотношения структуры и тождества с его последующей интерпретацией на методологическом материале современной науки.

Несмотря на отсутствие однозначного и исчерпывающего определения структуры, выделен ряд важных аспектов, ставших общепризнанными. Прежде всего отмечается, что структура есть «отношение между отношениями», причем это такое отношение, которое описывает «определяемую устойчивыми связями упорядоченность системы», выражает «особенности, характеризующие типы связей»; структура всегда реализуется «в качестве инвариантного аспекта

²⁰ Гегель. Наука логики, т. 2, с. 76.

²¹ Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1975, т. 1, с. 298.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 203.

системы»¹. Структура — это относительно устойчивый, упорядоченный, инвариантный тип отношений в рамках системы.

В рассмотренных определениях очевидна диалектическая противоречивость структуры: с одной стороны, это понятие ориентировано на отражение качественно специфических систем отношений, с другой — стремится к их типизации, поиску инвариантов. Отмеченное противоречие, несомненно, не антиномия нашего разума. Речь идет об имманентной противоречивости самого понятия «структура». «Понятие структура, применяемое в конкретных науках,— пишет Г. И. Рузавин,— отображает не только связи между элементами изучаемой системы, но и конкретную, качественную природу этих элементов. В противоположность этому в математической структуре... совершенно отвлечаются, абстрагируются от изучения природы самих элементов»². Иными словами, качественный анализ различных систем выявляет и качественно различные структуры, в целом не сводимые друг к другу. Но в известном плане структуры оказываются сравнимыми, способными к редукции, и этот аспект их взаимодействия раскрывается через категорию тождества.

Основой материалистического подхода к структурному анализу является принцип определяемости структуры классом элементов системы. Рассмотрение класса элементов как целого позволяет вычленил среди них тождественные группы. Они и являются базой тождественности структур. На этот аспект структурных отношений обратил внимание Н. Ф. Овчинников: «...именно тождественность элементов класса структурных объектов существенна для структурных отношений. Более того, тождественность отношений, характерная для структуры, определяется тождественностью элементов. Если нет этой тождественности, то нет и структуры»³.

Интересно отметить, что двухмерность структурного анализа и связь категории тождества с интегративно-целостными аспектами системы были зафиксированы уже в рамках античной философии⁴. В классическом гегелевском анализе взаимосвязи диалектической пары категорий «тождество» и «различие» большое значение имеет их рассмотрение в контексте целого. «Части отличны друг от друга и самостоятельны,— писал Гегель.— Но они представляют собой части только в их тождественном отношении друг с другом или, другими словами, постольку, поскольку они, взятые вместе, составляют целое»⁵. Безусловно, современное Гегелю естествознание не

¹ См.: Сагатовский В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск, 1973, с. 188; Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973, с. 62; Малиновский А. А. Общие вопросы строения систем и их значение для биологии.— В кн.: Проблемы методологии системного исследования. М., 1970, с. 149; Овчинников Н. Ф. Структура и симметрия.— В сб.: Системные исследования. М., 1969, с. 119; и др.

² Рузавин Г. И. Математизация научного знания. М., 1977, с. 16.

³ Овчинников Н. Ф. Структура и симметрия, с. 118.

⁴ См.: Аристотель. Соч. М., 1975, т. 1, с. 257.

⁵ Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974, т. 1, с. 301.

могло дать сколько-нибудь весомых интерпретаций данных положений. Лишь углубляющийся системный характер науки второй половины XX в. в полной мере может раскрыть их. Так, например, широкое отождествление разных аспектов художественных произведений позволило сделать вывод о том, что «и текст отдельного стихотворения, и искусство отдельной эпохи могут быть представлены в виде единой структуры, организованной по определенным, только ей присущим внутренним законам»⁶.

Для раскрытия внутренней основы широко используемого методологического приема отождествления структур можно привлечь понятие структурного эталона, разработанное В. Н. Сагатовским. Оно фиксирует тот идеальный образец, который служит основой отождествления разнокачественных структур. «Совокупность отношений между элементами множества,— пишет В. Н. Сагатовский,— соответствующая степени различия их отношений к элементу-эталону, называется структурой множества»⁷. Структурный эталон есть алгоритм упорядочения структур, стержень их интеграции. Он может иметь частный характер, т. е. аксиоматически задаваться на группе качественно однородных структур; может, однако, представлять собой абстрактную структуру с типовыми характеристиками весьма высокой степени общности. Так, например, румынский философ О. Четан предложил «рассматривать самые различные антропологические и социальные факты как системы знаков со структурой типа обозначающее — обозначаемое, интегрированной в цепь коммуникации и обмена»⁸. В рамках материалистической общесоциологической концепции упорядочение некоторых социальных структур по семиотической структуре-эталону имеет достаточно плодотворные теоретико-методологические следствия.

Структурный эталон выступает внутренней основой упорядочения различных структур. Механизм же структурной интеграции обеспечивает компаративный метод, предполагающий широкое сравнение конкретных структур, поиск их инвариантных, тождественных сегментов. Полученная в результате последовательно разворачивающегося процесса отождествления структура имеет формальный характер, существенно оторвана от своего реального базиса — конкретных систем. «Это тождество,— писал Гегель,— есть формальное или рассудочное тождество постольку, поскольку его удерживают и абстрагируют от различия. Или, скорее, абстракция и есть полагание этого формального тождества, превращение в себе конкретного в эту форму простоты, безразлично, происходит ли это превращение так, что часть наличного в конкретном многообразии опускается... и выделяется лишь одна его часть; или так,

⁶ Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Л., 1972, с. 9.

⁷ Сагатовский В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий, с. 187.

⁸ Chetan O. L'analyse Structurale et la transfert de modeles the arigyes.— Proceeding of the XVth Words Congress of Philosophy. Sofia, 1975, vol. 6, p. 581.

что, опуская различия многообразных определенностей, их сливают в одну определенность»⁹.

Процесс отождествления структурных отношений, ограничивая возможности качественного анализа, значительно расширяет пределы формально-количественного изучения систем. Это достигается широким применением методов математического моделирования реальных структур, ибо, как пишет американский математик и методолог науки А. Рапопорт, «...когда адекватная математическая модель некоторой ситуации получена, можно говорить о теоретической унификации всех ситуаций, которым соответствует эта модель»¹⁰.

Принципы, формы и приемы математического моделирования в естествознании глубоко исследованы в нашей литературе. В последнее время много дискуссионных проблем возникло в связи с методологическим анализом математического моделирования социальных процессов. Представляется убедительной точка зрения о том, что «структурализация социального познания в своей крайней и завершенной форме... ведет к его математизации»¹¹. Резко возросли и технические возможности оперирования математическим знанием: широкое внедрение в социальное исследование ЭВМ, многофакторных математических моделей, АСУ подняло на качественно новый уровень степень точности и совершенства структурно-математического анализа социальной информации¹². Таким образом, использование метода отождествления разнокачественных социальных структур, поиск их логических изоморфизмов, стремление к унификации, допускающей дедуктивное выведение одних структур (производных) из других (базисных), открывает большие возможности для подключения математики. В общеметодологическом плане эта проблема была поставлена еще Гегелем: «Поскольку, впрочем, при сравнении дело идет о том, чтобы свести имеющиеся налицо различия к тождеству, математика должна рассматриваться как наука, в которой эта цель достигнута наиболее полно...»¹³.

В рамках и под непосредственным влиянием математического моделирования наметилась и более широкая тенденция к формализации знания. Суть ее сводится к построению такого аксиоматически заданного формального языка, в рамках которого распознавание любого элемента подчинялось бы принципам конструктивности и формальности. Формализованные языки достаточно плодотворно применяются в современном естествознании, особенно для описания квантово-механических систем. Что касается формализации социальных теорий, то сложность и многоплановость их объ-

⁹ Гегель. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 269—270.

¹⁰ Рапопорт А. Различные подходы к общей теории систем.— В сб.: Системные исследования. М., 1969, с. 73.

¹¹ Гиндев П. Философия и социальное познание. М., 1977, с. 315.

¹² См.: Социология и современность. М., 1977, т. 1, с. 55.

¹³ Гегель. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 274.

ектов делает этот процесс крайне трудноосуществимым. Попытки построения аксиоматических теорий в рамках американского структурного функционализма в социологии существенных результатов не дали.

Встречающиеся большие трудности, однако, не снизили интереса ряда буржуазных социологов к формализации вообще и поиску формально-математических моделей в частности. По мнению американского социолога Г. Цеттерберга, «наиболее полноценная структура теории та, которая называется аксиоматической»¹⁴. Большие усилия в этом направлении приложил в последние два десятилетия французский этнолог и философ Клод Леви-Стросс, предметом исследований которого были глубинные структурные закономерности различных систем — родства, ритуала, обычаев, мифов и т. д. Причем, по свидетельству самого ученого, «наши исследования имеют лишь одну цель — конструирование моделей, формальные свойства которых, с точки зрения сравнения и объяснения, сводимы к свойствам других моделей, что поднимает их на иные стратегические уровни»¹⁵. В структуралистской концепции Леви-Стросса особенно важен принцип единства моделирования формальных структур и их математизации. Таким образом, в категориальном плане структурализм стремится к максимальному сближению структуры и тождества.

Абсолютизация момента совпадения структуры и тождества в рамках буржуазной социологии, помимо собственно методологического, имеет, несомненно, и ярко выраженный мировоззренческий смысл. Как пишут авторы капитального исследования проблемы современной социологии: «Теоретической основой предсказаний «прихода постиндустриального общества», как правило, служит методология структурного функционализма, согласно которой общество (и современный капитализм прежде всего) рассматривается по существу с позиций «теории равновесия»¹⁶. Под равновесием социальной системы буржуазные социологи понимают стабильность ее структурных параметров, которая обеспечивается механизмами социального контроля.

Совершенно недвусмысленная идеологическая направленность перенасыщения социальных исследований структурными схемами и формально-математическим инструментарием в рамках буржуазного общественнознания, трудности, с которыми столкнулись попытки глобальной формализации социальных систем, достаточно ясно продемонстрировали ограниченность формально-структурного подхода к социальному знанию. В этих условиях с особой силой зазвучала известная ленинская мысль о том, что успехи в математизации науки могут стать объектом идеалистических спекуляций:

¹⁴ Zetterberg H. On axiamatic theories in Sociology.— In: The Language Of Social research. Illinois, 1955, p. 533.

¹⁵ Levi-Strauss C. Anthropologie structurale. Paris, 1958, p. 313.

¹⁶ Соцнология и современность. М., 1977, т. 2, с. 13.

«Крупный успех естествознания, приближение к таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку, порождает забвение материи математиками»¹⁷. Однако это отнюдь не означает негативистского отрицания использования структурных формализмов в рамках обществознания. Абстрагирование от моментов различия в структурных отношениях позволяет сконцентрировать внимание на повторяющемся, тождественном. Структурное тождество реализуется через изоморфность структур разных систем, что позволяет строить формальные модели, связанные между собой логическими звеньями, допускающими алгоритмизированный переход от одной модели к другой. Конечно, ни одна такая формальная модель, так же как и комплекс моделей, не может исчерпать все многообразие социальных отношений в рамках той или иной структуры. Но формальные модели способны зафиксировать стабильные, повторяющиеся отношения, установить логические связи между ними. Таким образом, если тождество отражается в структуре как изоморфизм различных сегментов отношений, то структура реализуется в тождестве через операциональность, возможность формально-конструктивных преобразований.

Объективной основой структурного моделирования в социальных исследованиях является реальный изоморфизм структур различных социальных систем, идеальным отражением которого и выступает частичное совпадение структуры и тождества. Отрыв от этой объективной основы чреват опасностью операционалистского субъективизма, искажением сложных и противоречивых социальных отношений. Подобную попытку субъективизации толкования структурного моделирования в социальных исследованиях предпринял английский социальный антрополог Дж. Битти. «Значимость научной модели,— пишет он,— помимо ее связи с эмпирическими данными, определяется не столько ее истинностью, сколько полезностью или «стратегической ценностью» в упрощении сравнения или обеспечении новым знанием»¹⁸. Такой подход резко сужает реальные возможности моделирования в обществознании, превращает его в беспредметную игру тавтологиями. В противоположность ему материалистическая интерпретация сближает процесс моделирования с поиском закономерностей социальных явлений, вскрытием их сущности. Более того, моделирование изоморфных сегментов структур позволяет экстраполировать модели, хорошо зарекомендовавшие себя в одной науке, на структурные связи, исследуемые в других науках, что открывает дорогу к широким междисциплинарным обобщениям. Например, в современной структурной лингвистике найдены такие формальные модели, которые удалось успешно применить в некоторых разделах этнологии, социологии, социальной психологии, фольклористики и т. д.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 326.

¹⁸ Beattie J. H. M. Social Anthropology.— In: The new outline of modern knowledge. London, 1956, p. 258.

Единство диалектического и исторического материализма

Единство марксистско-ленинской философии выступает как историческая и теоретическая взаимосвязь и взаимообусловленность ее составных частей — диалектического и исторического материализма. При исследовании проблемы их единства мы будем исходить из понимания единства как категории, отражающей, с одной стороны, принадлежность чего-то к единому, к целостности, а с другой — наличие в частях целого общего¹. Единство в последнем аспекте совпадает с тождеством, включающим в себя различие.

Проблема единства диалектического и исторического материализма — проблема многогранная. В ней можно выделить следующие аспекты: 1) отношение диалектического материализма к историческому материализму как отношение общего к особенному, или как обоснование диалектическим материализмом исторического материализма; 2) обоснование историческим материализмом диалектического материализма; 3) наличие у диалектического и исторического материализма общего объекта (а тем самым общих принципов и категорий), но исследуемого каждым из них под специфическим углом зрения.

Отношение диалектического материализма и исторического материализма как отношение всеобщего и особенного реализуется в различных формах.

Исходными категориями диалектического материализма являются категории материи и сознания и производные от них. Посредством этих категорий основной вопрос в марксистской философии решается в наиболее абстрактной форме, т. е. в диалектическом материализме идеальное соотносится с материальным безотносительно к его конкретным проявлениям. Материальное здесь охватывает (включает) как те проявления материи, которые вошли в сферу человеческой деятельности, так и те ее бесконечные проявления, которые находятся за пределами последней. В историческом материализме то же идеальное, человеческое сознание соотносится не с материальным вообще, а только с тем материальным, которое функционирует в человеческой деятельности, в пределах социальной формы движения материи. Поэтому в обществе отношение материального и идеального выступает как отношение бытия общества и сознания общества. При этом исторический материализм особо исследует обратное воздействие сознания, идеального на материальное (проблема субъективного фактора истории, проблема

¹ См.: Ким В. В. Тождество и различие как категории материалистической диалектики. Свердловск, 1969, с. 37—39.

превращения науки в непосредственную производительную силу и т. д.).

Далее. Любой процесс в обществе (в отличие от природы) так или иначе опосредуется сознанием. «Сознательная жизнедеятельность,— писал К. Маркс,— непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности»². Поэтому специфика общества как социального целого может быть раскрыта только на основе учета поляризации его явлений на материальные и идеальные. Но в таком случае и категории исторического материализма, отражающие соответствующие явления, также должны носить полярный, соотносительный характер. Законы общества выступают как проявление общедialeктических законов, являющихся предметом диалектического материализма. Но законы общества как особенное являются продуктом и тех специфических условий, в которых оказалось всеобщее. Поэтому законы общества как социального целого (особенное) обладают относительной самостоятельностью, т. е. в полной мере эти законы и не выводятся из всеобщих законов материалистической диалектики, и не сводятся к ним. Из этого следует, что в принципах исторического материализма (принцип материалистического понимания истории, принцип деятельности, принцип историзма и др.) и системе его категорий, с одной стороны, воплощаются все принципы диалектического материализма (принцип материализма, принцип противоречия, принцип связи, развития, детерминизма и системности), а с другой — раскрывается специфика социальной диалектики как частного случая диалектики вообще.

Из сказанного следует вполне определенный вывод: без диалектического материализма нет и не может быть исторического материализма. Но не менее правильным является и противоположное положение: без исторического материализма не может возникнуть и развиваться и диалектический материализм, материалистическая диалектика³. Материализм становится до конца последовательным только тогда, когда он становится историческим материализмом. Это связано прежде всего с тем, что именно материалистическое понимание истории, исследование соотношения материального и идеального в обществе позволяет обосновать научное решение проблемы отношения сознания к материи вообще.

Исследование историческим материализмом всеобщих структур человеческой деятельности, практики позволяет обосновать всеобщие законы материалистической диалектики. Возможность такого обоснования вытекает из того, что практика как предметная деятельность не может осуществляться иначе как по законам объективного мира, в том числе и по всеобщим законам бытия. При этом следует иметь в виду, что сама практика вошла в гносеоло-

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 93.

³ История марксистской диалектики. От возникновения марксизма до ленинского этапа. М., 1971, с. 77—112.

тию через материалистическое понимание истории, а в понимание истории — через решение гносеологических проблем⁴.

Единство диалектического и исторического материализма находит свое выражение и в наличии у них общего объекта, который исследуется под разными углами зрения. Так, диалектический материализм, как отмечалось, исследует общество в аспекте действия в нем всеобщих законов диалектики; теория познания диалектического материализма исследует познание в обществе как проявление отражательно-творческой функции сознания и практику со стороны ее гносеологических функций (как основу познания, цель познания и критерий истины). В рамках исторического материализма практика рассматривается как непосредственный процесс преобразования природы (материальное производство) и общества (общественные отношения), причем практика по преобразованию общества (социальная практика) исследуется дифференцированно по видам (политическая практика, правовая практика, управленческая практика и т. д.).

Предметом исторического материализма является также и сознание как целостное образование в его регулятивной функции, в функции идеального регулятора (субъективного фактора) практики. В связи с этим исторический материализм исследует структуру сознания общества как результат отражательно-творческой деятельности. Диалектический материализм также исследует регулятивную функцию сознания, ибо любой познавательный процесс всегда направляется, регулируется, а содержание результата познания не только определяется объектом отражения, но и зависит от активности субъекта познания.

Из всего сказанного следует, что диалектический и исторический материализм есть методология любого научного познания. Действительно, поскольку познание природы (естествознание) социально обусловлено, детерминируется прежде всего материально-производственной практикой, постольку исторический материализм в определенной мере является и теорией познания природы. Понятно, что тождество и различие методологических функций диалектического и исторического материализма вытекает из тождества и различия их как теоретических систем.

Итак, практика и познание являются предметом и диалектического и исторического материализма. Но практика и познание суть проявления единой человеческой деятельности, которой свойственна определенная инвариантная структура. Элементы этой структуры отражаются специфической системой категорий, являющихся общими для обеих частей марксистско-ленинской философии. Это — субъект и объект, объективные условия и субъективные условия, объективный фактор и субъективный фактор, потребность

⁴ См.: Элез П. Категория практики в трудах К. Маркса. — В кн.: Практика и познание. М., 1973, с. 27.

и интерес, цель и средство, стихийное и сознательное, необходимость и свобода, механизм действия законов и механизм использования законов. Кроме того, роль скоро человеческая деятельность характеризуется рядом атрибутов (творчество, отражение, культура, ценностное отношение, управление, язык и др.), то и соответствующие категории, отражающие эти явления, на наш взгляд, также являются общими для диалектического и исторического материализма.

В свете изложенного нам представляются крайне упрощенными утверждения о том, что исторический материализм есть только теория практической деятельности, а диалектический материализм — только теория познавательной деятельности, ведущей к постижению законов объективного мира⁵. Более того, положение о том, что диалектический материализм является только теорией познавательной деятельности, наукой «не о материи как таковой (это предмет всех частных наук), а о том, как мыслит материя, наукой о ее познании, наукой о том, как возникает и развивается новое знание»⁶, является просто ошибочным. Этот гносеологизм⁷ в подходе к предмету диалектического материализма, кроме всех других издержек, ведет также к отрыву диалектического материализма от исторического материализма, исключению последнего из предмета марксистско-ленинской философии⁸.

Неразрывное единство диалектического и исторического материализма — фундаментальный принцип марксистско-ленинской философии. Без его учета не может быть разработана ни система категорий диалектического материализма, ни система категорий исторического материализма, которые находятся между собой в отношениях тождества и различия.

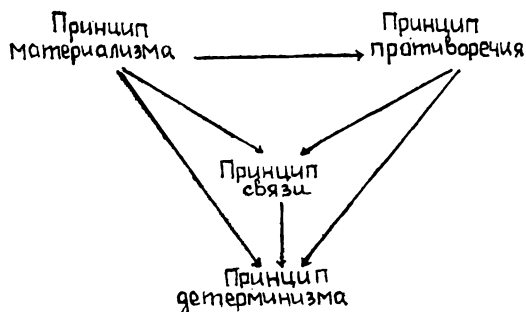
Каждая из составных частей марксистско-ленинской философии — диалектический и исторический материализм — представляет собой определенную систему принципов, одновременно являющихся и их фундаментальными идеями. Так, например, двигаясь от абстрактного к конкретному, в диалектическом материализме можно выделить следующую систему основных принципов: принцип материализма, принцип противоречия, принцип связи, принцип детерминизма, принцип развития и принцип человеческой деятельности. Отметим, что движение здесь от абстрактного к конкретному мы рассматриваем не как линейное, а как объемное. Если изобразить объемную модель связи первых четырех принципов, то она будет выглядеть следующим образом:

⁵ См.: Булатов М. А. Деятельность и структура философского знания. Киев, 1976, с. 46.

⁶ Минасян А. М. Диалектический материализм. Ростов н/Д, 1972, с. 4.

⁷ Критику гносеологизма см.: Орлов В. В. Понятие материи в марксистской философии. — В сб.: Понятие материи в марксистской философии. Современные аспекты. Пермь, 1977, с. 12—17.

⁸ См.: Минасян А. М. Диалектический материализм, с. 26, 49, 50.



Поскольку каждый принцип диалектического материализма абстрактно раскрывает все его содержание, то диалектический материализм выступает и как концепция материализма, и как концепция детерминизма, и как концепция человеческой деятельности и т. д. При этом содержание каждого из принципов диалектического материализма раскрывают не какие-то отдельные его категории или группы его категорий, а все категории.

Тождество и различие принципов диалектического материализма является основанием тождества и различия его категорий. Свойство всех категорий диалектического материализма раскрывать содержание всех его принципов может быть названо функциональным тождеством категорий. Функциональное же различие категорий диалектического материализма обнаруживается, во-первых, в том, что все его категории при раскрытии каждого из принципов приобретают специфическое содержание; во-вторых, в том, что их роль в раскрытии содержания его принципов неодинакова. Так, одни категории диалектического материализма раскрывают содержание принципов непосредственно, другие — опосредованно. Например, принцип связи непосредственно раскрывают прежде всего такие категории, как причинная связь, функциональная связь, генетическая связь, общее, особенное и единичное, сущность и явление, закон, а принцип развития — категории новое и старое, преемственность и отрицание, высшее и низшее, становление и др. Вместе с тем все категории, непосредственно раскрывающие содержание принципа связи, опосредованно раскрывают и принцип развития, и, наоборот, категории, непосредственно раскрывающие принцип развития, опосредованно раскрывают и принцип связи.

Аналогичным образом обстоит дело с функциональным тождеством и различием принципов и категорий исторического материализма. В историческом материализме при движении от абстрактного к конкретному можно выделить следующие основные принципы: принцип материалистического понимания истории, принцип человеческой деятельности, принципы внутренней и внешней структуры деятельности, принцип атрибутов деятельности и принцип историзма. При этом принципы внутренней и внешней структуры

деятельности и принцип атрибутов деятельности интегрируются в принцип системности в его применении к обществу. Тождество их в том, что каждый из них дает абстрактное, одностороннее представление об историческом материализме, а различие в том, что они дают о нем специфическое представление. Это же относится и к категориям исторического материализма, раскрывающим содержание его принципов. К примеру, категории общественное бытие и общественное сознание, базисная деятельность и надстроечная деятельность, материальные отношения и надстроечные отношения и т. д. раскрывают содержание и принципа материалистического понимания истории, и принципа системности, и принципа историзма. Однако, скажем, при системном подходе акцент делается на функционировании явлений, отражаемых указанными категориями, а при историческом подходе — на их развитии.

И. С. НАРСКИЙ

О гегелевской трактовке связи рассудка с разумом

Основные принципы материалистического прочтения логики Гегеля заложены классиками марксизма. Известны слова К. Маркса о «перевертывании» диалектики Гегеля, у которого она «стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно»¹. В. И. Ленин в своем стремлении возможно полнее это рациональное зерно выделить, для чего читая Гегеля «материалистически», подчеркнул, что в идеалистической «Логике» Гегеля, как ни удивительно, немало материалистического, но «Логику» Гегеля нельзя применять в данном ее виде, нельзя брать как данное. Из нее надо *выбрать* логические (гносеологические) оттенки, очистив от *ideen mystic*, это еще большая работа»². Завершить предпринятую огромную работу «выбирания» В. И. Ленин не успел, и здесь еще очень многое предстоит сделать философам-марксистам, а незатухающие дискуссии показывают, что конкретные задачи этой работы и подход к ним понимаются советскими исследователями, как это видно из хода дискуссии, далеко не однозначно.

Обратившись к гегелевской трактовке связи рассудка с разумом, мы хотим на конкретном материале продемонстрировать тот путь исследования, который нам представляется наиболее эффективным в смысле выполнения ленинского указания о «материалистическом прочтении» Гегеля. На наш взгляд, важно привлечь внимание материалистов-диалектиков прежде всего к намеченному, хотя и не до конца развитому Гегелем, учению о *двойствен-*

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 22.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 238.

ности рассудка, из которого вытекают далеко идущие последствия. Речь идет о том, что категория «Verstand» у Гегеля не монолитна. Этот вывод может быть получен посредством анализа всех текстов Гегеля, но непосредственно он вытекает из вводных разделов к малой «Логике», а именно из сопоставления, критики Гегелем трех отношений мысли к объективности, т. е. трех неверных методов, с его учением о триадической структуре истинного диалектического метода, так сказать, четвертого отношения мысли к объективности.

В качестве первого отношения мысли к объективности Гегель выделяет вариации «*наивного* образа мышления»³, которое плоско и поверхностно, привязано к обыденному сознанию и заостенелось в *догматизме*⁴. В этом последнем смысле это — то «метафизическое» мышление, которое было подвергнуто Гегелем критике уже в «Феноменологии духа». В качестве его видов Гегель указывает прежде всего на онтологию Х. Вольфа, которая «не выходила за пределы лишь *рассудочного* мышления»⁵, придав наивности видимость глубины.

Второе отношение мысли к объективности — это философский эмпиризм, представленный прежде всего концепциями Бэкона и Локка. В эмпиризме «заключается существенно правомерный момент»⁶, но надежды эмпириков на всемогущество опыта выродились, по мнению Гегеля, в одностороннее увлечение механическим анализом и столь же механическим комбинационным синтезом. Все подлинно конкретное и содержательное испаряется на огне «метафизической» абсолютизации опыта эмпириками.

Гегель характеризует эмпиризм как оперирование рассудочными категориями, и в данном случае «рассудочное» и «метафизическое» означает для Гегеля одно и то же, что и видно из перечня «метафизических категорий», который он приводит в § 38 «Логики», — среди них мы встретим *именно те* категории, которые он считает также и *рассудочными*.

Иная разновидность «метафизики» обозначена третьим отношением мысли к объективности. Под этим именем выступает совокупность теорий непосредственного знания, т. е. интуитивизм в разных обличьях, к проблеме которого он позднее вновь обратится в лекциях по философии религии.

Можно обнаружить три различных составляющих критики Гегелем позиций, входящих в состав третьего отношения мысли к объективности, он выступает, во-первых, против абсолютизации доверия субъекта к его ощущениям (крайний сенсуализм), во-вторых, против алогической интуиции и враждебной научному познанию слепой веры романтиков Гамана, Якоби, Ф. Шлегеля, Шлейермахера (иррационализм) и, наконец, в-третьих, против абсолю-

³ Гегель. Соч., т. 1, с. 64.

⁴ Там же, с. 69.

⁵ Там же, с. 65.

⁶ Там же, с. 80.

тизации картезианской рациональной интуиции. Вторая и третья составляющие различаются Гегелем не четко, поскольку он в мистике усматривает рациональный момент, а Шеллинга чрезмерно сближает с романтиками-иррационалистами (но затушевывает моменты своей собственной близости к ним в понимании интуиции).

Порицая интуитивизм, Гегель ратует за рациональное познание, ссылаясь на то, что сам мир «рационален», ибо в своей сущности есть дух, мысль. Но прежде всего он обвиняет интуитивистов в непонимании ими опосредованности всего того, что кажется непосредственным. Поступая так, интуитивисты впадают «в метафизическое рассудочное понимание»⁷. Таким образом, абсолютизация интуиции «метафизична», т. е. догматична в вопросе познания метафизической реальности (это значение «метафизичности» уже современного нам понимания метафизического метода; понятие последнего специально еще не было развито Гегелем, но отмеченное значение входит в его состав). Интуитивист резко отчленяет знание-итог от знания-процесса, и оно перестает быть подлинным знанием, ибо непременным условием последнего является осознание пройденного познанием пути. Гегель заключает: «...непосредственное знание представляет собой как раз продукт и результат опосредствованного знания»⁸ и вообще *все непосредственное опосредствовано*.

Эта замечательная формула Гегеля направлена против метафизической абсолютизации уже не только того, что можно было бы назвать истинным в «рассудочном» отношении к действительности, но и того, что можно считать «разумным» моментом⁹.

Эта формула преодолевает пределы всех трех критикуемых Гегелем метафизических отношений мысли к объективности. Она поднимает гносеологическую позицию, можно сказать, на уровень «четвертого», истинно диалектического отношения мысли к действительности, т. е. на уровень метода самого Гегеля.

В диалектическом методе Гегель выделяет три момента или ступени, они же — три исторических этапа становления и развития диалектической мысли, согласно принципу единства логического и исторического. Эти три ступени действуют как в филогенезе, так и в онтогенезе мышления, проявляются они и в каждом конкретном познавательном анализе, образуя тройное единство. Первый набросок этой тройной структуры диалектики содержался у Гегеля уже в его «Феноменологии духа», где, например, обыденное сознание проходит через три момента этой структуры искаженным образом.

⁷ Гегель. Соч., т. 1, с. 120.

⁸ Там же, с. 121.

⁹ Отчуждение разума в логике происходит прежде всего тогда, когда подвергается абсолютизации тождество противоположностей, когда не понимают, что оно есть отправной пункт для дальнейшего движения познающей мысли и бытия.

Для нас здесь наиболее важен первый момент диалектического метода — *рассудочный*. Здесь господствует неподлинная непосредственность: содержание знания расчленено, и отчлененные друг от друга его части рядоположены и взаимообособлены, стороны противоречий удерживаются на данной ступени в «отрошенности» друг от друга. Таким образом, заявление о наличии отдельных моментов противоречия порознь рассматривается Гегелем здесь как начальная фаза *диалектического* исследования и отнюдь не как метафизика. На самом деле, временное, и притом условное, абстрагирование от взаимодействия сторон противоречия не есть отрицание этого взаимодействия, а потому, действительно, обвинение в метафизике было бы здесь несостоятельным.

Но в таком случае ситуацию можно понять так, что рассудочное выступает уже не как антипод диалектического, а как его же предпосылка, зачаток и низшая форма. Если в трех отношениях мысли к объективности рассудочное оказывалось, по сути дела, метафизическим искажением диалектических связей, то в «четвертом», истинном, отношении оно берет на себя функцию, так сказать, зачинателя диалектического дела, выполняющего предварительную, но необходимую работу: ведь прежде чем познавать взаимодействия между моментами диалектического противоречия, нужно выделить сами эти моменты как таковые. Для выполнения этой задачи Гегелю требуется помощь со стороны формальной («рассудочной») логики: ведь раздвоение единого на противоположности есть особый случай дихотомии — операции, которая обычно удается формальной логике как нельзя лучше. Если рассудок «случайное отделяет от существенного, то он безусловно действует правомерно...»¹⁰.

Итак, в учении о методе рассудок взирает на нас своим «другим ликом», чем то, которое было обращено к нам в учении о трех отношениях мысли к объективности. Рассудочное оказывается мостом, связывающим воедино два противоположных берега — метафизический и диалектический. Недаром Гегель вводит в состав своей диалектической системы «рассудочные» категории, которые не вызвали бы протеста метафизиков, поскольку диалектические поправки, вносимые в них Гегелем, сравнительно невелики (к числу их Гегель относит «бытие», «наличное бытие», «конечность», «дурную бесконечность», «часть», «многое» и «целое», «причину» и «действие», «силу» и «обнаружение», «материю»)¹¹.

Понимая рассудок то как метафизику, то как низшую ступень диалектики, Гегель трансформировал одно в другое на основе различия и связи между «неподвижным догматизмом рассудочной метафизики»¹² и определенностью, четкостью и «твердостью», необходимыми для антидогматического разумного мышления. При

¹⁰ Гегель. Соч., т. 3, с. 278.

¹¹ См.: Гегель. Наука логики, т. 1, с. 83, 192, 201, 215 и др.

¹² Гегель. Соч., т. 1, с. 97; ср.: с. 70.

метафизической трактовке рассудок оказывается отчужденным, а значит, вторым в отношении к диалектике состоянием; при трактовке диалектической он представляет собой исходное, первое состояние диалектики. Гегель был прав, учитывая обе ипостаси рассудка и гибко оперируя этими взаимосвязанными и взаимопревращающимися друг в друга противоположностями, но оперировал ими как самими собой разумеющимися в своем взаиморазличии моментами и нигде не указал в четкой теоретической форме на их наличие, что потребовало бы введения двух различных терминов для «рассудка». Также нигде в своих работах он не дал четкого теоретического анализа условий «превращения» диалектики в метафизику и наоборот, тем более, что Гегель не употреблял современного нам термина «метафизический метод». Тем не менее методологическое значение наметившегося «расщепления» рассудка (а отчасти и разума), как мы еще не раз убедимся, велико.

Мы не будем далее рассматривать второй и третий моменты диалектического метода по Гегелю, отметим только, что сопоставление третьего из них, а именно «разумно-спекулятивного», с третьим отношением мысли к объективности еще более подчеркивает то, что переход от трех отношений к соответствующим трем моментам диалектического метода есть освобождение от метафизики и восхождение к диалектике, а обратный переход означает метафизическую абсолютизацию и омертвление диалектики. Итак, как только деятельность рассудка абсолютизируется и осуществленные им рядоположения, фиксация и удержание в отрозненности сторон противоречия истолковываются как окончательный результат познания, рассудок становится метафизическим способом мышления. Рассудок может «какому-нибудь одностороннему определению придать форму всеобщности и тем самым превратиться в противоположность *здорового человеческого рассудка*, одаренного пониманием существенного»¹³. Но как только эта абсолютизация устраняется и перечисленные операции понимаются как лишь предварительная фаза познания, рассудок возвращается на диалектическую стезю и укореняется на ней.

Из сказанного вытекает, что весьма разноречивые оценки Гегелем роли «рассудочной», т. е. формальной логики в познающем мышлении есть не плод его непоследовательности или путаницы, но наоборот, очень последовательного фиксирования различных *промежуточных* ситуаций, в которых оказывается формальнологическое мышление «на пути» между двумя крайними своими состояниями, а именно: 1) метафизически искаженным и диалектике противопоставленным и 2) от метафизики очищенным и к диалектике максимально приближенным. В последнем случае формальная логика играет роль подчиненного, но необходимого средства логики диалектической, что и выразилось даже во включении ее Гегелем в состав отдела о диалектическом понятии как его подот-

¹³ Гегель. Соч., т. 3, с. 278.

дел: «субъективное понятие». Остановимся на вопросе о разных ипостасях «рассудка» у Гегеля подробнее.

Определяя «рассудок» как «субъективную деятельность» мысли¹⁴ и конкретизируя это определение, Гегель приходит к многоликому «рассудку». Предикат рассудочности прилагается им не только к метафизическому материализму, но и к идеологии Просвещения в целом¹⁵ и атеизму, к обыденному нефилософскому сознанию¹⁶ и нетворческим мыслительным манипуляциям¹⁷ в математике, естествознании и политике. «Конечность есть наиболее упрямая категория рассудка»¹⁸, а «извращение» истины — наиболее низменная его функция¹⁹, соответствующая метафизической стороне рассудка, его «несознательности»²⁰. Нередко Гегель истолковывает рассудок и как вид отчужденного сознания, которое в XX в. Ипполитом и другими французскими неогегельянами вообще превращено во всеобъемлющее понятие.

Следует учесть, что извращение гегелевской диалектики в современной нам буржуазной философии часто происходит именно путем интерпретаций *разных* и по преимуществу негативно оцениваемых Гегелем видов «рассудочности». К только что указанному «вееру» значений «рассудочного» восходят в XX в. отождествление логики материализма с отчужденным состоянием у Ж.-П. Сартра, приравнивание рационального к отчужденно-инструментальному у М. Вебера, принижение интеллектуализма у Адорно, Маркузе и Фрейера. Разумеется, это философы, порвавшие с прогрессивной гегелевской традицией, но они, как и многие другие, ссылались и ссылаются на Гегеля. Особо отметим ту фальсификацию, которую претерпело в работах крупнейшего теоретика франкфуртской школы Т. Адорно понятие второго момента диалектического метода Гегеля. Этот момент (выше он уже был упомянут), промежуточный между рассудком и разумом, состоит в установлении взаимодействия между ранее выявленными и зафиксированными рассудком сторонами противоречия как противоположностями, причем это взаимодействие пока осмыслено как взаимодействие отрицания. Адорно гипертрофировал и абсолютизировал момент отрицания, сведя к нему учение о противоречии вообще и истолковав последнее в духе всеобщего катастрофизма. Критика воззрений Адорно — особый вопрос, но именно здесь следует подчеркнуть, что указанная абсолютизация означает метафизическую метаморфозу отрицания, низведенного при этом с негативно-диалектического уровня на рассудочный.

¹⁴ См.: Гегель. Соч., т. 1, с. 46.

¹⁵ См.: Гегель. Соч., т. 1, с. 242; ср.: Гегель. Работы разных лет. М., 1970, т. 1, с. 58.

¹⁶ См.: Гегель. Соч., т. 1, с. 169, 221.

¹⁷ См.: Там же, с. 308.

¹⁸ См.: Гегель. Наука логики, т. 1, с. 192; ср.: т. 2, с. 502.

¹⁹ См.: Гегель. Наука логики, т. 1, с. 210.

²⁰ Гегель. Соч., т. 2, с. 19.

Приведенные виды рассудка, по Гегелю, располагаются в диапазоне между уже известными нам пониманиями рассудочности то как метафизического метода мышления, то как низшей ступени диалектики. Иными словами, разные значения рассудка располагаются у Гегеля в разных точках интервала между диалектикой и антидиалектикой как ее отчуждением.

Так, иногда мы читаем у Гегеля, что «цель борьбы разума состоит в том, чтобы преодолеть то, что фиксировано рассудком»²¹. В конечном итоге философский разум «обращает определения рассудка в ничто»²². Именно с этой трактовкой рассудка согласуются крайне отрицательные описания рассудка как силы, «упорствующей» в противоречиях и впадающей «в бессмыслицу», «ничтожность и бессодержательность»²³, неподвижность²⁴.

Во второй группе высказываний Гегеля функции рассудочного мышления ограничиваются только самой низшей, простейшей сферой познания. Здесь «дело идет, так сказать, лишь об удовлетворении самых необходимых домашних потребностей познания...»²⁵. Едва мы покидаем эту сферу, оказываемся в области, «в которой определения рассудка уже не имеют силы»²⁶. Ф. Энгельс и Г. В. Плеханов резонно находили в подобных утверждениях Гегеля рациональное зерно: в элементарных случаях ошибки метафизически огрубленного мышления приносят меньший вред, чем в других, более сложных ситуациях, а применение диалектической методологии здесь не так уж обязательно.

Для третьей группы гегелевских оценок «рассудочной» логики характерно, что в них признается некоторая польза от формальной логики в современном образовании. Она есть выражение «некоторой человеческой способности и его субъективная деятельность»²⁷, которая «изошряет» ум. «Образованный человек не удовлетворяется туманным и неопределенным, а схватывает предметы в их четкой определенности»²⁸. Поэтому «рассудочная» логика должна войти в школьное образование как подготовка к дальнейшему. К чему именно? Прежде всего — к занятиям низшими, эмпирическими по духу, частными науками. «Знакомство с формами конечного мышления может служить средством для подготовки к эмпирическим наукам, которые руководствуются этими формами...»²⁹. Происходит разграничение сфер действия: частные науки (абстрактное мышление о вещах) передаются в ведение рассудочной логики, а философия (конкретное мышление о понятиях) стано-

²¹ Гегель. Соч., т. 1, с. 70.

²² Гегель. Наука логики, т. 1, с. 78.

²³ См.: Гегель. Соч., т. 1, с. 28, 242; ср.: Он же. Наука логики, т. 1, с. 98, 165, 291.

²⁴ Гегель. Соч., т. 1, с. 239; т. 6, с. 43, 309; Он же. Наука логики, т. 1, с. 210.

²⁵ Гегель. Соч., т. 1, с. 209; ср.: 291.

²⁶ Там же, с. 337.

²⁷ Там же, с. 46.

²⁸ Там же, с. 133.

²⁹ Там же, с. 47.

вится царством диалектического разума. Но иногда Гегель имеет в виду другое: рассудочная логика подготавливает и к философскому познанию, и теперь-то более полно раскрывается глубина его замысла, когда он в состав своей *философской* логики ввел также и рассудочные категории!

В четвертой группе рассуждений о рассудочной логике господствует мысль, что рассудочное мышление все более уходит в прошлое. Оно снимается разумным, собственно диалектическим мышлением. Но в снятии каждый из трех его моментов (отрицание, сохранение, восхождение) может выйти на первый план, и если это происходит с моментом отрицания, то все положительные оценки логики обращаются в плюсквамперфект: в свое время рассудочная ступень мышления была необходима для подъема к разумной его ступени (Гегель в качестве примера приводит диалектику Канта), но ныне это пройденный этап, необходимость в ней отпала. Мышление *«поднимается выше естественного, чувственного и рассуждающего сознания, поднимается в свою собственную, чистую, лишенную примесей стихию и ставит себя, таким образом, сначала в отчужденное, отрицательное отношение к этому своему исходному пункту»*³⁰. Рассудочная логика трактуется здесь в том смысле, что прежде она была зачаточной ступенью диалектики, но теперь превратилась в свою противоположность.

Если на первый план в снятии выходит момент сохранения или восхождения, то положительные оценки рассудочности Гегелем все более приближаются к настоящему времени ее действия. «Спекулятивная логика содержит в себе предшествующую логику и метафизику, сохраняет те же самые формы мысли, законы и предметы, но вместе с тем развивает их дальше и преобразовывает их с помощью новых категорий»³¹. Но сохранение и преобразование, а значит, восхождение, в свою очередь, можно понимать по-разному. В контексте настоящего анализа важно то, что у Гегеля здесь намечается переход к пятой группе высказываний об отношении рассудочной логики к диалектике.

Эта последняя группа высказываний на данную тему находится, по представленной в ней позиции, в отношении полярности к первой их группе и выражает самую плодотворную для материалистической теории познания из всех тех точек зрения, которые по данному вопросу сформулировал Гегель. Формальнологическая четкость и недвусмысленность, упорядоченность и доказательность необходимы не в какой-то отдельной области познания и не в какие-то особые исторические периоды его развития, а *везде и всегда*. Деятельность рассудка «состоит вообще в *абстрагировании*. Если он *случайное* отделяет от *существенного*, то он безусловно действует правомерно и является тем, чем он и должен быть в действи-

³⁰ Гегель. Соч., т. 1, с. 27.

³¹ Там же.

тельности»³². Подлинно теоретическое, диалектически «спекулятивное» мышление нуждается в рассудочных формах и не может обойтись без них. «Разум без рассудка — это ничто, а рассудок и без разума — нечто»³³. Здесь возникает синтез рассудочного и разумного, и рассудок вносит в этот синтез важную лепту в виде «культуры мысли»³⁴. И вообще «как в теоретической, так и в практической области нельзя достигнуть твердости и определенности без помощи рассудка... философия также не может обойтись без рассудка, — это после всего вышесказанного вряд ли нуждается в особом разъяснении. Для философствования требуется прежде всего, чтобы каждая мысль мыслилась нами во всей ее строгости и чтобы мы не оставляли ее смутной и неопределенной»³⁵. Замечательные слова!

Таким образом, перед нами не груда случайных и противоречащих друг другу точек зрения на роль и функции «рассудка», а картина единой цепи его метаморфоз, которая в соответствии с принципом связи логического и исторического отражает в очень сжатом виде историю восхождения от метафизического мышления к мышлению научно-диалектическому, а значит, к мышлению, не противоположному формальнологическим структурам, но наоборот, их необходимо использующему на своей, т. е. подлинно диалектической, основе. По сути дела, перед нами суммарно-схематическое отображение истории освобождения формальной логики от метафизического плена и перехода ее на диалектическую методологическую основу и отчасти — истории проникновения диалектических подходов в мышление, ориентированное на частнонаучные связи. Следовательно, неверно изображать Гегеля как врага рассудочного мышления, формальной логики. Но конечно, он был убежденным противником метафизически истолковываемой и используемой формальной логики (используемой вольфианцами, например, в духе метафизического отрыва формы от содержания). Именно такой подход наиболее плодотворен для научного познания и наиболее соответствует диалектико-материалистической концепции гносеологии в век научно-технической революции.

За пределами данной статьи мы вынуждены, к сожалению, оставить анализ воззрений Гегеля на противоречие, которому установление двойственности содержания категории рассудок дает новые стимулы и возможности его углубления. Но уже здесь скажем, что результаты этого анализа, выясняющие наличие в одном из пунктов учения Гегеля о противоречии непоследовательности как следствия ошибки отождествления *объективного диалектического* противоречия с *гносеологическим формальнологическим* противо-

³² Гегель. Соч., т. 3, с. 278.

³³ Гегель. Работы разных лет, т. 2, с. 541; ср.: Он же. Наука логики, т. 1, с. 78.

³⁴ Гегель. Наука логики, т. 1, с. 153.

³⁵ Гегель. Соч., т. 1, с. 132—134.

речием, позволяют избежать некритического перенесения в материалистическую теорию познания принципа тождества бытия и мышления, а отсюда и тождества объективной и субъективной диалектики. Могут сказать, что и гегелевское тождество не абсолютно, оно диалектично, а значит, относительно. Но как раз наличие в трактовке противоречия полное отождествление Гегелем противоречий объективных и познавательных свидетельствует о том, что именно в данном важнейшем пункте своего действия его категория «тождество» приобретает характер тождества абсолютного, приобретает задолго до того, как этот абсолютизм окончательно восторжествует, поскольку абсолютная идея в финале гегелевской системы замкнет весь процесс вселенского развития в кольцо и прекратит свое движение. Ленинская позиция в этом вопросе принципиально иная — не тождество, а диалектическое, относительное *отражение*. Иной позиции *научного материализма* и не может быть. А замечательная гегелевская мысль о двойном рассудке гораздо более соответствует, по существу, идее отражения, а не тождества.

В. Н. ПРОКОШЕВ

Функциональное единство и функциональное различие логики, диалектики и теории познания

Решению проблемы диалектического соотношения логики, диалектики и теории познания посвящена обширная литература, в которой преобладающей точкой зрения выступает идея их тождества. При этом подчеркивается, что ленинское положение о единстве логики, диалектики и теории познания носит характер не абстрактного, а конкретного тождества между ними, предполагает различие сторон, их определенное несовпадение как по некоторым элементам содержания, так и по форме.

Однако принцип диалектического тождества, включающего в себя единство, различие и совпадение противоположностей, еще не получил достаточного применения к рассмотрению сторон диалектического материализма.

В ограниченных рамках статьи не представляется возможным сделать подробный анализ всех точек зрения на затронутую проблему¹. Мы лишь кратко рассмотрим существо подхода к ее решению.

¹ См.: Розенталь М. М. Принципы диалектической логики. М., 1960; Кедров Б. М. Единство диалектики, логики и теории познания. М., 1963; Шенгулин А. П. Категории диалектики. М., 1971; Копнин П. В. Диалектика как логи-

В основу своих рассуждений все авторы кладут главным образом марксистско-ленинское положение о единстве законов бытия и мышления и известную ленинскую оценку «Капитала» К. Маркса; где «применена к одной науке логика, диалектика и теория познания (не надо 3-х слов: это одно и то же) материализма...»². Но вместе с тем в рассуждениях многих философов усматривается некая абстрактная, неопределенная диалектика, которой в мире вообще нет. Всякая диалектика имеет свою качественную и количественную определенность. И эту определенность необходимо уяснить, различить, разграничить по целому ряду оснований.

Прежде всего важно различить, как предлагает В. И. Свидерский, всеобщую и конкретную диалектику. «Понимая диалектическое как всеобщее, универсальное в действительности,— пишет он,— необходимо, с одной стороны, различить сами универсальные, всеобщие свойства и отношения, и, с другой, их конкретное преломление, проявление в конкретных условиях. Иными словами, нужно различить всеобщую и конкретную диалектики действительности и соответственно отразить последние в теориях всеобщей и конкретной диалектики»³.

В предмет марксистско-ленинской философии входят наиболее общие законы развития природы, общества и мышления. Такое указание на ее предмет следует понимать так:

а) как совокупность трех различных групп законов — наиболее общие законы развития природы; наиболее общие законы развития общества; наиболее общие законы развития мышления;

б) как совокупность законов одного порядка — наиболее общие (или всеобщие) законы, присущие развитию и природы, и общества, и мышления;

в) как совокупность трех различных групп законов (а) и всеобщих законов (б).

Природа, общество, мышление — качественно различные области действительности. Следовательно, им наряду со всеобщими законами присущи и свои, специфические, хотя и общие для каждой из этих областей, законы развития. Так, к примеру, закон всемирного тяготения — один из наиболее общих законов природы, соответствие производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил — наиболее общий закон социального развития, восхождение от абстрактного к конкретному — наиболее общий закон теоретического мышления.

Через специфику и взаимосвязь общих и частных законов раз-

ка и теория познания. М., 1973; Ильенков Э. В. Диалектическая логика. М., 1974; Рожин В. П. Материалистическая диалектика, ее предмет, система, структура и функции.— В кн.: Материалистическая диалектика как философская наука. Л., 1976; Нарский И. С. Проблема единства диалектики, логики и теории познания и ее значение для развития диалектики.— В кн.: Взаимосвязь элементов диалектики. Свердловск, 1977; и др.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.

³ Свидерский В. И. О принципах и путях современного развития диалектики.— В сб.: Проблемы диалектики. Л., 1971, вып. 1, с. 9.

вития природы, общества и мышления прокладывают себе дорогу единые всеобщие законы диалектики. Определяя эти законы, Ф. Энгельс писал: «...История природы и человеческого общества — вот откуда абстрагируются законы диалектики. Они как раз не что иное, как наиболее общие законы обеих этих фаз исторического развития, а также самого мышления»⁴.

Отсюда вполне логично и справедливо по степени общности законов различить как всеобщую диалектику (охватывающую собой и подчиняющую себе и природу, и общество, и мышление, находящуюся в основании всякого конкретного движения и развития), так и конкретную диалектику (конкретную диалектику природы; конкретную диалектику социального развития; конкретную диалектику мышления).

Далее необходимо в основном гносеологическом вопросе философии различить объективную и субъективную диалектику. К объективной диалектике относятся: всеобщая диалектика мира, конкретная диалектика природы, конкретная диалектика социального развития. Субъективную же диалектику представляет конкретная диалектика мышления.

В свою очередь, следует различить субъективную диалектику «в себе» и «для себя». Субъективная диалектика «в себе» оказывается лишь областью проявления законов мышления и субъект может их и не знать, хотя они, безусловно, действуют в его мыслительном процессе. Люди мыслили диалектически задолго до того, как узнали, что такое диалектика. Субъективная диалектика «для себя» есть знание, есть сознательное отражение объективной диалектики мира и субъективной диалектики «в себе».

И наконец, поскольку в субъективной диалектике «для себя» отражается разнопорядковая объективная диалектика, постольку важно различить степени общности научной субъективной диалектики «для себя».

Природу, общество, мышление изучают различные науки, которым в объективной реальности и в мышлении соответствуют избранные ими предметы исследования. Марксистско-ленинская философия в единстве всех своих составных частей отражает различные области действительности, т. е. законы разной степени общности. Диалектический же материализм как ядро марксистско-ленинской философии среди многообразия решаемых им проблем призван изучать прежде всего всеобщие законы развития природы, общества и мышления. Именно опосредованность (включающая философские абстракции решения основного вопроса философии, диалектические категории, законы и принципы, собственные законы мышления, его диалектику и пр.) отражения всеобщей объективной диалектики мира и приобретает в нашем сознании форму диалектического материализма, раскрывающуюся в соотношении его логики, диалектики и теории познания. Это соотношение пред-

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 384.

ставляет собой как единство и различие их функций, так и гносеологический принцип их совпадения.

Единство функций логики, диалектики и теории познания проявляется прежде всего в том, что они образуют собой диалектический материализм. Вне этого единства нет диалектического материализма, нет ни диалектико-материалистической логики, ни материалистической диалектики, ни диалектико-материалистической гносеологии.

Указанное единство проявляется с особой полнотой в том, что логика, диалектика и теория познания, совпадая друг с другом (о чем мы скажем далее), необходимо оперируют частью одних и тех же философских абстракций, которые в этом совпадении выполняют триединую функцию: отражения объективного содержания мира (диалектика), логического выражения этого содержания (логика), определения гносеологического и диалектического порядка применения знания к более глубокому отражению окружающей действительности (теория познания).

Однако в своей взаимообусловленности и неразрывности логика, диалектика и теория познания не сводятся друг к другу, а, напротив, отличаются друг от друга своими функциями. В чем конкретно состоят функциональные различия сторон диалектического материализма?

Логика — конкретная субъективная диалектика, выступающая как наука о формах философского, диалектико-материалистического мышления. Здесь главное внимание обращается на выработку логических форм философской мысли, на их развитие, их соответствие объективному содержанию закономерностей мира и самого мышления. В. И. Ленин так определял задачи диалектической логики: «Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, доходящая до тождества противоположностей, — вот в чем суть»⁵. Всеобщая объективная диалектика, представляющая собой всемирную, всестороннюю связь «всего со всем», в процессе ее познания находит свое выражение «в логических понятиях человека, которые должны быть также обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир»⁶. По мысли В. И. Ленина, диалектическая логика — объективно содержательная наука⁷. Она выступает формой организации внутреннего содержания диалектического материализма. Логика охватывает собой содержание диалектического материализма, его диалектику и теорию познания, поскольку ни та, ни другая не могут существовать вне логических форм их выражения.

Диалектика — конкретная субъективная диалектика, отражающая всеобщую объективную диалектику мира. Это — наука о всеобщих связях, о всеобщих законах развития действительности.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 99.

⁶ Там же, с. 131.

⁷ См.: Там же, с. 80, 83, 84, 165, 180.

В своем логическом выражении диалектика выполняет функцию создания субъективного аналога всеобщей объективной диалектики.

Теория познания — конкретная субъективная диалектика, определяющая предмет философского познания, его место в системе научного знания, его функции, материалистически решающая основной вопрос философии, исследующая сущность сознания и его собственные законы, определяющая гносеологическое значение законов всеобщей диалектики, посредством обращения к общественной практике рассматривающая соотношение объективной и субъективной диалектики и т. д.

Главное внимание в теории познания обращается на материалистическую сторону философии и на диалектический метод познания. Именно теория познания приходит к выводу о том, что отражение в нашем сознании и логическое выражение диалектики объекта и есть его научное познание, что диалектика объекта должна раскрыться в теории познания, что диалектика мышления должна развиться до совпадения с содержанием объективной диалектики. В этом значении «диалектика и есть теория познания... марксизма»⁸.

Из функционального различия и функционального единства вытекает гносеологический принцип адекватности отражения, принцип совпадения логики, диалектики и теории познания. Данный принцип утверждает, что только тогда наше знание будет истинным и полным, когда мы разовьем диалектику нашего мышления до того уровня, на котором создадим действительный теоретический аналог объекта.

Вопрос о совпадении логики, диалектики и теории познания заключается в установлении объема и механизма их совпадения.

Объем совпадения — это познанная объективная диалектика исследуемого предмета, выраженная в логическом аналоге. Вне конкретного знания предмета исследования спор о совпадении логики, диалектики и теории познания нарушает принцип конкретности истины и остается чисто умозрительным.

Диалектическая взаимосвязь логики, диалектики и теории познания обуславливает механизм их совпадения, источник внутреннего развития диалектического материализма как относительно самостоятельного явления. Формой этого механизма оказывается диалектическая логика, охватывающая собой и диалектику, и теорию познания, а содержанием — противоречивое соотношение теории всеобщей диалектики и теории познания.

Теория диалектики при самом непосредственном и активном участии логики и теории познания из совокупности элементов имеющегося философского знания формирует диалектическую модель объекта, его логический аналог, тем самым реализует главную функцию материалистической диалектики. Однако познание не

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 321.

останавливается на этом этапе, а стремится глубже проникнуть в объективные связи и отношения, для чего полученный аналог оно переводит на язык познавательных правил и принципов, т. е. превращает его в метод теоретического воспроизведения самого объекта в нашем мышлении, в средство еще более глубокого отражения мира.

Метод познания — это уже не теория диалектики объекта, а ее диалектическое снятие, превращение в познавательный инструмент, в котором зафиксированная в теории объективная диалектика предмета исследования гносеологически интерпретируется. Претерпев гносеологическую переработку, теория диалектики объекта в снятом виде уже входит в теорию познания, но, естественно, не исчерпывает последнюю, которая как раз развивается за счет формирования новых, более совершенных методов.

Таким образом, метод выступает существенным промежуточным звеном во взаимодействии теории всеобщей диалектики и теории познания диалектического материализма. Он представляет собой тот путь, по которому диалектика переходит в теорию познания и развивает ее дальше.

Таков, на наш взгляд, рациональный путь уяснения соотношения логики, диалектики и теории познания диалектического материализма.

В. И. ПЛОТНИКОВ

Единство функций категорий «тождество и различие»

Категории тождества и различия находятся во множестве взаимосвязей со всеми другими категориями материалистической диалектики. В целостном ансамбле принципов, законов и категорий тождество и различие участвуют и в обобщении истории познания мира, и в практической деятельности людей, и в логическом оформлении результатов познания, и в приращении нового знания. Это дает нам право говорить о логической, гносеологической и методологической функциях как основных, реализуемых не только диалектикой в целом, но и каждым ее элементом, а также о несомненном единстве этих функций, исходным основанием чего служит ленинская идея совпадения диалектики, логики и теории познания.

Однако содержательное вычленение специфики гносеологического, логического и методологического функционирования тождества и различия из «работающего» ансамбля всей совокупности элементов диалектики наталкивается на ряд реальных трудностей, связанных как с дискуссионностью теоретического понимания единства диалектики, логики и теории познания, так и с отсутствием однозначного представления о системе диалектических категорий. Причем путь от сложного к относительно более простому оказывается уязвимым и в общеметодологическом отношении: «Марксизм вообще стоит не на точке зрения сведения сложного к простому, а на точке зрения выведения сложного из простых составляющих его моментов»¹.

Поэтому в выявлении единства функций тождества и различия более перспективным в методологическом отношении представляется путь противоположный по направленности — от простого к сложному. Необходимой предпосылкой и достаточным условием для выведения некоторого множества специфических функций тождества и различия является нахождение исходного основания — элементарной структуры познания, своеобразной «клеточки» целостного процесса познания, по отношению к структурным компонентам которого и должны быть определены соответствующие

¹ История марксистской диалектики. М., 1971, с. 255.

щие функциональные характеристики. Наиболее ответственной и трудной задачей на этом пути, конечно, является само определение элементарной структуры познания.

Как известно, структура труда определена К. Марксом в единстве трех простых моментов — целесообразной деятельности, предполагающей наличие человека как носителя деятельности, предмета труда и средств труда. Эта «клеточка» обладает органической целостностью, обеспечивающей исходное функциональное единство всей вырастающей из труда системы человеческой деятельности.

Будучи синкретическим образованием, труд с самого начала содержал в себе в качестве неразвитых моментов многообразные возможности, включая и практическое отношение к деятельности, и познавательное отражение ее. Однако для исторически исходных форм труда мы еще не вправе говорить ни о практике, ни о познании как о вполне конституировавшихся общественно-исторических формах отношения субъекта деятельности к объективному миру². Ситуация существенно изменяется с момента становления человека как субъекта социальной деятельности в условиях общественного разделения труда³. В этих условиях мы уже с полным основанием в состоянии четко зафиксировать наличие практики как материальной целенаправленной формы (стороны) единой человеческой деятельности и познания как духовной целенаправленной формы деятельности.

Становление практики и познания как соотносительных взаимопологающих форм человеческой деятельности есть одновременно и становление их специфической элементарной структуры. Поскольку практика и познание исторически складываются на основе труда, постольку их элементарная структура не может существенно отличаться от структуры труда, а поэтому остается различием в рамках первоначального тождества. Вместе с тем изменение элементарной структуры труда не могло ограничиться одним лишь видоизменением тех же самых простых моментов — деятельности, предмета и средств. В противном случае разделение труда не могло бы стать действительным фактом. Налицо, таким образом, типичная проблемная ситуация, требующая специального анализа.

Разделение материального и духовного труда и становление на этой основе познавательной деятельности по-разному сказались на судьбе простых моментов труда. Целесообразная деятельность остается простым моментом не только труда, но и познания. Носителем познавательной деятельности становится, конечно, социально развитый субъект (человек в сплетении его социальных связей, социальная группа, общество), изменяется направленность его действий, происходит сложная модификация всего этого элемента в связи со специализацией в сфере отражения, но сам он сохраняется в качестве необходимого простого момента процесса позна-

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 51, 214.

³ См.: Там же, т. 3, с. 30.

ния. Аналогична судьба и другого момента — средств труда. Ни одна разновидность духовного труда не в силах обойтись без специфических познавательных средств, но при всем своеобразии средство всегда остается обязательным простым моментом познавательного процесса. И лишь предмет труда в структуре познания приобретает какие-то странные очертания, явно разделяясь на две ипостаси — предмет познания и объект познания.

Двойственная природа объекта (предмета) познания давно уже стала заметным фактом познавательной деятельности. В большинстве случаев понятия «объект» и «предмет» употребляются как тождественные по содержанию и даже синонимичные, и лишь в немногих методологических исследованиях делаются попытки их категориального размежевания⁴. Во всех этих попытках понять двойственную природу объекта (предмета) познания общим является чисто методологический смысл различения предмета и объекта. Вопрос о гносеологических причинах странной двойственности объекта (предмета) познания, к сожалению, не ставится, и потому решение указанной трудности приобретает скорее служебно-методологический, нежели теоретический смысл. Соглашаясь с безусловной важностью методологического подхода к данной проблеме, мы считаем, что ее место и значимость далеко выходят за рамки чисто служебных задач: проблема тождества и различия предмета и объекта познания есть та гносеологическая и логикометодологическая проблема, от решения которой зависит нахождение элементарной структуры всякого познавательного процесса.

Смысловая близость предмета и объекта познания, поразительная неуловимость их отличия детерминированы генетически: и предмет и объект познания целиком тождественны предмету труда, из которого они вырастают и связь с которым продолжают сохранять. Эта генетически абсолютная тождественность объясняется тем простым фактом, что предмет труда с самого начала был столь же синкретичен, как и сам труд. В качестве простого момента процесса труда предмет, по К. Марксу, обозначает, с одной стороны, все то, что остается лишь вырвать из непосредственной связи с Землей; а с другой — все, на что направлен человеческий труд, включая и Землю как «всеобщий предмет человеческого труда», и уже профильтрованный предшествующим трудом сырой материал⁵. В познании два эти оттенка (стороны) одного и того же впервые получают относительную самостоятельность, терминологически особое выражение, а главное — различный структурно-функциональный смысл как качественно особые простые моменты познавательного процесса.

⁴ См.: *Щедровицкий Г. П.* Проблемы методологии системного исследования. М., 1964; *Борисов В. Н., Духанин В. Н.* Формирование научного знания в социально-экономическом исследовании. Саратов, 1974; *Быков В. В.* Методы науки. М., 1974; *Воробьев Н. А.* Методологические проблемы анализа объекта социологического исследования. Барнаул, 1974; и др.

⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 189—190.

Категорией «объект» мы обычно обозначаем любую часть действительности, которая втягивается в сферу деятельности субъекта, пополняя тем самым совокупность всеобщих условий его существования. Будучи втянута в сферу познавательной деятельности, сама по себе эта часть (а через нее и человек) остается слитой, связанной тысячами переходов с целостным миром во всем его бесконечном многообразии. Относительная независимость духовного труда, безграничные возможности познания материи в значительной мере порождены в структуре познания объекта как такого простого момента познания, в котором схватывается лишь принципиальная направленность познавательных действий субъекта на любую вне данного субъекта расположенную действительность. Но те же самые безграничные возможности, открывшиеся перед познанием благодаря структурно-функциональному обособлению смысловой нагрузки, связанной с понятием «объект», порождают и соответствующие опасности, а именно — тяготение к «дурной бесконечности». Эти опасности были бы непреодолимы без столь же закономерного структурно-функционального обособления в качестве простого момента познавательного процесса предмета познания.

В категории «предмет познания» конституируется смысловая нагрузка другой стороны синкретического содержания предмета труда — оттенок необходимости для человека. В самом абстрактном смысле категория «предмет» обозначает способ существования субъекта в объекте и наоборот. Предмет есть, на наш взгляд, необходимая субъекту часть (сторона, свойство, аспект) объекта, непосредственная предпосылка бытия субъекта, достаточное условие его самодвижения в качестве субъекта. В каждый наличный момент самодвижения субъекта эта часть должна быть извлечена из объекта и превращена из достаточного условия в способ жизнедеятельности субъекта — в средство существования субъекта. Именно предметная сторона познания является исторически обусловленным ограничителем как субъекта, так и объекта познания. Благодаря структурно-функциональному ограничению содержания предмета познания аспектом социально детерминированной необходимости, субъект становится предметным существом, его деятельность приобретает предметный характер, а объект утрачивает тенденцию к «дурной бесконечности» и становится способным к дальнейшему преобразованию и предметному присвоению субъектом познания.

Итак, элементарная структура процесса познания содержит в себе четыре простых момента: субъект, объект, предмет и средства познавательной деятельности. Субъект познания направляет свои действия на объект, в качестве которого может выступать любой фрагмент реальности, включая и самого человека, его духовный мир и саму познавательную деятельность; в объекте познания человек ищет свой особый предмет (т. е. общественно необходимые характеристики объекта) и находит его, применяя специфически

познавательные средства, непрерывно корректируя своей активной деятельностью не только процесс поиска, но и конечное совпадение цели, средств и результата познания.

Вычленение «клеточки» познания зависит не только от нахождения основных структурных моментов, но и от установления специфики функционирования каждого из них, последовательности переходов от одного момента к другому и общей направленности познавательного процесса. Определить все эти сложные аспекты функционирования и развития элементарной структуры познания в данной работе не представляется возможным. Важно лишь отметить, что элементарная структура познания на правах инвариантной схемы входит в любой отдельный исследовательский аспект, независимо от того, осознается это самим автором или реализуется им бессознательно. Если же говорить о совокупном процессе познания, в котором принимают участие сотни тысяч людей, деятельность которых регулируется множеством норм и социальных институтов и в деятельности которых применяются сложнейшие средства познания, то здесь элементарная структура познания может быть обнаружена лишь в качестве самой общей тенденции. Корреляция между внутренней логикой смены научных ориентаций и схемой развертывания элементарной структуры познания может быть обнаружена (в самом грубом приближении) в преимущественной направленности познания, пробивающей себе дорогу через массу отклонений внутри «оппозиции» из двух непосредственно взаимосвязанных между собой простых моментов. Сама по себе эта общая тенденция интересует нас с точки зрения эвристических возможностей, открывающихся в результате приложения элементарной структуры познания к конкретному материалу и особенно в связи с необходимостью выведения специфических функций, организующим ядром которых выступают категории тождества и различия. И та и другая задачи могут быть реализованы лишь на конкретном материале научного познания, например при исследовании природы жизни.

1. При исследовании жизни в качестве объекта перед биологической наукой постепенно открывается вся живая природа, включая многообразие живых организмов, популяции как конкретные формы существования видов, биоценозы и биосфера в целом; столь же постепенно обнаруживается, что жизнь уходит своими корнями в неорганическую природу, являющуюся всеобщим условием самодвижения живой материи, и что найти четкие границы жизни в рамках оппозиции «субъект — объект» не представляется возможным. В связи с этим перед биологическим знанием неизбежно возникает его основной вопрос: в чем сущность жизни, что делает некоторые природные явления тождественными в одном отношении и различными в другом, т. е. каков действительный предмет биологической науки? С логико-методологической точки зрения, эта задача сводится поначалу к вычленению некоторого минимума всеобщих признаков, которыми должен обладать любой

носитель жизни. Предмет и объект биологии в этом случае практически отождествляются, различия между ними рассматриваются лишь в аспекте отношения между основными и неосновными признаками жизни. Поскольку в пределах оппозиции «субъект→объект» внимание биологов в конечном итоге перемещается на предмет (хотя и отождествляемый еще с объектом), постольку первая функция, в которой категории тождества и различия начинают играть существенную роль, может быть названа *предметной*, а ее основное назначение может быть усмотрено в возможности установления абстрактного тождества.

2. Новая оппозиция познавательной деятельности складывается начиная с попытки разобраться в предмете науки; на этой основе происходит неизбежная рефлексия к самим познавательным возможностям (средствам) субъекта, к попыткам осознать свои действительные цели, средства и ожидаемые результаты. В конечном итоге перед рефлектирующим субъектом биологического познания возникает вопрос: в чем причина существенных различий между формами одной и той же жизни, что делает некоторые явления различными, несмотря на кажущуюся их тождественность? Новая оппозиция «предмет→субъект» заставляет исследователя смотреть на традиционный объект биологического знания сквозь призму субъекта (конкретного общества, социальных институтов и групп), помещая в центр внимания отношение субъекта к практически важным для жизнедеятельности людей биологическим проблемам. С точки зрения новой установки, предметом биологии оказывается не академически понятая жизнь как таковая, как абстрактное тождество всего живого, а та практически необходимая сторона жизни (часть объекта), которая является достаточным условием человеческого существования.

Функциональная роль категорий тождества и различия, в свою очередь, начинает существенно изменяться. В центре внимания исследователей оказывается уже не тождество жизни во всех своих видах, а, напротив, различие жизни людей и других форм жизни. Но в пределах оппозиции «предмет→субъект» решить эту задачу можно лишь одним способом — путем выбора некоторой совокупности всеобщих признаков, по которым было бы возможно не только отождествление всего живого, но и различение его существенно отличающихся форм. В качестве таких всеобщих, дифференцируемых изнутри признаков логика обязывает признать самодвижение (и его разновидности — жизнедеятельность и деятельность), отражение (сознательное и бессознательное), форму движения (биологическую и социальную) и т. д. Иначе говоря, в пределах новой оппозиции проблема различий хотя и становится ведущей, но разрабатывается (для предмета данной науки) еще абстрактно. Биология человека выделяется из общего ряда жизни других существ на основании практических, социокультурных, философских предпосылок, но только не внутрибиологических.

В связи с тем, что проблема различия для предметного пони-

мания целей субъекта в логико-методологическом отношении становится ведущей, вторую функцию категориальной пары «тождество — различие» можно обозначить как *целевую*, а ее возможности — как ограниченные пределами абстрактного различия, поскольку единого объективного критерия (мерила) для установления конкретных различий в пределах оппозиции «предмет→субъект» обнаружить еще не удалось. Вот почему в центре внимания оказываются сами критерии разграничения объектов науки (наблюдаемые — ненаблюдаемые, теоретические — нетеоретические и т. д.), способы индивидуализации и актуальной различимости предмета познания, логические и гносеологические условия абстрагирования и отождествления и т. д.

Сопоставляя обе рассмотренные оппозиции («субъект→объект» и «предмет→субъект»), можно обнаружить, во-первых, что целевая функция возникает позднее предметной, а во-вторых, что понимание предмета познания в пределах разных оппозиций существенно отличается. Эти феномены вполне объяснимы. Предметность есть генетически первичная форма отношения субъекта к объекту, поскольку она объективно детерминирована как социально-историческая форма самодвижения субъекта в материальном мире. Целеполагание исторически формируется на основе предметного отношения к миру, и лишь благодаря этому, будучи субъектно детерминированной формой отражения, приобретает свойство опережения и относительно самостоятельного функционирования. А изменяющаяся природа самого предмета познания в зависимости от разных оппозиций, порождаемых разворачиванием элементарной структуры познания, во многом объясняется переключением внимания исследователей на поиск средств, способов и приемов решения основной проблемы данной научной дисциплины⁶.

3. Третья оппозиция познавательной деятельности формируется с предметного рассмотрения целей и средств субъекта познания и завершается осознанием предмета как меры объективации знания. Так, если в пределах оппозиции «предмет→субъект» предметность остается нерасчлененным единством деятельности, имеющей социальное происхождение, и биологически видоизмененной жизнедеятельности, то новая оппозиция «средство→предмет» теоретически обособляет жизнедеятельность человека как уникальную форму жизни, как объективно детерминированное исключение из всеобщих законов жизни. Именно в этом смысле «анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны»⁷. Всеобщность этой формулы не в том, что она способна стать «универсальной отмычкой» понимания любых исторически изживших себя состояний прошлого и низшего как таковых. «Последняя по времени форма» рассматривается не в качестве средства отождествления, а в качестве средства различения, что создает возможность начать действи-

⁶ См.: *Философия и естествознание*. М., 1974, с. 155.

⁷ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 46, ч. 1, с. 42.

тельное восхождение от абстрактного к конкретному. «Хотя наиболее развитые языки,— замечает К. Маркс,— имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, все же именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие»⁸. Биология (и анатомия) человека является объективно возникшей (социально-исторически детерминированной) *существенно различной формой жизни*, уникальным отличием в пределах тождества живой природы и именно в этом смысле «зеркалом» последней, «ключом» к пониманию специфики низших форм. Уникальность человеческой биологии в логико-методологическом и гносеологическом смысле превращается в специфическое средство (эталон, мерило, «ключ»), с помощью которого «дурная бесконечность» объективных оснований жизни впервые останавливается, теоретическое понимание жизни обретает искомую «точку опоры», а многообразные (более или менее общие) признаки жизни, структура и эволюция живой материи становятся конкретно различимыми.

Таким образом, в пределах оппозиции «средство→предмет» происходит дальнейшая модификация предмета биологического знания: теперь в роли предмета начинает выступать сама специфическая (уникальная) биология человека, порожденная системой труда и продолжающая свое развитие в условиях общественно-исторической практики. Такая трансформация предмета познания приобретает реальный смысл, лишь будучи направлена в качестве средства на выяснение объективных и притом вполне конкретных (теоретически обоснованных) различий внутри природы жизни. Ни физикализация, ни космозация биологии не в состоянии дать этой науке столь эффективного орудия для выяснения специфики жизни, поскольку высшие уровни организации живой материи и тем более эволюционный аспект жизни с их помощью фактически не схватываются. Поскольку главной задачей познания в рамках оппозиции «средство→предмет» становится выяснение конкретных различий внутри живой материи посредством сопоставления многообразных форм жизни с уникальной биологией человека, постольку третья функция категориальной пары «тождество — различие» может быть названа *опосредствующей*.

4. Последняя оппозиция начинается с анализа сути и смысла объективного опосредования и завершается пониманием предметной «себетожественности» субъекта, совпадением в субъекте деятельности объективного и субъективного, или цели, средств и результата познания. По существу, в пределах оппозиции «объект→средство» в центр внимания теоретического познания попадает сам метаморфоз предмета как основной сферы опосредования. Предметность, непрерывно переходящая из сферы объекта в сферу субъекта, непрерывно меняющая форму и опосредующая собой обмен информацией между субъектом самодвижения и объективными условиями его бытия, делает понятной даже кажу-

⁸ Там же, с. 21.

шуюся «дурной бесконечностью» связь жизни с неорганической природой⁹.

Применительно к проблеме жизни исследование в пределах оппозиции «объект — средство», на наш взгляд, должно с необходимостью привести к осознанию сути и механизмов биологической устойчивости человеческого рода, субстрата, в его отношении к всеобщим законам самодвижения живой материи (биологической субстанции). Логика подсказывает, что действительным предметом биологического знания (его конечной целью, наиболее эффективным средством и ожидаемым результатом) должна быть *форма превращения* живой материи, т. е. ее субстанциальная тождественность или объективно развивающаяся «себетожественность». Только в этом случае биология как наука сможет объяснить тайну социальной трансформации одного из многочисленных ее видов, дать в руки общества мощное оружие продуктивного преобразования живой природы и возможность научного прогнозирования будущего человеческого рода (ноосферы).

Поскольку в пределах последней оппозиции предметность, а тем самым и субъект, получают полную объективную характеристику (не только социальную, как на предыдущей ступени), постольку в процессе обоснования обратного воздействия объекта на субъект, в целостном анализе диалектического взаимодействия объективного и субъективного категории тождества и различия начинают теперь работать в своей последней основной функции — *интегрирующей*, целью которой становится достижение конкретного тождества.

Таким образом, категории «тождество» и «различие» являются логически определенными, гносеологически изменяющимися и методологически работающими элементами диалектики как логики и теории познания. Единство их специфических функций, складывающееся в форме восхождения от абстрактного тождества через абстрактное и конкретное различие к конкретному тождеству, актуально детерминировано конкретно-историческими условиями взаимодействия практики и познания, а генетически — элементарной структурой познавательного процесса.

Б. С. ГАЛИМОВ

Познавательная функция диалектики тождества и различия

Категории тождества и различия в их диалектическом единстве выполняют важную гносеологическую функцию — функцию отражения момента развития, движения материальных объектов.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 92.

Вместе с тем стиль современного научного познания характеризуется в большей мере поисками тождественного в многообразном, различном мире. Возникает картина познания, в которой объективному миру присуще единство и борьба тождества и различия, а в представлениях о нем наблюдается попытка фиксации только момента тождества. Такая двойственность категорий тождества и различия в структуре объект-субъектного отношения впервые была замечена И. Кантом, отнесшим эти категории в ряд рефлексивных понятий¹. Рефлексивность понятий тождества и различия означает, по Канту, что нам дано не тождественное, а различное, и разуму предстоит найти тождественное для этого различного. Так как рефлектирующей способности суждения еще только предстоит указать или найти тождественное для различного, то она нуждается в предназначенном для этого принципе. Однако, утверждает Кант, принцип этот она не может почерпнуть ни из опыта, ни из рассудка. Рефлектирование само заменяет этот принцип. Принцип рефлектирующей способности суждения состоит в том, что все частные эмпирические понятия рассматриваются не как разрозненное множество, а как некое единство. Это не единство в их бытии, а единство, присваиваемое бытию рассудком².

Гегель подверг резкой критике концепцию Канта о рассудочной рефлексии и тем самым восстановил в «правах» категории тождества и различия. Рассудочная рефлексия категорий тождества и различия, по Гегелю,— это не полное, завершённое и абсолютное познание их сущности, а лишь необходимый момент в диалектическом развитии познания. Рефлексивный характер категорий тождества и различия, по Гегелю, означает, что философия не должна оставлять вещи в их непосредственности, а должна показать, что они опосредствованы или обоснованы чем-то другим. Непосредственное бытие вещей представляет собой как бы кору, завесу, за которой скрывается сущность. Если говорится, что вещи имеют сущность, то тем самым подчеркивается, что они в действительности не то, чем они непосредственно представляются, т. е. «сущность светится в самой себе видимостью, или есть чистая рефлексия; таким образом, она есть лишь отношение с собой, но не как непосредственное отношение, а как рефлектированное, она есть тождество с собой»³. Такое тождество, по Гегелю, есть формальное или рассудочное тождество, не связанное с различием.

Сложность ситуации заключается в том, что ограниченность рассудочной рефлексии проявляется не в основании, не с самого начала, а в следующем шаге развития отношения тождества и различия—в разности. Это обстоятельство и помешало Канту уловить недостатки метода рефлексии. Гегель же замечает, что рассудочная рефлексия «не может дать полного удовлетворения

¹ См.: Кант И. Соч. М., 1964, т. 3, с. 314—319.

² См.: Кант И. Соч., т. 5, с. 116.

³ Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974, т. 1, с. 269.

ни теоретической, ни практической нашей потребности, и именно потому, что основание еще не имеет в себе и для себя определенного содержания, и, следовательно, рассматривая нечто как обоснованное, мы получаем лишь формальное различие между непосредственностью и опосредствованием»⁴. Поэтому истинное тождество — простая, соотносящаяся с собой отрицательность — не представляет продукта рассудочной, внешней рефлексии, оно образовалось в самом бытии. Рассудочная рефлексия не доходит до познания тождества в том смысле, которое вкладывал в него Гегель. Такое мышление всегда имеет перед собой лишь абстрактное тождество, а вне его и наряду с ним — различие. Реальное же тождество есть отрицательное отношение с собой или различение себя от самого себя. Различие здесь выступает как соотносящееся с собой различие, т. е. различие в себе. Тем самым Гегель вскрывает внутренний источник диалектики тождества и различия. Он пишет: «Если задать вопрос, каким образом тождество переходит к различию, то в основании этого вопроса лежит та предпосылка, что тождество как голое, т. е. абстрактное тождество, есть нечто самостоятельное, независимое, и различие точно так же есть нечто другое, тоже самостоятельное и независимое»⁵. Подобная постановка вопроса, замечает Гегель, исключает исходный пункт перехода от тождества к различию.

Правильная постановка вопроса заключается в выявлении диалектической сущности отношения тождества и различия. Это отношение на различных этапах развития последовательно опосредствуется разностью, одинаковостью и неодинаковостью, сходством и несходством, отрицательностью и положительностью, противоположностью, противоречивостью (основанием). Для Гегеля эти ступени развития противоречивого отношения между тождеством и различием суть ступени развития бытия как идеальности. Тем самым он уловил важнейший метод рассмотрения диалектического отношения — метод восхождения от абстрактного к конкретному. Однако этот метод у него не стал методом исследования реальных диалектических отношений, а стал методом их творения.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному рассматривается К. Марксом как метод мысленного воспроизведения изучаемого предмета в виде процесса развития, движения этого предмета от его низшей, зародышевой формы (его «клеточки») до наиболее развитой и высшей формы (до «развитого тела») ⁶. Стало быть, восхождение от абстрактного к конкретному — это вовсе не субъективно-психологический прием, а единственная логическая форма, которая позволяет выразить в движении понятий объективный процесс саморазвития, процесс становления конкретной системы, процесс саморазличения, посредством которого возникает, стано-

⁴ Гегель. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 283.

⁵ Там же, с. 272.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 6.

вится, оформляется и разнообразится внутри себя любая целостность.

Классическим примером рассмотрения такой целостности является «Капитал» К. Маркса. Марксовский анализ развития товарно-денежных отношений при капитализме дает возможность выявить опредмеченное диалектическое содержание категорий тождества и различия. Движение мысли «от исходной клеточки к развитому телу» капиталистического способа производства характеризуется развертыванием противоречивого отношения тождества и различия в системе соответствующих понятий. Исходной «клеточкой» капиталистического способа производства является товар. Исследуя подробнейшим образом внутренние противоречия товара, К. Маркс сразу же обращает внимание на те силы, которые существуют пока в латентном состоянии. Товары являются на свет в форме потребительных стоимостей, или товарных тел, каковы железо, холст, пшеница и т. д. Это их доморощенная натуральная форма. Но товарами они становятся лишь в силу своего двойственного характера, лишь в силу того, что они одновременно и предметы потребления и носители стоимости. Подчеркивая сущность своего диалектического метода, К. Маркс пишет: «...не я подразделяю *стоимость* на потребительную стоимость и меновую стоимость, как противоположности, на которые распадается абстракция «стоимость», — а *конкретная общественная форма* продукта труда, «*товар*», есть, с одной стороны, потребительная стоимость, а с другой — «стоимость»⁷. Отсюда товар как внешний предмет, вещь, которая благодаря ее свойствам удовлетворяет какие-либо человеческие потребности, даже в элементарной форме своего проявления содержит такие внутренние характеристики, которые исключают их абсолютную тождественность. Однако если взять товар как самостоятельный объект, то логика отдельного процесса познания совершает путь от представления его как чего-то тождественного к обнаружению его противоречивой сущности.

К. Маркс обнаружил, что в простой форме стоимости товара уже заложено различие между относительной формой стоимости и эквивалентной⁸. В дальнейшем «в той самой степени, в какой развивается форма стоимости вообще, развивается и противоположность между двумя ее полюсами — относительной формой стоимости и эквивалентной формой»⁹. Суждение, согласно которому товар есть, с одной стороны, потребительная ценность, а с другой — ценность для обмена, это просто две «практически истинные» и «практически полезные» абстракции, два абстрактных, изолированных друг от друга и никак между собою внутренне не увязанных представления. Диалектическое же понимание стоимости заключается в том, что потребительная ценность вещи, функ-

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 384.

⁸ Там же, т. 23, с. 57.

⁹ Там же, с. 77.

ционирующей как товар на рынке, есть не что иное, как способ или форма обнаружения своей собственной противоположности — ее ценности для обмена, ее меновой стоимости. «Вот это-то и есть, — замечает Э. В. Ильенков, — переход от «абстрактного» (непосредственно от двух равно абстрактных представлений) к «конкретному» (к единству понятия — к понятию «ценности» или «стоимости»)¹⁰. Суть этой диалектики характеризуется К. Марксом как «развитие противоположностей». Дальнейшее «развитие противоположностей» связано с процессом обмена.

Исторический процесс расширения и углубления обмена развивает дремлющую в товарной природе противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью. Развитие товара не снимает эти противоречия, не создает форму для их движения. Формой для движения здесь выступает переход имманентной противоположности товара, заключающейся в противоположности между потребительной стоимостью и стоимостью, во внешнюю противоположность между товаром и деньгами. В этой противоположности товары как потребительная стоимость противостоят деньгам как меновой стоимости. Вместе с тем та и другая сторона этой противоположности есть товар, т. е. единство потребительной стоимости и стоимости. «Но, — замечает К. Маркс, — это *единство различий* на каждом из двух полюсов представлено противоположно, а потому оно выражает вместе с тем их взаимоотношение»¹¹.

Таким образом, источником развития противоречивого отношения вообще и между тождеством и различием в частности выступает фактор опосредствования. В рассматриваемом примере развития меновых отношений таким опосредствующим элементом являются деньги. В дальнейшем капитализм преобразовал эти отношения еще дальше, включив в них новое опосредствующее звено — рабочую силу в качестве товара. Но рабочая сила сама выступает как опосредствующее звено исходного отношения (товарного обмена). Опосредствование здесь выступает как фактор развития противоречия, проходящего этапы имманентного различия (тождества), различия, разности, противоположности, конфликта, основания (взаимоперехода, взаимоисключения противоположностей).

В нашей литературе нет единства мнений по поводу ступеней развития противоречивого отношения тождества и различия¹². Примечательно то, что у Гегеля — не одна схема (линия) развития противоречия. В «Большой логике» развитие противоречия идет по ступеням: а) тождество, б) различие, в) противоречие. В «Энциклопедической логике» эти ступени представлены в виде: а) тождество, б) различие, в) основание. Отсюда можно сделать два

¹⁰ Ильенков Э. В. Проблема абстрактного и конкретного. — *Вопр. философии*, 1967, № 9, с. 55.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.*, т. 23, с. 97.

¹² См.: Султангузин Т. Г. В. И. Ленин о роли диалектического противоречия в научном познании. — В сб.: В. И. Ленин и некоторые вопросы развития науки. Уфа, 1971, с. 66—72.

важных выводах: во-первых, ступени развития противоречия не должны абсолютизироваться; во-вторых, диалектика тождества и различия означает диалектику противоречивого отношения между ними, т. е. названные здесь ступени диалектики тождества и различия являются и ступенями развития противоречия. Об этом говорит и то, что в «Энциклопедической логике» Гегеля противоречие не рассматривается как отдельная ступень развития отношения между тождеством и различием. Противоречие здесь вообще не отсутствует, ибо и тождество, и различие, и противоположности рассматриваются как ступени развития именно диалектического противоречия, служащего основанием всякого процесса¹³. Гегель полагает, что развитое, конфликтующее противоречие как противоположность разрешается в основании. Основание — это снятие противоречия и в то же время новое противоречие. Механизм разрешения («погружения») противоречия в основании понимается Гегелем идеалистически. У Гегеля «переходы от одной категории к другой или от одной противоположности к следующей почти всегда произвольны, — пишет Ф. Энгельс. — Часто это происходит при помощи остроты, как, например, положительное и отрицательное — § 120 — оба «гибнут», чтобы Гегель мог перейти к категории «основания»¹⁴. Иначе и не могло быть, ибо гносеология Гегеля носила всецело рефлективный характер. При этом, будучи объективным идеалистом, он понимает объективную рефлексию не в смысле взаимного отражения сторон или моментов материального предмета друг с другом или друг в друге и не в смысле обратного отражения их в самих себя, а в смысле взаимного отражения между определениями понятия как такового, или в смысле обратного отражения какого-нибудь понятийного определения внутрь самого себя («рефлексия в себя»). Субъективную же рефлексию Гегель берет не в смысле гносеологического отражения объективно реальной, материальной действительности в человеческом сознании, а в смысле рассудочного оперирования абстрактными категориями чистой мысли.

К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе» подверг резкой критике всю предшествующую гносеологию за всецело рефлективный характер. Материалистическая рефлексия, по К. Марксу, выражает тот факт, что стороны или моменты материального предмета взаимно отражаются друг в друге и в самих себе. Познание есть процесс отражения, т. е. идеальный аспект практической деятельности. В связи с этим неправомерно разрывать, противопоставлять отражение и практическую деятельность. Человеческое мышление — это не субъективно-психологическая деятельность, имеющая свои особые законы, а идеальная социальная форма человеческой деятельности. То, что человек в своей практической деятельности реально

¹³ См.: Гегель. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 280—286; *Он же*. Наука логики, т. 2, с. 65—69.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 38, с. 176—177.

производит, то же самое он идеально повторяет в теоретической деятельности, мышлении. Отражение неразрывно связано с предметно-чувственной деятельностью. В рамках гносеологии к тому же следует подчеркнуть ведущую роль предметно-чувственной деятельности по отношению к отражению.

Диалектика категорий тождества и различия является отражением объективной диалектики движения и развития противоречивого отношения тождества и различия реальных материальных систем. Разумеется, содержание любого противоречия не сводится к отношению тождества и различия. Отношение последних представляет собой частный случай противоречия, специфический его вид. В то же время тождество и различие — необходимые моменты развития противоречия. Материалистическое осмысление Гегеля в марксизме-ленинизме по-иному раскрывает момент разрешения противоречия. Если у Гегеля диалектика тождества и различия неминуемо ведет к основанию, к своей гибели, с тем чтобы возродиться как сфинкс в своем другом основании как рефлексии абстрактного (абсолютного) основания, то у К. Маркса разрешение противоречия ведет не к абстрактному основанию, а, наоборот, к «развитому телу исходной клеточки».

Материалистический принцип отражения составляет основу логики диалектического материализма. Отражение понимается марксистской логикой диалектически не только потому, что оно представляет собой мыслительную модель объективной диалектики вещей, но и потому, что сам процесс отражения объекта субъектом чрезвычайно противоречив, диалектичен. «Логика, — пишет В. И. Ленин, — есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод истории познания мира»¹⁵. Эта логика и является теорией познания марксизма потому, что сами формы деятельности «духа» — категории и схемы логики — выводятся из исследования истории познания и практики человечества, т. е. из процесса, в ходе которого мыслящий человек (человечество) познает и преобразует мир. Но, с другой стороны, такая логика, как это видно здесь, сложилась в марксизме как материалистическая диалектика. Тем самым обнаруживается метод разрешения проблемы, сформулированный в начале статьи. Материалистическая диалектика тождества и различия и есть отражение реального противоречивого единства тождественных и различных характеристик материальных систем. В диалектике тождества и различия как логике отражается диалектическое единство тождества и различия, а не тождество как таковое или различие как таковое. Их (последних) в реальном мире просто нет. Любое тождество — исходная точка развития противоречия, выступающая как имманентное различие. Любое различие — ступень развития противоречия, стороны которой характеризуются и тождественностью.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 84.

Логико-методологические аспекты проблемы тождества и различия

Познание — сложный противоречивый процесс, находящийся в прямой зависимости от практической деятельности человека и его потребностей, которые стимулируют это познание. Практика направляет познание по пути выделения определенных сторон объективной действительности, изучение которых является на определенном этапе необходимостью и представляет цель сознательной деятельности человека.

При сопоставлении приобретенного чувственного материала мышление выделяет из пестрого многообразия окружающих явлений некоторые сходные, тождественные свойства, а в этом тождественном — существенное, что составляет основу абстракции. Абстракция, особенно научная, дает человеку полное и глубокое представление о действительности. К образованию таких абстракций людей вынуждает практика, которая не только создает возможность выделения, абстрагирования от множества вещей их существенно общих свойств, но и требует этого в отношении тех свойств явлений, которые важны для потребностей практической деятельности.

Результаты абстрагирующей деятельности мышления закрепляются в понятиях, суждениях, умозаключениях, в которых отражаются как внешние, так и внутренние существенные связи и отношения вещей. Ленин писал, что «уже самое простое *обобщение*, первое простейшее образование понятий (суждений, заключения etc.) означает познание человеком все более и более глубокой *объективной* связи мира»¹. Образование этих форм абстрактного мышления невозможно без действий отождествления и различения в процессе познания, поэтому в них отражается также и диалектика тождества и различия.

Всякая реально существующая вещь является единством отдельного и общего; отдельные, единичные вещи не могут существовать изолированно, вне таких отношений, которые не вели бы к общему. И это единство общего и отдельного отражается в понятии в своеобразной форме отношений тождества и различия².

Отношение тождества и различия отражается и во всех видах суждения. Еще Ф. Энгельс отмечал, что всякое суждение есть яркий образец единства тождества и различия³. В любом логическом суждении, рассмотренном и в гносеологическом (т. е. со стороны

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 161.

² См.: Диалектика научного познания. Очерк диалектической логики. М., 1978, с. 364—368.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 529—530.

объективного содержания), и в логическом (т. е. со стороны внутренней структуры, логической связи его составных элементов) аспектах, наглядно обнаруживается диалектическое единство тождества и различия⁴.

Умозаключение тоже воплощает в себе диалектическое единство тождества и различия, которое особенно ясно выражено в среднем члене (термине) умозаключения. Если, например, рассмотреть трехчленную структуру умозаключения: единичное — особенное — всеобщее, то средний член (особенное) выступает одновременно и как единичное в отношении ко всеобщему и как всеобщее в отношении к единичному. Отсюда вытекает, что единичное раскрывает в особенном свою всеобщность, а всеобщее раскрывает в особенном свою единичность. Бесспорно, что особенный член умозаключения воплощает в себе противоположности тождества и различия в единстве⁵.

Процесс познания не завершается созданием абстракции. За ним следует процесс бесконечного углубления и конкретизации — процесс восхождения от абстрактного к конкретному. Причем важнейшими внутренними элементами этого процесса выступают категории тождества и различия.

Любая вещь имеет бесконечное множество сторон, существенных и несущественных. «Развертывание всей совокупности моментов действительности NB = сущность диалектического познания»⁶. Перескочить через необходимые стадии этого процесса последовательного развертывания многообразных аспектов вещи нельзя, не изменив объективной диалектике вещи, не извратив ее. Для полного изучения вещей нужна система абстракций, ибо общее, абстрактное рассмотрение неполно, недостаточно. Сочетание или синтез многочисленных абстракций, определений и т. д. делает представление о вещи более конкретным, ибо конкретна сама действительность как «исходный пункт созерцания и представления»⁷. В этом смысле абстрактное есть «ступень к познанию конкретного... Бесконечная сумма общих понятий, законов etc. дает конкретное в его полноте»⁸. Таким образом, процесс познания есть движение научного понятия от односторонней ко все более конкретной и многосторонней абстракции. Познание конкретного есть его отражение в многообразии сторон, есть познание сущности в ее многообразии.

Познание вещи от первоначального элементарного ее обозначения поднимается и углубляется до высшего, диалектического уровня, где конкретная сущность предстает как синтез, сочетание взаимодействующих моментов. Характеризуя данную тенденцию

⁴ См.: *Плотников А. М.* Некоторые вопросы диалектики тождества и различия в процессе суждения. — В сб.: *Вопросы логики*. Л., 1959, с. 18—27.

⁵ См.: *Алексеев М. Н.* Диалектика умозаключений. — *Филос. науки*, 1959, № 3, с. 74.

⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 141.

⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 12, с. 727.

⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 252.

диалектики процесса познания, В. И. Ленин писал, что «изучение и размышление направляет мысль к познанию тождества-различия — основания-сущности versus явления...»⁹. Познающее мышление, вскрыв за кажущимся внешним тождеством вещи ее внутренние различия, познает саму сущность вещи как тождество противоположностей, как единство многочисленных взаимопроникающих противоположных моментов¹⁰.

Имеется и другая тенденция диалектики познания — движение от многообразия явлений, внешне кажущихся абсолютно различными, путем абстракции отождествления, научного обобщения к внутреннему единству. В процессе познания мы от различий переходим к тождеству, проникая в сущность, объединяющую множество вещей и явлений. Примером может быть возникновение кибернетики, исторически и логически подготовленное тем, что человек постепенно от анализа отдельных вещей и процессов перешел к установлению связи между ними, нахождению тождества между различными вещами и процессами. Таким образом, на пути движения от различия к тождеству познается закон, который есть отражение внутренне необходимых связей между тождественными сущностями. Познание закона есть ступень к познанию сущности вещей.

Эти две тенденции — движение познания от абстрактного тождества к конкретному и от различия к тождеству — взаимно предполагают и дополняют друг друга, находясь в определенной взаимосвязи в процессе познания самой глубокой сущности вещей — диалектического противоречия.

Известно, что диалектическое противоречие, являющееся источником «самодвижения» материи, не дано непосредственно на поверхности явлений. Поэтому человеческое познание не сразу обнаруживает его, хотя объективное противоречие присуще самим вещам и явлениям на всех стадиях их развития. Раскрытие противоречий достигается лишь в результате сложной и трудной деятельности познающего мышления, путем применения научной абстракции, выделения ряда ступеней в познании, причем на каждой ступени познания объективного противоречия само познание принимает все более точные и адекватные логические формы отражения этих противоречий. Такими логическими формами, «узлами», «опорами» в познании противоречия являются категории тождества и различия.

Это гениально угадал Гегель в своей известной схеме субординации понятий, связанной с категорией противоречия: тождество — различие — противоположность — противоречие (основание). Хотя у Гегеля эта схема имеет всеобщее значение как схема развертывания абсолюта, тем не менее она не лишена рационального содержания. Идея Гегеля правильно отражала важнейшие этапы позна-

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.

¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 498.

ния противоречий природы явлений, тот факт, что обнаружение объективного противоречия происходит в определенной последовательности. Но Гегель полностью отождествил гносеологический и онтологический аспекты противоречия, тогда как его идея имеет в основном *гносеологическое значение*, как характеристика последовательных ступеней в познании объективного противоречия. Именно «таков действительно,— по мысли В. И. Ленина,— общий ход всего человеческого познания (всей науки) вообще... Диалектика Гегеля есть, **постольку**, обобщение истории мысли»¹¹.

Первоначально вещь представляется нашему познанию как нечто целое, тождественное самому себе, оторванное от других вещей, вне их связи, словом, как просто отличное от других вещей. Это — простейшее, чувственно-конкретное отражение вещей в том виде, в каком они предстают непосредственно перед органами чувств и отражаются в понятиях абстрактного тождества и абстрактного различия.

В процессе углубления познания и обнаружения связей между этими вещами или их составными сторонами, элементами, ранее казавшимися безразличными по отношению друг к другу, эти связи и отношения познаются уже как различия определенные, т. е. существенные, как противоположности. Однако обнаружение в вещах противоположных сторон еще не означает полного познания сущности противоречия. Дело в том, что на этом этапе познания мышление не фиксирует, не схватывает в обнаруженном существенном различии и противоположности единство, тождество противоположностей. Тождество и различие (противоположность) здесь познаны *рядом*, но не в единстве, не во взаимопроникновении и взаимопереходе, в результате чего их отношение не познается как противоречие. Только познание *перехода* различия (противоположности) и тождества друг в друга, удерживание, фиксация тождества противоположностей в мышлении и есть подлинное познание сущности объективного противоречия.

Таким образом, с познанием объективного противоречия мы приходим к *тождеству конкретному*, т. е. единству многообразия, познанию вещей во всей совокупности их определенностей, во всем их богатстве и своеобразии. Процесс движения от конкретно-чувственного, а потому абстрактного тождества и абстрактного различия, через обнаружение существенного различия и противоположности и их тождества, к конкретному тождеству, тождеству различного, воспроизводящего в мышлении все богатство вещи, является всеобщим процессом развития человеческого познания вообще. Генезис всех наук именно это подтверждает. Так, например, чрезвычайно важный материал для раскрытия конкретного содержания изложенных положений дает анализ процесса познания световых явлений в истории физики.

¹¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 298; ср.: с. 120—132.

Оптические воззрения, возникшие в глубокой древности, были исключительно несовершенны, ибо в основном базировались на непосредственных наблюдениях. Для древних возникновение изображения в человеческом мозгу было необыкновенной загадкой, так как устройство глаза оставалось неизвестным. «Простейшим решением этой загадки и казалось древним представление о зрительных лучах,— писал акад. С. И. Вавилов,— наподобие некоторых щупальцев, исходящих из человека»¹². Приверженцы теории «зрительных лучей» (пифагорейцы) считали, что свет и зрение — это одно и то же. Хотя эта теория в целом носила антропоморфный характер, она была не столь уж бесплодной, ибо на основе обобщения эмпирических данных представителями этой школы возникла геометрическая оптика Евклида, сформулировавшая ряд законов — закон прямолинейного распространения света, законы отражения света и т. д.

Атомистами древности было высказано мнение, что свет исходит из объектов в виде тончайшей пленки, копии, которые постоянно отделяются от вещей и мчатся во всех направлениях с огромной скоростью. Попадая в глаз, эти копии, сохраняющие в точности рельеф и особенности тела, вызывают ощущения света. Это, в сущности, есть прообраз корпускулярной теории света.

Среди древних, наконец, распространялась еще одна теория, которая служит прообразом волновой теории света. Так, Аристотель, критикуя теорию «зрительных лучей», выдвинул предположение относительно ощущения зрения как следствия движения некоторой промежуточной среды между глазом и видимым предметом.

Таким образом, в древности проблема не ставилась конкретно, не обращалось еще внимания на исследование собственно природы света, а возникали лишь односторонние и поверхностные, потому и абстрактные представления о свете вследствие почти полного отсутствия экспериментальных данных.

В Новое время интенсивно развиваются воззрения на природу света. Корпускулярная теория, представлявшая свет как поток прямолинейно летящих мельчайших частиц — корпускул, испускаемых источником света, позволяла физикам объяснить большинство известных тогда световых явлений. Так, например, различие в цветности лучей Ньютон объяснил различием в величине световых частиц-корпускул. Открытие им же сложного состава света явилось большим обогащением содержания воззрения на природу света, сделало его более конкретным и глубоким. Поэтому, несмотря на активную защиту волновых представлений М. В. Ломоносовым, Л. Эйлером и др., XVIII в. характеризуется преобладанием корпускулярных воззрений.

Те световые явления, которые не объясняла корпускулярная теория, попытались объяснить волновой теорией. Свет, по Гюйген-

¹² Вавилов С. И. Глаз и Солнце. М., 1950, с. 11.

су, представляет собой распространение волн в эфире — гипотетической сплошной среде. Усилиями Гюйгенса и в последующем Френеля была разработана математическая теория, позволившая объяснить физическую сущность всех известных тогда свойств света. Это обеспечило в начале XIX в. победу волновой теории над теорией истечения Ньютона.

Таким образом, к концу XVIII в. сложились две теории световых явлений, прямо противоположные друг другу. У Ньютона обе эти теории существуют рядом, противореча друг другу. Он попытался в объяснении природы света как-то их совместить, объединить. Но, фиксируя противоположности корпускул и волн, он не смог понять их внутренние связи, переходы друг в друга, т. е. не смог вскрыть внутренние противоречивую природу света. Наука в познании природы света, обнаружив некоторые противоположности, не смогла удержать в этих противоположностях их тождество. Тождество было познано не в самом различии (противоположности), а рядом с ним, и потому тождество и различие (противоположности) здесь сосуществуют друг с другом без взаимопроникновения. Вследствие этого их отношение не познано как объективное противоречие.

Каков же выход из такого положения, когда в качестве одинаково истинных выдвигались противоположные определения одного и того же явления? Самый простой, но и самый неверный был тот, на который встал Ньютон. Он отбросил как неистинную волновую, встав на точку зрения корпускулярной теории, т. е. он отбросил одну из исключаящих друг друга противоположностей. Поэтому не случайно корпускулярная теория связывается с его именем, хотя он и пытался совместить обе теории.

Следовательно, появление двух, прямо противоположных теорий относительно одного и того же явления было *первым*, еще неадекватным, но все-таки отражением противоречивой природы света. Здесь световое явление познано как не-тождество, как различие (противоположность). В объяснении природы света возникла антиномия. В самой же природе есть только объективное противоречие, но нет антиномии, последняя существует лишь в мышлении.

Только на высшей ступени познания схватывается, удерживается в познании единство, тождество противоположностей, что означает раскрытие внутреннего противоречия явлений. Только здесь вещь предстает как конкретное тождество, как тождество много-различия, воспроизведения в мышлении всего ее богатства. Это обнаруживается в дальнейшем развитии относительно самостоятельных теорий света — волновой и корпускулярной.

Так, установление опытным путем связи между оптическими и электрическими явлениями Фарадеем представляет собой следующий новый этап в развитии представлений о световых явлениях. Обобщением этих опытных данных явилось теоретическое исчисление Максвеллом изменения электрического и магнитного полей,

распространяющихся в пространстве со скоростью света. Позднее этот теоретический вывод был подтвержден серией опытов Герца. Таким образом, сложилась электромагнитная теория света: свет есть электромагнитное явление и распространяется электромагнитными волнами определенного интервала частот; существует принципиальное единство электрических, магнитных и световых явлений.

Приблизительно в это же время появляется новая корпускулярная теория света, объясняющая процессы взаимодействия света и вещества (излучение, поглощение, рассеяние света). Было установлено, что свет поглощается и излучается отдельными, вполне определенными для данного вещества порциями — квантами.

Развитие этих двух теорий — электромагнитной и квантовой — совпало с кризисом в физике конца XIX — начала XX в. В оптике этот кризис проявился как неумение вскрыть диалектическое единство двух теорий, объясняющих различные свойства одной и той же сущности — света, в метафизическом противопоставлении двух научно обоснованных, но односторонних теорий.

Высший этап в развитии науки о свете связан с диалектико-материалистическим пониманием мира. Диалектический подход к новейшим научным представлениям о свете дает качественно новое понимание сущности света и ликвидирует кажущееся противоречие волновых и корпускулярных теорий света.

Современная наука рассматривает антиномию волновых и корпускулярных свойств световых явлений как проявление диалектики природы, реального единства противоположностей. Математический аппарат современной квантовой механики с большой точностью описывает оптические явления, связанные с излучением, поглощением и рассеянием света. Закономерности распространения света объясняются волновой электронной теорией. Единство волновых и корпускулярных свойств света — это тождество противоположностей.

Двойственность, т. е. наличие корпускулярных и волновых свойств, присуща не только свету, но и потоку любых элементарных частиц — электронов, позитронов и т. д. Вещество и свет одновременно обладают свойствами и волн и частиц, но в целом они не волны и не частицы, не смесь того и другого.

Современные научные представления глубже и всестороннее объясняют природу света, но не исчерпывают ее до конца. Обнаружение двойственной природы света не означает полного раскрытия противоречивой природы световых явлений, ибо современная физика еще недостаточно вскрыла внутреннее соотношение этих противоположных свойств. Более глубокое познание природы внутренних взаимоотношений между противоположными корпускулярными и волновыми свойствами света и в целом материи должно привести к еще более глубокому и полному познанию противоречивой сущности полей и элементарных частиц. Перед наукой, вооруженной диалектико-материалистической методологией, откры-

дается возможность более глубокого проникновения в сущность световых явлений.

Аналогичное мы можем обнаружить и в познании общественных процессов, в частности, в анализе товара К. Марксом в процессе познания им внутренних противоречий товарного производства (соответственно капитализма в целом) ¹³.

Таким образом, категории тождества и различия в гносеологическом плане характеризуют различные ступени в углублении познания сущности явлений, выступая как своего рода методологические инструменты обнаружения диалектических противоречий, а в онтологическом плане они показывают различные типы отношения между сторонами явлений действительности.

С. З. ГОНЧАРОВ

Роль конкретного тождества в становлении и развитии формы мысли

В диалектической логике под формой мысли понимают необходимый способ идеального воссоздания вещи, логическую категорию. Категории — модификации логического, их систематизация предполагает анализ генезиса самого логического, ячейки зарождения мысли. Становление формы мысли — малоисследованная сфера мышления. Анализ уже ставшей формы мысли ведется в философской литературе, как правило, с позиций категорий содержания и формы. Введение категории конкретного тождества позволяет более детально рассмотреть логику возникновения мыслительной формы.

В данной статье при опоре на понятийный аппарат конкретного тождества выясняется детально механизм возникновения мыслей, развитие мысли от простой формы ко всеобщей (логической категории). При этом руководящей идеей является следующее: закономерности становления и развития формы мысли идентичны в общем (а не в частном) узловым пунктам становления и развития формы стоимости, раскрытым в первой главе «Капитала». Основной такой идентификации является то, что форма мысли и форма стоимости суть общественные формы ¹.

Мышление есть идеальное воссоздание внутренней формы вещи (системы отношений) посредством культурно-исторических форм деятельности. Так как форма вещи воссоздается в мышлении

¹³ См.: *Вяккерев Ф. Ф.* Диалектическое противоречие и марксистская политическая экономия. М., 1963.

¹ Мысль о социальной логических форм проводится в работе: *Салин В. А.* Проблема генезиса логических форм. — В сб.: Общественное сознание (некоторые теоретические проблемы). Барнаул, 1975.

идеально, то она должна быть отделена от самой вещи. Для этого необходимо предметную форму выразить в другом материале (будь то другой предмет, бумага или сфера воображения) и приравнять два разных выражения одной формы друг к другу. Различие материала подчеркивает тождество выраженной в нем формы. При этом форма вещи удваивает свое бытие: на одной стороне указанного уравнивания она сращена со своим субстратом, на другой существует в нейтральном для себя материале, а потому осознается как таковая. Так, приравнивая множество овец к собранию камешков по количеству, человек помещал на одной стороне качество в единстве с количеством, на другой то же количество, но без его качества (камешки, зарубки), отделял количество от качества вполне предметно. Представляя количество другого предмета, камешки в пределах уравнивания приобретают чисто символическое бытие в противоположность своей натуральности, «светятся» формой другого предмета; их раздвоение на бытие натуральное и символическое возникает лишь в человеческой деятельности, и вместе с тем оно объективно выражает способ работы человеческой головы, означает раздвоение сознания на внешний, непосредственный и внутренний, опосредствованный план².

Так как камешки представляют количество другого предмета, то они функционируют в уравнивании как воплощенное количество; их качество не имеет особого значения, камешки можно заменить отметками и т. п. Функция представительства ведет ко все большей «дематериализации» предмета, выступающего в роли количественного эквивалента, в котором заключено противоречие между функционально-символической функцией предмета и ее перенесением из поля внешнего созерцания во внутренний план сознания, где количественная форма воссоздается в виде числа. Камешки (предмет-символ) представляли количество другого предмета материально, в виде дискретных частей пространства, число, напротив, непротяженно, оно выражает саму форму количества, количественные отношения как типовые. «Отношения можно только мыслить, если их хотят фиксировать в отличие от тех предметов, которые находятся между собой в тех или иных отношениях»³ Выразив одно и то же отношение в разном материале, субъект отличает отношение от соотносящихся сторон. Для осознания системы отношений необходимо построить аналог их формы (структуры). Первоначально эквивалент формы строится в вещном виде. Со временем из предмета он перемещается во внутреннюю сферу сознания и путем продуктивного синтеза воображения конструируется как общая схема. Соответственно формой его внешнего выражения выступает не предмет-символ, а знак.

² Материализм в логике обяывает исследовать мышление по его объективному выражению, а не методом «наблюдающей интроспекции». См.: *Мамардашвили М. К.* Анализ сознания в работах К. Маркса.— *Вопр. философии*, 1968, № 6.

³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. 1, с. 84.

В созерцании определения предмета не расчленены. Описанное действие есть способ, которым субъект абстрагирует форму от ее носителя и фиксирует ее как таковую. В процессе повтора таких действий в сознании возникает и принимает прочность кристаллизации особая духовная форма со структурой конкретного тождества, назовем ее логическим уравнением. В данной статье обосновывается следующая гипотеза: *логическое уравнение есть ячейка зарождения мысли, простейшая мыслеобразующая форма*. Обратимся к ее анализу.

Стороны уравнения играют разные роли: содержание левой стороны есть «хаотическое» целое, эмпирический материал, внутренняя связь которого подлежит выявлению, содержание же правой стороны есть средство изображения внутренней формы содержания левой стороны. Различие ролей модифицирует оба содержания. Сначала каждое из них есть единство материи (элементного состава) и формы (структуры). Оба содержания тождественны по форме, различны по материи. Так как содержание правой стороны представляет не себя (единство материи и формы), а форму иного содержания, то оно выступает в уравнении только со стороны формы, а не материи. Материя данного содержания редуцируется, опускается. Функция представительства превращает данное содержание в абстрактное, формальное в отличие от конкретного, материального содержания левой стороны. Единство материи и формы одного и того же содержания (левой стороны) разлагается и вместе с тем восстанавливается, но уже опосредствованно, через приравнивание сторон уравнения.

Абстрактное содержание есть аналог внутренней формы конкретного содержания, первое производно от второго. Оба содержания — нераздельные полюсы логического уравнения.

Представительство формы одного содержания другим порождает абстрактное содержание. Возникновение абстрактного содержания констатирует образование логического. «Логическая сторона мышления определяется появлением в нем механизма формального содержания»⁴. Мысль есть единство конкретного и абстрактного, чувственного и рационального. Состав мысли, верно отмечает В. Н. Борисов, есть «синтез конкретного содержания... с ее формальным содержанием»⁵.

Логическое уравнение есть простая мыслеобразующая форма по ряду гносеологических и логических обстоятельств.

В гносеологическом плане оно есть единство чувственных данных и рациональной компоненты. Конкретное содержание обеспечивает сознанию предметную отнесенность, абстрактное содержание есть эквивалент внутренней формы предмета. Назначение логического уравнения — в отражении, на что указывает представи-

⁴ Плотников М. А. Генезис основных логических форм. Л., 1967, с. 85.

⁵ Борисов В. Н. Проблемы гносеологического и методологического анализа логических форм мышления. — В сб.: Методологические проблемы развития науки и культуры. Куйбышев, 1976, с. 63.

тельство формы одного содержания другим. Производность абстрактного содержания от конкретного выражает вторичность рационального образа от данного в созерцании прообраза. Раздвоение логического уравнивания на конкретное и абстрактное означает раздвоение сознания на материальное и формальное начала, на созерцание и рассудок. Отрыв рассудка от живого созерцания разрушает естественно сложившуюся связь между конкретным и абстрактным содержанием. При этом абстрактное содержание теряет отнесенность к предмету, функцию представительства, перестает быть знанием и вырождается в пустой формализм, в псевдопонятие.

Специфику мысли как формы отражения раскрывают следующие особенности логического уравнивания. Первая его особенность — поляризация на конкретное и абстрактное содержание. В отличие от созерцаний мысль улавливает в смене явлений субстанциальное тождество. Отделение существенного от несущественного мышление производит через механизм конкретного тождества: два различных предмета сводятся к одной основе, общую сущность обоих предметов выражает один предмет, а другой фигурирует как явление сущности. Ибо говоря «Иван есть человек», мы «отделяем существенное от являющегося» и «противопологаем одно другому»⁶. Конкретное тождество есть логическая основа уравнивания.

Вторая особенность: конкретное выражает свою противоположность через абстрактное. Первоначально обе стороны уравнивания включают конкретные отношения. Но конкретность отношений правой части служит средством (зеркалом) выражения внутренних связей иного содержания, вырождаясь в схематизм.

Третья особенность: частное представляет свою противоположность, всеобщее. Эта особенность присуща абстрактному содержанию, она вытекает из его функции представительства.

Механизм образования мысли заключен, по существу, в одном пункте — в представительстве формы одного содержания другим. Отсюда вытекают все особенности логического уравнивания.

Логическое уравнивание с его схемой конкретного тождества есть способ рационального отличия одного какого-либо свойства предмета от всех остальных и фиксации данного свойства в общей форме. Время есть свойство движения. Но ни одно отдельное движение не дает возможности непосредственно воспринять время как таковое. Время и проявление времени сращены в созерцании. В таком случае два разных движения приравниваются друг к другу в отношении длительности: движение А = движение В. Движение А выражает свою длительность в движении В, последнее лишь материал для этого выражения. Оба движения обладают многими свойствами. Но в пределах уравнивания движение В по отношению к дви-

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 321. Утверждая, что «в любом предложении» можно как в «ячейке» вскрыть зачатки «всех элементов диалектики», В. И. Ленин под предложением подразумевал, очевидно, словесное выражение мыслеобразующей формы, логического уравнивания.

жению А не представляет ничего, кроме длительности. На левой стороне время слито с другими свойствами движения, на правой оно отъединено от них, а потому представлено как таковое. Время получило двоякое выражение: конкретное и абстрактное, единичное и общее. В движении стрелки часов время представлено однородно, в общей форме. Причем общее добыто не путем индукции, как отвлеченно общее, наличное лишь в сознании; в деятельности оно реально отделено от своей частной формы проявления и через механизм представительства зафиксировано в отдельном предмете как таковое⁷. Подобные практические действия ведут к образованию субъектно-предикатной структуры суждения: в субъекте определения свернуты, предикат противопоставляет одно из них всем остальным.

Раздвоение логического уравнения на конкретное и абстрактное углубляется до полярности с развитием мысли от простой, единичной формы к особенной и всеобщей. Это развитие протекает путем количественных изменений, вызывающих качественные различия. В рамках простой формы мысли отождествляются два отдельных отношения. Внешне они различны, их приравнивание обнажает тождество их содержания. Общее обоим отношениям содержание представляет одно из них, другое олицетворяет внешнюю форму. При этом еще не ясно, что является содержанием, а что — формой. Общность содержания противоречит единичной (и чувственно-наглядной) форме выражения. В пределах особенной формы мысли отождествляются многие отдельные отношения. С увеличением ряда логических уравнений основа отождествления многих отношений проступает ясно, так как различие внешних форм проявления отдельных отношений однозначно указывает, во-первых, на несущественность этих форм, во-вторых, на их общее содержание. Существенность содержания и случайность формы проступают явно. Содержание класса отношений выявляется как таковое и получает единое выражение в одном абстрактном содержании, в которое кристаллизуются частные мыслительные схемы отношений данного типа. Общность содержания и общность формы его выражения приходят к соответствию.

Развитие формы мысли имеет три решающих ступени: в рамках простой формы мысли данное отношение освобождается от своего единичного внешнего выражения, в особенности от многих проявлений, наконец, в пределах всеобщей формы мысли данное отношение освобождается от формы внешнего выражения вообще и понимается как таковое в виде логической категории. Категория есть всеобщий мыслительный аналог формы отдельных отношений данного типа. В логическом уравнении категория функционирует как всеобщее абстрактное содержание. На основе катего-

⁷ К. Маркс рассматривал логическое уравнение как общий способ переработки мышлением чувственных данных в форму мысли и пояснял его строение в 1-й главе «Капитала» примерами из разных областей. (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 59, 62, 66).

рий возникает акт суждения. Суждение есть, по существу, прирав- нивание отдельной связи к ее всеобщей форме, измерение отдель- ного отношения его родовой формой. В суждении субъект идеально делает то же, что он прodelыывает реально, когда выражает, на- пример длительность события, стоимость товара и т. д. в соответст- вующей единой мере (часах, деньгах и т. п.).

Из строения мыслеобразующей формы следует, что логиче- ское мышление (в отличие от художественного и т. д.) — исключи- тельно постижение формы, отношений, которые поддаются пере- носу с одного субстрата на другой, переводу с языка оригинала на язык копии. Мышление отражает предмет в виде перевода, кото- рый предполагает тождество переводимого и переведенного⁸. При этом раскрывается творческий характер отражения. Перевод ре- альных связей в мыслительные протекает путем активного построе- ния эквивалента формы реальных связей, их модельных аналогий. При этом перевод может превосходить оригинал, мышление в со- стоянии проектировать модельные формы, в которых предметные структуры доразвиваются и предвосхищаются. В системе разделе- ния интеллектуального труда абстрактное содержание становится предметом специальной разработки.

В заключение еще раз отметим: логическое уравнение с его схе- мой конкретного тождества есть та рациональная духовная форма, которая позволяет детально проследить механизм становления формы мысли, основные этапы развития мысли от простой формы ко всеобщей.

Д. В. ПИВОВАРОВ

Тождество вещи и свойства как гносеологическая проблема

Поиск теоретико-познавательных процедур, позволяющих инди- видуализировать вещи, отличая вещи от совокупности их свойств, всегда считался одной из самых насущных задач философской де- ятельности. Является ли категория вещи понятием, обозначающим лишь сумму объективно реальных свойств, сопряженных с неко- торым пространственно-временным интервалом, или вещь есть нечто большее — она суть индивид, который не следует полностью отождествлять с множеством качеств, отображаемых познающим субъектом?

⁸ Идеальное, замечает К. Маркс, есть в человеческую голову пересаженное и переведенное (Übersetzte) материальное. В самом деле, в человеческую голо- ву предмет пересаживается не в телесном протяжении, а путем построения в го- лове аналога внутренней формы предмета.

Высказано немало основательных доводов как в пользу одного, так и в защиту второго решения вопроса. Вероятно, правильным было бы утверждать, что мы наблюдаем не вещи и не свойства сами по себе, а их нерасчлененную целостность. Вещь как нечто, отличное от ее свойств, вряд ли доступна непосредственному восприятию. Широко распространена и более категоричная концепция, из которой вытекает вывод, что нам являются только формы, свойства вещей, но не их «материя»; образ внешнего мира толкуется как результат движения субъекта по контуру и сторонам объекта.

Вещи имеют свою историю, обладают временной длительностью и пространственной протяженностью. Наше же сиюминутное чувственное отражение объектов всегда соотносится с отдельными фазами, кусочками их бытия. Поэтому воспроизведение в человеческом сознании целостных предметов окружающей действительности есть скорее синтетическое заключение, вывод, нежели мгновенная интуиция. Для описания той или иной вещи оперируют общими предикатами, присущими большим или бесконечным классам вещей. Мысленно объединяя в один ряд множество различных общих свойств, субъект приближается к воссозданию прообраза индивидуальной вещи. Вместе с тем, по-видимому, нельзя с абсолютной достоверностью установить тот факт, что наша спецификация вещи полна; вещь потенциально или актуально может обладать неисчерпаемым множеством общих свойств (например, иметь или не иметь любое из объективно реальных качеств), но количество общих терминов в языке ограничено.

Качественно идентичные «отрезки» бытия могут отличаться друг от друга своими количественными характеристиками («быть длиной в 1 см, в 2 см, в 3 см» и т. д.) и всегда имеют свою особую позицию в пространстве. Это соображение служило Декарту одним из важных оснований для отождествления телесности и протяженности, для теоретического разграничения материи-субстанции от носимых ею свойств и отношений. Как видим, есть почва и для убеждения в том, что вещь суть нечто большее, чем ее свойства.

Если растворить «вещь» (обозначаемую в языке единичными терминами, именами собственными, а также представленную оstenсивными определениями) в ее предикатах, мы тем самым с логической необходимостью превращаем понятие материи как вещи и как субстанции в пустой по своему значению термин. Так, Д. Беркли и Д. Юм, отказавшись от попыток отыскать гносеологическое отличие вещи от пучка связанных с нею свойств, фактически устранили из концептуального аппарата своих философских систем категорию материальной субстанции. Один из гносеологических корней субъективного идеализма — трудность решения проблемы индивидуализации вещи.

Материализм исходит из положительной посылки о том, что должны существовать не только тождество вещи и ее свойств, но и их различие. Демокрит различал вещи-атомы и свойства, порожд-

даемые комбинациями атомов. Но в логико-гносеологическом обосновании такого решения проблемы и по сей день остается немало серьезных трудностей. Главная из них была сформулирована еще И. Кантом: если вещь субъекту непосредственно не дана, то как он может знать о ее объективном существовании?

В гносеологической постановке данной проблемы подчас не различают три аспекта: а) каков логический механизм воспроизведения мысленного отдельного (будь то вещь, свойство или отношение) посредством оперирования общими предикатами? («проблема индивидуации»); б) воспринимается ли вещь чувственно как нечто отличное от ее свойств, а если да, то в чем заключается специфика базовой формы отражения вещей? («проблема элементарной формы отражения вещей»); в) обладают ли являющиеся нам свойства тем же рангом объективности, что и отражаемые вещи? («проблема объективности вещей и их свойств»).

Смешение между собой этих трех аспектов нередко порождает теоретическую путаницу. Так, если поставить знак равенства между «индивидуацией» и «объективностью», то можно прийти к выводу об онтологической первичности общих свойств в отношении производных от них единичных вещей (Платон). При спутывании «индивидуации» с проблемой элементарной формы отражения вещи нетрудно стать сторонником либо концепции, утверждающей, что вещь непознаваема («вещь в себе» И. Канта), либо доктрины приоритета вещей над порождаемыми ими свойствами (атомная теория Демокрита). Подменив же вопрос об объективном существовании свойств и отношений вопросом об их данности сознанию, приходится соглашаться с мыслью об идентичности вещей с комплексом ощущений субъекта (Д. Беркли, Д. Юм).

В данной статье мы не можем систематически рассмотреть все выделенные аспекты проблемы различения вещи и свойства. Сосредоточим свое внимание лишь на первом аспекте проблемы, а именно на вопросе об операциях индивидуации вещи.

Философские доказательства, связанные с решением кардинальных мировоззренческих проблем, всегда были преимущественно основаны на критическом анализе и опровержении альтернативных концепций. Для диалектико-материалистической концепции соотношения вещи и свойства таковыми (среди прочих) ныне являются многочисленные неопозитивистские доктрины, развивающие линию Беркли и Юма, строящие свои выводы в основном на формальнологическом и лингвистическом материалах. Рассмотрим концепции, отождествляющие вещь с совокупностью ее свойств, принадлежащие перу видных англо-американских буржуазных философов.

Б. Рассел одним из первых предложил перенести рассмотрение проблемы соотношения вещи и свойства из плоскости онтологической в теоретико-познавательный и формальнологический план. Человеческий язык включает в себя не только общие термины-предикаты («большой», «круглый», «высокий»), но и единичные тер-

мины, призванные обозначать отдельные вещи («банан», «Нью-Йорк», «электрон»). Нельзя ли постараться устранить из обыденных и научных суждений все единичные термины, заменив их терминами, обозначающими общие свойства? Если бы это удалось сделать, понятие вещи (а, следовательно, и материи-субстанции) оказалось бы лишь синонимом свойства.

Рассел строит с этой целью «теорию дескрипций» (описаний), представляющую собой логическую технику элиминации сингулярных терминов. Вместо выражений, относящихся к уникальным индивидам, по его мнению, следует пользоваться описаниями типа: «дело обстоит так-то и так-то». Предложения, содержащие индивидные слова, надо заменять универсальными обобщениями, реферируемыми элементами в которых выступают одни квантифицированные переменные. В результате Рассел делает вывод, что только одно-единственное слово «это» можно использовать как ссылку на объект перцепции. Слово «это» — вот все, что остается как будто от содержания понятия «вещи», если последовательно применять логическую технику Рассела¹.

Как известно, «теория дескрипций» на деле оказалась неэффективной. Во-первых, Расселу не удалось продемонстрировать принципиальную возможность элиминации любого единичного термина, он лишь на сумме примеров показал, что иногда единичный термин можно заменить его описанием чисто предикативного характера. Во-вторых, он не дал точного критерия для установления тождественности описываемого и описывающего суждений — на каком основании мы должны верить, что описание является верным? Чтобы это установить, надо обратиться к положению дел в объективной реальности т. е. опять-таки вернуться к онтологической постановке проблемы о тождестве и различии вещи и ее свойств. В-третьих, базовый термин «это» («это — яблоко»), к которому в конце концов сводится, по мнению Рассела, всякая дескрипция, скорее всего не является предикативным, указывает не столько на свойство вещи, сколько на саму вещь. Устранить полностью имена вещей из суждений Расселу не удалось.

В. Куайн, А. Айер, Н. Гудмен и целый ряд других известных современных буржуазных философов, подвергая критике слабые места в «теории дескрипции» Рассела, стремятся усовершенствовать разработанную им технику элиминации сингулярных терминов, ставят перед собою задачу доказать, что человеческий язык в конечном счете предикативен.

В. Куайн, в отличие от Рассела, не верит в возможность адекватного перевода предложений с именами собственными в предложения, которые содержали бы только описания вещей-индивидов в общих терминах. Но он полагает, что их можно перефразировать так, что весь груз референтной функции языка могут нести

¹ Russell B. The Philosophy of Logical Atomism.— In: Russell's Logical Atomism. L., 1972.

квантифицированные переменные. По мысли Куайна, следует найти такие общие логические операции, которые бы позволили каждому данному индивиду «а» поставить в изоморфное соответствие свойство «А», принадлежащее только «а» и никакому иному индивиду. Скажем, вместо суждения «а есть Б» надо говорить: «существует нечто, что есть А, тождественное всякому А, и все, что есть А, есть Б»².

А. Айер возражает Куайну, что подобного рода перефразировки требуют для выполнения своей функции указания на позицию «А» в пространстве и во времени, а следовательно, она должна содержать в себе демонстративный (остенсивный) момент. Опять-таки явно или неявно ссылка на вещи оказывается необходимой. Ликвидируя категорию логических имен собственных, Куайн допускает, что для каждого единичного термина в принципе может быть сконструирован уникальный предикат. Но всегда ли выполняема эта задача? Вряд ли.

А. Айер считает, что единичные термины невозможно полностью заменить атрибутивными переводами, они поддаются лишь частичной замене определенными описаниями. Например, вместо того, чтобы говорить: «банан вкусен», можно сказать: «желтая, слегка изогнутая, 10 см... вместе со вкусом»³. Несомненно, подобные описания в первом приближении дают нам некоторые представления о предметах. Тем не менее они не в состоянии всегда достоверно гарантировать нам, что речь идет об одном и только об одном конкретном предмете. Ведь если количество свойств любой вещи бесконечно, то и ряд предикативных описаний тоже должен быть безграничным, что на практике неосуществимо. Всегда остается возможность спутать описание логического имени собственного с описанием другого предмета. Скажем, под описание Айером банана могут подойти и особым образом приготовленная конфета, и обломок свежеспеченного кренделя, и масса других известных или пока неизвестных вещей. Но даже если бы и удалось заменить единичные термины чисто предикативными высказываниями, все-таки оставалась бы нерешенной задача индивидуализации вещи как чего-то сугубо конкретного, находящегося здесь и в данный момент времени (именно этот банан, а никакой иной). Так или иначе придется обращаться за помощью к демонстрирующим словам («там», «здесь»), указывающим на вещь, но не описывающим ее свойства.

Н. Гудмен предложил снять трудность, связанную с привлечением демонстрирующих слов, толкуя их тоже только как предикаты. Он интерпретирует чувственные восприятия субъекта как мгновенные цветные пятна, в целом составленные из цвета, места в поле зрения наблюдателя и момента времени, и объявляет все эти три компонента строго качественными по своей природе. Время и место конкретных сумм восприятий, по его мнению, являются

² Quine W. V. *World and Object*. Boston.— N.Y., 1960.

³ Auer A. J. *Individuals*.— In: *Philosophical Essays*. L., 1954, p. 16.

существенными индивидуаторами явлений. Отметим, что пространственно-временные характеристики вещей, по Гудмену, не есть нечто объективное, они — лишь поле зрения субъекта. «Быть в данный момент в верхнем от левой руки углу поля зрения» — предложение, которое якобы абсолютно точно индивидуализирует вещь, являясь в то же самое время сугубо предикативным⁴.

На первый взгляд, такой подход позволяет более или менее точно индивидуализировать являющуюся человеку вещь посредством качественных определений. Однако при ближайшем рассмотрении он вызывает серьезные сомнения. А. Квинтон, подвергая концепцию Гудмена критике, резонно замечает, что понятия «верхниз», «правая — левая» требуют новой ссылки на асимметрию человеческого тела, сердца, головы. Полностью симметричный наблюдатель смог бы различать два цветовых пятна в разных местах своего поля зрения в один и тот же момент времени и не смог бы поэтому идентифицировать позицию вещи с позицией ее восприятия человеком. Момент же времени наблюдения не имеет каких-либо качественных отличий от другого момента времени, а потому также требуется ссылка не только на него, но и на его предшественника. В таком случае предложенный Гудменом способ индивидуации вещей при помощи суждений, выражающих чисто качественные восприятия, оказывается очень туманным⁵.

Можно умножать примеры все новых и новых попыток современных буржуазных философов разыскать универсальный метод элиминации единичных терминов из высказываний, растворить вещь (субъект высказывания) в ее свойствах (предикатах). И тем не менее такой способ пока никем не найден, хотя все еще немало английских философов надеются сконструировать такой искусственный язык, термины которого обозначали бы только субъективные модальные качества (цвет, запах, вкус, тактильные ощущения) и заменяли бы собою высказывания об объективном вещном мире. Думается, что все усилия подновить и обосновать средствами современной формальной логики и лингвистики берклеанство заранее обречены на неудачу. Вместе с тем эти усилия имеют и положительную сторону, они косвенно свидетельствуют о том, что между вещью и ее свойствами существует диалектическое единство, наличествует конкретное тождество. А это лишний раз подтверждает справедливость диалектико-материалистической концепции взаимопроникновения материальной субстанции и ее атрибутов. Демонстрация существования этого единства в логических высказывательных формах, отображающих простейшие отношения вещей⁶, — немаловажная задача философской науки.

Материалистически мыслящие западные философы в борьбе с позитивизмом стремятся доказать бесперспективность полной

⁴ Goodman N. The Structure of Appearance. Harvard, Cambridge, 1951, p. 160.

⁵ Quinton A. The Nature Of Things. L.— Boston, 1974, p. 22.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 159.

элиминации единичных терминов из суждений об окружающем мире, настаивают на том, что категория вещи несет на себе существенную мировоззренческую нагрузку. Например, А. Квинтон обосновывает следующий взгляд на формирование идеи вещи. Идея вещи в первом приближении происходит не из нашего мастерства в технике референции к индивидам, а из тех вещей-предикатов, которые мы впервые усваиваем с детства. Обучение ребенка начинается с указания на вещи, сопровождающееся суждениями типа: «здесь есть апельсин» (пусть даже если эти суждения выражаются односложными словами «апельсин», «чашка» и т. п.). Первоначальные объекты нашего внимания имеют то общее, что они есть скорее вещи, чем группы свойств. Именно восприятия таких объектов постепенно формируют первичный смысл слова «это» («вещь здесь») и слова «ничто» («вещь где-то и когда-то»). Как только ребенок овладевает этими понятиями, он начинает понимать экзистенциальные предложения обычным образом.

Иначе говоря, идея вещи происходит из указаний на сами вещи, указания же на свойства («там зелено») не могут служить этой цели. После того как референция к вещам с использованием сингулярных терминов начинает выполнять функцию предикатов (вместе с демонстрирующей ссылкой на позицию этих вещей в пространстве и во времени), возникает идея вещи вообще. Теперь уже можно ссылаться на свойства предметов вещеподобным образом, применяя слово «это»⁷. Даже при потенциальной замене всех логических имен собственных общими предикатами идея вещи не исчезает, а лишь облекается в иную квазипредикативную форму. На наш взгляд, подход А. Квинтона позволяет неплохо увязать между собой обыденную практическую интуицию, поставляющую уверенность в объективно реальном существовании вещей, с теоретико-философской рефлексией, заставляющей подчас сомневаться в существовании различия между вещами и их свойствами.

Во всяком суждении, помимо субъекта и предиката (субъект иногда может выражать и общее свойство, но обозначаться сингулярным термином — «электропроводность», «теплота»), наличествует логическая связка «есть» (А есть Б). Если суждение претендует на истинность, эта связка принимает экзистенциальный смысл. Во многих случаях оказывается невозможным свести понятие существования («есть», «быть») к статусу предикативного свойства; нередко оно выражает также и вещный аспект суждения. Задача определения статуса понятия существования является одним из сложных философских вопросов и пока, по мнению Я. Хинтикко, не имеет сколько-либо удовлетворительного решения. Вместе с тем Хинтикко высказывает мнение, что для доказательства объективного существования вещи достаточно хорошо знать эту вещь⁸, «существование» необходимым образом связано с понятием вещи.

⁷ Quinton A. The Nature of Things, p. 43—46.

⁸ Hintikka J. On The Logic of Ontological Argument.— In: The Logical Way of Doing Things. New Haven.— L., 1969.

Проблема тождества и различия вещи и совокупности ее свойств, как мы видели, интенсивно исследуется буржуазными философами в логико-гносеологическом плане, не теряя, однако, при этом своей мировоззренческой остроты. Она требует пристального внимания со стороны философов-марксистов.

Т. А. БАДНОВА

Абстракция отождествления в категориальной структуре логико-математического отражения

Абстракция отождествления, функционируя в качестве базисной для всего научного познания¹, приобретает существенно новый аспект вследствие математизации и логизации научного отражения действительности в рамках НТР.

Система математических понятий, внося точность, определенность, корректность в постановку конкретнаучных проблем, в свою очередь, обогащается конкретным содержанием, расширяет потенциальный запас ее возможных интерпретаций. Расширение поля интерпретаций математических понятий позволяет осуществлять отождествление в определенном отношении явлений, рассматриваемых ранее как нетождественные, вовлекая знания о них в функционирующую конкретнаучную систему. Представляется, что современный этап развития научного познания, для которого характерно диалектическое единство интеграции и специализации, выдвигает абстракцию отождествления в число важнейших, требующих специального исследования.

Обоснование этого утверждения предполагает, на наш взгляд, исследование роли категориальной пары «тождество — различие» в структуре логико-математического отражения. Важный шаг этого исследования состоит прежде всего в анализе подсистемы «тождество — различие — преобразование». В самом деле, тождественные преобразования, как известно, составляют суть логического вывода, позволяющего включать новое знание в функционирующую научную систему. Суть тождественных преобразований, в свою очередь, состоит в последовательном выражении в иной форме элементов нового содержания вплоть до полного исчерпания всех выделенных в фиксированном представлении содержания элементарных форм.

¹ См. напр.: Горский Д. П. Вопросы абстракции и образование понятий. М., 1961; Рузавин Г. И. О природе математического знания. М., 1968.

Знаковые системы, преобразование которых позволяет формировать новое конкретное научное знание, на современном этапе возникают, как правило, в результате математического моделирования исследуемых явлений. Выступая в качестве метода синтеза конкретного научного знания в рамках интегративного процесса, математическое моделирование основывается на ряде принципов. Одним из них является принцип отождествления инвариантов модельного отношения, который позволяет при осуществлении преобразований исходной модели сохранять ее семантические характеристики. Именно абстракция отождествления лежит в основе всякого преобразования формы знания при сохранении его семантических характеристик, позволяя рассматривать исходную и конечную форму знания тождественными в содержательном отношении, а следовательно, выступающими в качестве инвариантов в структуре модельного отношения.

Абстракция отождествления пронизывает и другие принципы, регулирующие синтез математических моделей. В частности, всякий акт моделирования, как правило, предваряется анализом корректности моделирования в структуре конкретного исследования. На этом этапе конкретного научного поиска оцениваются различные способы преобразования исходной информации, их устойчивость к возможным вариациям последней, способность различать при выбранном типе преобразований те элементы формы, которые оказывают существенное влияние на семантические характеристики исходного знания, и отождествлять в противном случае.

Установление корректности моделирования в структуре конкретного исследования означает, что данный метод позволяет эффективно отождествлять и различать семантические инварианты. Проблема точности отождествления и различения этих инвариантов конкретизируется при выявлении эффективных уровней абстрактности, а ее решение зависит от функционирования регулятивной системы категориальных форм. Последняя направляет процесс синтеза нового знания методом моделирования на этапе создания математической модели, этапе ее преобразования на выбранном уровне абстрактности и на этапе ее интерпретации, определяя границы отождествления преобразуемых форм.

Границы отождествления преобразуемых форм относительно исторически подвижны и определяются как предметом исследования, так и уровнем развития допустимых методов исследования. Важно отметить, что математизация знания расширяет рамки, в которых возможно отождествление в определенном смысле различных в других отношениях познавательных форм.

Выявление и закрепление познавательных форм, позволяющих фиксировать тождественное содержание в различных типах конкретного научного знания, является одним из важнейших направлений интегративного процесса, осуществляемого в рамках научно-технической революции. Естественным результатом этого процесса выступают общенаучные понятия, методы, концепции, играющие

все возрастающую роль в системном исследовании глобальных закономерностей природного и общественного развития.

Расширение сферы действия общенаучных идей и концепций, преломление центральных идей конкретных наук через общенаучные познавательные формы выдвигает для обсуждения в качестве актуальной проблему роли абстракции отождествления в процессе синтеза знания как проблему функционирования категориальной подсистемы «тождество — различие — преобразование». Преобразование выступает как процесс формирования синтетического гносеологического образа, представляющего собой систему последовательно трансформируемых, элементарных в данном отношении гносеологических образов, каждый из которых выполняет функции тождественной передачи содержания от одной промежуточной формы экспликации этого образа к другой. Вследствие развертывания подобного дедуктивного процесса понятие преобразования получает категориальный статус, а само преобразование в процессе формирования гносеологического образа выходит на уровень методологии, поскольку оно уже в определенном смысле направляет познавательный процесс.

Функционирование категориальной подсистемы «тождество — преобразование — различие» на различных ступенях научного обобщения и систематизации (например, на уровне теории, на уровне научной картины мира) обеспечивает существенную ее роль в формировании стиля научного мышления. Это важно отметить, поскольку математика на современном этапе оказывает существенное влияние на формирование стиля научного мышления, играя зачастую доминирующую роль в процессе теоретического синтеза, направленного на познание сущности.

Углубление конкретнаучного познания до уровня сущности необходимым образом затрагивает проблему адекватного преобразования системы знания о явлениях в картину сущности, представляя сущность через тождественное в различных явлениях. Математика, вычленяя тождественное в количественных отношениях разных областей действительности, характеризует сущность под определенным углом зрения, вычленяет определенный уровень сущности, инвариантный по отношению к качественным преобразованиям другого уровня. Это несовпадение качественной и количественной сущности в любом процессе позволяет, на наш взгляд, говорить о преобразовании, а следовательно, и о сравнении сущностей разного порядка.

Системность сущности позволяет выделить элементы, управляющие преобразованиями, которые расчленяют сущности на уровни, формируя подсистемы сущности на основании абстракции отождествления. Разные типы и уровни отождествления позволяют включать одно и то же содержание в различные формы или различное конкретное содержание в тождественные формы. Последнее возможно вследствие возможности тождественности формального содержания при различии конкретного содержания, когда

под формальным содержанием имеется в виду логическая характеристика формы.

Таким образом, логико-математическая экспликация понятия тождества, а вместе с ним и различия, и преобразования, с одной стороны, позволяет выяснять границы действия абстракции отождествления, а с другой — способствует осуществлению интегративных процессов синтеза знания и в определенной степени позволяет управлять ими. В самом деле, в математике существует понятие «эквивалентность», которое формализует такое расплывчатое понятие, как одинаковость и понятие «толерантность», которое соответствует интуитивному представлению о сходстве и неразличимости². В результате применения абстракции отождествления толерантные формы рассматриваются как эквивалентные, т. е. взаимозаменяемые в данном познавательном процессе.

Возможность взаимозаменяемости познавательных форм в рамках математики регулируется, в частности, и такими понятиями, как приближение, точность, погрешность, корректность. Эти математические категории, обладая специальнонаучным смыслом, приобретают методологические функции, регулируя процесс преобразования исходной информации в целостные гносеологические образы как в самой математике, так и в математизируемой науке.

Отношение взаимозаменяемости, в основе которого лежит абстракция отождествления, представляет собой один из возможных типов взаимодействия математических структур в процессе получения нового знания, необходимость которого обнаруживается всякий раз, как только формальное оперирование математическими структурами становится невозможным раньше, чем достигнута поставленная познавательная цель. Поскольку всякое отношение взаимозаменяемости есть отношение типа равенства³, то оказывается, что категория приближения характеризует отношение совпадения по содержанию между указанными математическими структурами. Это значит, что категория приближения контролирует процесс отождествления в области своего действия и является в рассматриваемой области базисной для развертывания процесса отождествления.

Категория приближения задает пределы сферы действия конкретного тождества. Правомочность заданных пределов регулируется такими оценками, как точность приближения и погрешность приближения. Понятия точности и погрешности как аспекты категории приближения характеризуют количественно пределы сферы действия конкретного тождества, т. е. пределы сохранения инвариантности содержания при смене типов формализации исходного содержания. Следовательно, подсистема математических категорий «приближение — точность — погрешность» реализует в кон-

² Подробнее об этих понятиях см. напр.: Шрейдер Ю. А. Равенство, сходство, порядок. М., 1971.

³ См. напр.: Черч А. Введение в математическую логику. М., 1960; Яновская С. А. Предисловие. — В кн.: Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959.

кретной математической ситуации общие закономерности, «свернутые» в категориальной подсистеме «тождество — преобразование — различие».

Н. В. БЛАЖЕВИЧ

Тождество и различие в развитии математики как языка науки

Математика как язык науки представляет собой универсальную знаковую систему, служащую для образования и функционирования понятийного аппарата науки. Поэтому развитие математики как языка науки связано с развитием математических знаков (формы и значения), связи (структуры) математических знаков и функций математики как знаковой системы в научном познании.

Так как всякое развитие является единством и борьбой устойчивости, повторяемости и изменчивости, уникальности, то методологическим ориентиром при исследовании развития математики как языка науки будут для нас категории тождества и различия, которые отражают эту диалектику¹.

Математика как знаковая система (как язык науки) проходит, на наш взгляд, в своем развитии следующие этапы: 1) период возникновения языка математики; 2) период функционирования языка постоянных величин (языка элементарной математики); 3) период функционирования языка переменных величин (языка классической математики); 4) период функционирования языка переменных отношений переменных величин, языка математических структур (языка современной математики). Выделение указанных этапов в развитии языка математики в целом соответствует общепринятой периодизации истории математики², ибо рассматриваемая с точки зрения категорий тождества и различия она выражает, с одной стороны, непрерывность, устойчивость, повторяемость в развитии языка математики, с другой — прерывность, индивидуальность функционирования языка математики в каждый период развития.

Период возникновения языка математики совпадает со временем становления математического знания вообще. Возникающие математические знаки первоначально являются по форме знаками естественного языка. Но у знаков математического языка появляется индивидуальное им присущее свойство — знаковая форма жестко связывается со значением. В свою очередь, жесткая связь

¹ Ким В. В. Тождество и различие как категории материалистической диалектики. Свердловск, 1969; Нурматов М. Х. Проблема тождества в диалектике. Ташкент, 1969.

² См.: Колмогоров А. Н. Математика.— БСЭ. 2-е изд., т. 26.

знака и означаемого упрощает и связи между знаками: связей между знаками становится значительно меньше и потому осознать их в целом намного легче. В естественном же языке такой жесткой связи нет; здесь одной знаковой форме может соответствовать множество значений, и поэтому связи между знаками исключительно сложны. Спецификация правил математического языка (взаимосвязи между знаками) определяет новообразование в развитии математического языка. В сформировавшемся языке математики — в языке «Начал» Евклида новые предложения образуются по правилам аристотелевской силлогистики, тогда как в естественном языке логическая структура и получение нового предложения завуалированы богатой содержательной его стороной.

Определенность структуры языка и жесткая связь знака с означаемым обуславливают тенденцию к сокращению (упрощению) знаковых форм математического знания. Для записи чисел, например, в Древней Греции используется алфавит: число «один» записывается греческой буквой «альфа» с чертой сверху ($\bar{\alpha}$), «два» — «бета» (β) и т. д. Систематические сокращения содержатся уже в «Арифметике» Диофанта Александрийского (III в. н. э.). Так, квадрат называется здесь «динамис» и обозначается знаком Δ с индексом γ (Δ^γ); куб обозначается знаком K с индексом γ (K^γ); квадрат, умноженный на себя — квадратокуadrat, обозначается двумя дельтами с индексом γ ($\Delta^\gamma\Delta$) и т. д.³ Но эти сокращения у Диофанта, как и вообще используемые в математике сокращения вплоть до XVII в., склоняются по правилам грамматики естественного языка.

Итак, период возникновения математического языка — это процесс специализации части естественного языка, связанный с изменением знаковой формы (установление жесткого соответствия с означаемым и приведение знаковой формы к более компактному виду), изменением значения знаков естественного языка (значением знаков этого языка становится определенный вид количественных отношений) и изменением структуры знаков (регламентация отношений и связи знаков). Появившийся математический язык, как и естественный язык, является средством общения и выражения мысли, выполняет коммуникативную и познавательную функции. Правда, сфера этих функций достаточно ограничена. Так, например, язык «Начал» Евклида фиксирует только количественные отношения постоянных величин и его функции строго ограничены этой областью. Но имея специфическую область выражения — знания о количественной стороне материального мира, математический язык обладает той особенностью, что выступает в качестве языка научной картины мира. Именно такую функцию ему отводят пифагорейцы⁴. Всеобщность же математического

³ См.: Хрестоматия по истории математики. М., 1976, с. 41.

⁴ Аристотель. Соч. М., 1975, т. 1, с. 76.

языка ограничена видом количественных отношений, известных в этот период.

Развитие математического знания обуславливает изменение его знаковых форм. В период развития языка математики постоянных величин уже подготавливаются изменения в содержании и знаковой форме математического знания. Та часть естественного языка, которая использовалась математикой в предшествующий период, в силу сохранившейся еще в ней громоздкости знаковых форм и нечеткости их структуры все более тормозит развитие математического знания. Смена старых знаковых форм новыми становится необходимой предпосылкой для дальнейшего развития математического знания. В период функционирования языка математики переменных величин происходит необходимая специализация знаковых форм математического знания.

Действительно, язык математики в предшествующий период фиксировал в основном лишь отношения постоянных величин, поэтому его еще в какой-то мере удовлетворяли естественные знаковые формы (естественный язык). Но в Новое время движение становится предметом наук и в содержание языка математики входит знание о количественной структуре движения. Буквенная символика удовлетворяет новому содержанию языка математики. Она позволяет ему абстрагироваться от конкретного содержания решаемой задачи, от конкретных образов предметов и перейти к обобщениям, объективирующим переменные количественные отношения, к языку переменных величин, выражающему движение. Именно «поворотным пунктом в математике была Декартова переменная величина. Благодаря этому в математику вошли движение и тем самым диалектика и благодаря этому же стало немедленно необходимым дифференциальное и интегральное исчисление, которое тотчас и возникает и которое было в общем и в целом завершено, а не изобретено, Ньютоном и Лейбницем»⁵.

В происхождении знаковых форм дифференциального и интегрального исчисления наблюдаются те же процессы, что и при формировании знаковых форм числовых и алгебраических систем. Символизация и здесь начинается с выработки точных правил действий, алгоритмов. Так, формулы $\int y dx$ и dx — сокращенные записи алгоритмов интегрирования и дифференцирования, а знаки $\int$ и d означают первые буквы немецкого и латинского слов «сумма» и «разность». И. Ньютон, вводя свои символы для анализа бесконечно малых, не учел этого факта, поэтому его символы оказались непригодными и забытыми. Напротив, символы Лейбница носят оперативный, действенно-поисковый характер, обозначая «стратегему действий». Например, символы $\frac{du}{dx}$, $\frac{dz}{dx}$ играют на самом деле роль указателей операций,— пишет К. Маркс,— способ использования которых предполагается извест-

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 573.

ным для любых таких функций от x , которые подставляются вместо u и z »⁶.

Интенсивный рост содержания и совершенствования знаковой формы языка математики ведет к универсализации его использования в качестве языка научного познания. Если исторически и логически язык «Начал» Евклида выполняет гносеологические функции в основном на эмпирическом уровне познания, описывая и систематизируя количественные данные в эмпирически наблюдаемых зависимостях, причем фиксируя не процесс, а количественный результат, то область функционирования языка математики этого периода — языка переменных величин — в научном познании уже шире. Язык математики переменных величин схватывает эмпирически наблюдаемые зависимости в целом, как в результате, так и в процессе. Так, знаменитый закон тяготения (закон Ньютона) выражает функциональную зависимость между «тяготением», «массами тел», «расстоянием». Количественные отношения этой зависимости — математическая функция (она задается Ньютоном еще в словесной форме) — связывают разнокачественные величины (силу, массы, расстояние). Поэтому область охвата качественных явлений у этого языка шире и глубже, в силу чего язык переменных величин иногда называют «качественно-количественным» языком⁷. Это не означает, что предметом математики стала качественная определенность. Изменилось лишь содержание математического языка: в его объем вошло знание о новом виде количественных отношений реального мира. В целом же размерность разнокачественных величин, как видно из закона тяготения, остается однородной, т. е. в целом это однокачественная область, количественная структура которой уже есть функциональная зависимость.

Современный язык математики ассимилирует в себе все средства выражения, которые имелись в математическом языке более ранних периодов. С помощью развитых конструктивно-аксиоматических методов эти знаковые средства организуются в системы — математические структуры и образуют иерархию таких структур. Каждая математическая структура как единство знаковой формы и системы математического знания является отдельным языком. Этот язык выражает сложные количественные отношения — переменные отношения между переменными величинами⁸. Потребность выражения таких сложных структурных связей окончательно специализировала знаковые формы математического языка. Если в естественном языке значение языкового знака представляет собой отражение отношений элементов знаковой ситуации, складывающейся стихийно в процессе практического целеполагания, то в математических структурах значение каждого элемента выводится по правилам из значений первичных (исходных) элементов и пол-

⁶ Маркс К. Математические рукописи. М., 1968, с. 109.

⁷ Мариничев Э. А. Категории диалектики и язык науки. Л., 1973, с. 127.

⁸ Математика, ее содержание, методы и значение. М., 1956, т. 1, с. 60.

ностью определяется взаимоотношениями его с другими элементами этой структуры, т. е. структура языка оказывается основной в математике. В естественном же языке структура является производной, зависящей от значения языковых знаков. В математических структурах элементы имеют только то содержание, которое они получают в рамках данной структуры, и всякие другие их значения (касающиеся также и природы) отбрасываются.

Специализация правил математического языка⁹ связана со специализацией самой знаковой формы математического знания. Знакам современного математического языка, как и знакам естественного языка, свойственна дискретность, неоднородность и линейность. Однако в развитии знаковых форм математического знания формируется новое свойство — нелинейность (неоднородность) в образовании знаковых систем, несущих информацию. Это специфическое свойство современного математического языка (включающее как предельный случай и линейность) позволяет фиксировать непосредственно структурные связи элементов и тем самым дает возможность воспринимающему одновременно представлять все многообразие связей элементов, описываемой ситуации (т. е. воспринимать значения этих знаковых форм полно и точно).

Нелинейность записи функциональных зависимостей, дифференциальных и интегральных уравнений, систем уравнений, функционалов и т. д. надо рассматривать тоже как результат сокращений, но уже не записи отдельных слов и предложений в знаковой форме естественного языка, а целых текстов. Так, некогда формулируемые И. Ньютоном основные законы механики в форме естественного языка Л. Эйлером записываются на специфическом языке математического анализа. Эта запись, сохранив сущность ньютоновского определения, передает все связи и отношения величин в ясном виде. Нелинейность записи математических знаков придает им еще большую оперативность. Так, преобразуя (интегрируя) основное уравнение механики (по существующим алгоритмам, выбор которых подсказывает оперативность формы), мы получаем новое выражение (функцию). Обращение к природе входящих в это выражение величин позволяет устанавливать новый закон.

Развитие знаков (по содержанию и по форме) и структуры математического языка обуславливает и изменение его гносеологической роли. Математические структуры фиксируют уже знания об организации, внутренней стороне объектов. Язык, например, такой математической структуры, как теория графов, описывает структурную организацию систем произвольной природы. И так как функционирование генетических систем как раз определяется своей структурой, то это дает основания для превращения языка

⁹ Правила языка — совокупность потенциальных отношений между элементами языка (См.: Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977, с. 66).

графов в язык генетических систем и использования его «для изучения как исходных линейных генетических текстов, так и трехмерных белковых структур, осуществляющих предписание ДНК»¹⁰.

Таким образом, мы приходим к выводам, что тождество и различие в развитии математических знаков проявляется на уровне как формы, так и содержания. Причем на уровне формы сохраняется дискретность и неоднородность математических знаков, а изменяется форма образования математических выражений и появляется новое свойство — нелинейность. Тенденция развития содержания (значения) математических знаков (их различие) сводится к углублению, уплотнению знаний о количественной определенности реального мира. Знание о количественной стороне остается тождественным для всех этапов развития математического языка. Инвариантным на уровне структуры (взаимосвязи) математических знаков остается ее определяющая роль по отношению к значениям и формам знаков. На каждом же этапе развития языка математики структура его является уникальной (по степени регламентированности). В целом устойчивым в развитии математики как знаковой системы научного познания является то, что она, обозначая знания о количественных отношениях изучаемых явлений, служит средством образования понятийного аппарата науки и языком научной картины мира.

В. И. НАШПЕРСКИЙ

Роль категорий тождества и различия в раскрытии сущности информации

В литературе по современной теории информации решающее значение в раскрытии сущности информации придается, наряду с категорией отражения, понятию различия (разнообразия). С этим понятием и отображаемыми им объективными отношениями дискретности, изменчивости, взаимного несоответствия вещей и процессов (в теоретико-множественной концепции информации — элементов и связей множества) связывают происхождение и основные характеристики информации, информационные процессы изображают как движение разнообразия и т. п. Что же касается отношений типа тождества и их роли в возникновении и существовании информации, то они незаслуженно остаются в тени. Тогда как любой теоретико-информационный подход, в котором не учитывается ведущая роль отношений типа тождества, не соответствует ни истории и логике развития теории информации, ни тем конкретным математическим методам, которые в ней применяются.

¹⁰ Миркин Б. Г., Родин С. Н. Графы и гены. М., 1977, с. 7.

От «качественного» понятия информации как сведений, сообщений, их передачи в пределах человеческой коммуникации в середине XX в. в связи с необходимостью измерения объема сведений, передаваемых техническими средствами массовой коммуникации, произошел переход к попыткам количественной экспликации этого понятия. Обобщая работы своих предшественников (Фишера, Найквиста, Хартли), К. Шеннон дал вероятностно-статистическую интерпретацию понятию информации¹. Модель информационного процесса построена Шенноном на основе особенного класса эргодических процессов, описываемых простыми количественными отношениями (марковские цепи).

Дальнейший прогресс теории информации связан с ее развитием в кибернетике, семиотике и других науках. В работах Н. Винера получила обоснование идея связи информации и управления, идея выхода за пределы формального сообщения. Анализ связи информации с управлением долгое время осуществлялся (а некоторыми авторами ведется и поныне) в русле негэнтропийной концепции информации. Количество информации отождествляется с негэнтропией (в более строгом варианте — с отрицательным вкладом в энтропию), а получение информации — с устранением, уничтожением неопределенности. Последующие исследования показали, однако, что в информационном процессе (т. е. в процессе получения, передачи, преобразования и использования информации) уничтожение неопределенности не является необходимым.

Во-первых, в информационном процессе неопределенность может не устраняться, а даже увеличиваться, и это вовсе не служит основанием для утверждения, будто приемник не получает никакой информации. В связи с этим в теорию были введены понятия не изменяющей неопределенности информации и дезинформации².

Во-вторых, в статистической теории информации К. Шеннона источник эргодический и среднее по ансамблю равно среднему по времени, следовательно, любое выбранное сообщение (теоретически бесконечное) обладает той же самой статистической структурой, что и исходное множество выбора. Таким образом, по отношению к источнику никакого устранения неопределенности не происходит. Тогда, может быть, уничтожение неопределенности необходимо сопровождает информационный процесс на стороне получателя (адресата)? Явление дезинформации свидетельствует о том, что и по отношению к адресату нет полного устранения неопределенности. Многие исследователи феномена информации упустили из виду следующие обстоятельства: если передаваемое сообщение выражает неопределенность, оно не может привести адресат к состоянию большей определенности, если же термин «неопределенность» относится к состоянию адресата, то неявно допускается преднастроенность последнего на источник, их соответствие, их со-

¹ См.: Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М., 1960.

² См.: Мазур М. Качественная теория информации. М., 1974, с. 152—166.

держательная сопряженность, находящая частичное выражение в наличии общего канала и кода. Существует минимальная взаимная определенность источника и адресата, чтобы физический процесс мог стать сигналом, несущим информационное сообщение.

Концепция разнообразия (теоретико-множественный подход), называемая иногда атрибутивной концепцией, возникла в качестве логического продолжения концепции информации как уничтоженной неопределенности. В рамках данной концепции обобщение понятия информации связывается с выделением признака только различия, разнообразия в информационных процессах. Поэтому А. Д. Урсул считает возможным определить информацию как «уничтожение тождества, однообразия (т. е. различие, разнообразие)»³. Таким образом, информация понимается как нечто противоположное тождеству, несовместимое с ним. По существу, развиваемое в концепции разнообразия понятие информации и информационного процесса противоречит как логике, так и истории развития теоретико-информационных представлений. На новом теоретическом уровне обобщения понятие информации может быть раскрыто на основе представления о единстве различия и тождества, притом, как показывает анализ связи категорий тождества и отражения, единство и тождество, а не множественность и различие играют в информационных процессах решающую, с точки зрения содержания информации, роль.

К этому выводу приводит методологический анализ не только содержательных подходов в теории информации, но и «количественных» статистической и нестатистических теорий, в которых центральную роль играет понятие «количество информации» с крайне ограниченными возможностями его содержательной экспликации. Как следует из работ А. Н. Колмогорова, Е. К. Войшвилло и других ученых, в этих теориях понятие информации выражает не абсолютное количество информации, а дополнительную информацию, ее дополнение к имеющемуся в отражающем объекте информационному содержанию. Исходным понятием в теории информации А. Н. Колмогоров считает «понятие условной энтропии объекта X при заданном объекте Y , $U(X/Y)$, которую можно интерпретировать как количество информации, необходимое для задания объекта X в обстановке, когда объект Y уже задан»⁴. Информация, равная (кибернетической) энтропии с обратным знаком, есть количество информации в структурно-синтаксическом плане, измеряемое не структурным содержанием объекта, а тем снятием неопределенности в отношении объектов X и Y , которое достаточно для достижения их тождества в рассматриваемом смысле. Это приводит к выводу, что количество информации (даже на структурно-синтаксическом уровне) выражает степень дополнения разнообра-

³ Урсул А. Д. Отражение и информация. М., 1973, с. 40.

⁴ Колмогоров А. Н. К логическим основам теории информации и теории вероятностей. — Пробл. передачи информации, 1969, с. 5, вып. 3, с. 3.

зия объекта X при заданном объекте Y до тождества X и Y . Речь идет не просто о разнообразии X в Y , а о недостающем в X разнообразии Y . Отсюда следует, что информационный процесс есть процесс не снятия (в смысле устранения, уничтожения) тождества, а обратный процесс становления, образования тождества. Поскольку объекты информационного отношения всегда различаются, так как абсолютное тождество, тождество в строгом формальнологическом смысле невозможно, постольку информация связана с разнообразием, с передачей разнообразия, однако при ведущей роли тождества.

Информационному процессу имманентно присуща направленность на сохранение тождества и на увеличение степени его существенности. Отсюда, в частности, следует вывод, что *содержательно* информация тем полнее, чем больше степень существенности тождества находящихся в информационном отношении объектов. Следовательно, зависимость количества информации от взаимного разнообразия объектов есть лишь первая и внешняя особенность феномена информации. Развитие современной теории информации в определенном аспекте проявляется как движение к осознанию единства тождества и различия в информационных процессах.

Итак, благодаря переходу в рамках атрибутивной концепции информации от рассмотрения последней как абсолютного разнообразия (и количества информации как меры абсолютного разнообразия) к ее анализу как разнообразия одного объекта относительно другого, вскрытию отражательного характера информационных процессов, была установлена (хотя и не сформулирована в явном виде) фактическая зависимость понятия информации от категории тождества. Концепции разнообразия еще только предстоит обрести в теории информации свое действительное место, свое дальнейшее развитие с обобщением и одновременным преодолением односторонности, так как различие (но не произвольное, а относящееся к различиям внутри сущности) составляет основание информационных явлений не само по себе, а в единстве с тождеством, в единстве противоположностей. Вне этого единства, вне отношения существенного тождества информация не возникает и не существует.

В функциональной концепции информации одним из существенных результатов также является раскрытие действительного единства тождества и различия в процессах управления и связи. Сущность управления состоит в том, что самоуправляемая система⁵ стремится к некоторому состоянию, относительно которого предполагается, что оно соответствует (или будет соответствовать) состоянию среды, но в силу диалектической противоречивости системы и среды неизбежно возникает различие между действитель-

⁵ О значении понятия «самоуправляемая система» см.: Украинцев Б. С. Самоуправляемые системы и причинность. М., 1972, с. 33.

ным и «целесообразным» состоянием, различие, которое, с одной стороны, обуславливает, с другой — только и делает возможным при наличии рассмотренного соответствия процессы управления и информации. Речь идет, следовательно о постоянном процессе нарушения тождества и его восстановления путем разрешения противоречий.

В ряде работ последних лет проблема связи информации с тождеством осознана в более явном виде. Помимо работ Б. С. Украинцева, который рассматривает функциональное единство самоуправляемых систем как необходимое условие информационной связи⁶ (но только как условие, а не как аспект содержания информации), к таким работам можно отнести концепцию информационного тезауруса Ю. А. Шрейдера⁷, подход Е. К. Войшвилло, согласно которому количество информации должно определяться по тем следствиям, их количеству и существенности, которые вызывают в отображающем объекте получение им информации⁸, анализ соотношения категорий тождества и различия с теоретико-информационными понятиями содержания и кода информации, ее преобразования и др. «Понятие информационного содержания, — верно отмечает Е. В. Дмитриев, — характеризует момент совпадения, сходства, соответствия отображения с оригиналом... понятие же «код» характеризует момент их различия, несовпадения»⁹. Следовательно, не отражение возможно благодаря соответствию взаимодействующих объектов, как получается у некоторых сторонников концепции разнообразия, а само это соответствие в отражении (в которое входят и различия), соответствие отображения с оригиналом выражает содержание информации. Таким образом, информация (в единстве содержания и формы) сама есть единство тождества и различия, единство противоположностей.

На наш взгляд, раскрытие и исследование природы объективной зависимости количества информации от степени и существенности тождества находящихся в информационном отношении объектов представляет актуальную теоретико-информационную задачу. Однако мы считаем, что решить эту задачу невозможно без обращения к анализу процесса становления тождества и процесса отражения.

Отражение как всеобщее свойство материи является предпосылкой и условием возникновения собственно информации (информационного отражения действительности). Нам представляется наиболее плодотворной точка зрения, согласно которой информа-

⁶ См.: Украинцев Б. С. Информационная форма причинности. — В кн.: Философские основания естественных наук. М., 1976, с. 294.

⁷ См.: Шрейдер Ю. А. О семиотических аспектах теории информации. — В сб.: Информация и кибернетика. М., 1976, с. 32, 34 и др.

⁸ Войшвилло Е. К. Понятие информации и некоторые возможности его применения в анализе знания. — В кн.: Ленинская теория отражения и современная наука. Отражение, познание, логика. София, 1973, с. 323.

⁹ Дмитриев Е. В. Диалектика содержания и формы в информационных процессах. Минск, 1973, с. 203.

ция — это форма, которую отражение приобретает в самоуправляемых системах (Б. С. Украинцев), функциональное, целесообразно упорядоченное отражение (Н. И. Жуков). Разумеется, эта упорядоченность находит то или иное выражение в изменении структуры отражающего объекта, но эти структурные изменения не тождественны информации как содержанию. Содержание информации — это нечто, выходящее за пределы не только конкретного носителя информации и организации его, но и за пределы всего рассматриваемого уровня организации самоуправляемой системы и даже самой этой системы.

Несомненно, информацию следует рассматривать в единстве субстратного и функционального аспектов, в единстве информации (как содержания) и кода. Заключая в себе в определенном смысле «вторичное» содержание, информация обнаруживается не в «чистом виде, а лишь по ее роли в объекте, системе, как явление функциональное; информация имеет значение не сама по себе, а через «свое другое»¹⁰. Суть вопроса в том, чтобы раскрыть способ взаимообусловленного, взаимодополняющего развития информационного (вторичного) содержания и кода. Иногда вместо кода рассматривают структуру вообще, и тогда информационное содержание можно трактовать как простое изменение, деформацию структуры в процессе функционирования¹¹. Однако, как подчеркивают многие ученые, информацию неправомерно сводить к структуре¹². На наш взгляд, прав Е. В. Дмитриев, который считает, что «смещение» функционирования воплощается не в застывшей форме механической деформации, а в форме информационных алгоритмов (систем кодов.— В. К.), отображающих исторический опыт развития системы»¹³. В плане общетеоретического подхода в теории информации методологически более продуктивным является выделение не функции в связи со структурой, а функции и ее носителя, в качестве которого и выступает код (алгоритм), программа и т. п.

В чем же специфика отношения типа тождества, соответствующего уровню информационного отражения действительности? Достаточно подробная классификация типов отношений тождества и различия приведена в работе В. В. Кима¹⁴. Однако данную классификацию, на наш взгляд, следует дополнить таким типом отношений, который выразил бы свойственную информационному от-

¹⁰ Петрушенко Л. А. Самодвижение материи в свете кибернетики. М., 1971, с. 58.

¹¹ См. напр.: Вяткин Ю. С. О взаимосвязи трех аспектов биосистем, фиксируемых понятиями «структура», «функционирование» и «развитие». — В сб.: Организация и эволюция живого. М., 1970, с. 17.

¹² См.: Тюхтин В. С. Отражение, системы, кибернетика. М., 1972, с. 214—215.

¹³ Дмитриев Е. В. Диалектика содержания и формы в информационных процессах, с. 113.

¹⁴ См.: Ким В. В. Тождество и различие как категории материалистической диалектики. Свердловск, 1969, с. 8—17.

ражению вторичность (метасистемность, по выражению В. И. Кремянского). Новый тип отношения, выражающий качественные особенности информационных явлений, может быть назван отношением существенного тождества. В отличие от других типов отношений тождества и различия, данное отношение не может быть абстрагировано от аспекта взаимодействия и отражения, выражает становление тождества и потому конкретно.

Предполагая единство основания, включая только существенные различия, отношение существенного тождества тем не менее может выражать отношение различных уровней организации. Это обусловлено его содержательной спецификой. В содержательном плане, благодаря высокому уровню развития субстрата, отношение существенного тождества сохраняет в себе в свернутом виде субстанциональное тождество с включением ряда новых элементов. Отношение существенного тождества предполагает достижение содержательного соответствия в процессе отражения и образования в отражающем объекте таких свойств, которые составляют, хотя и в различной форме, содержание и других объектов, и данного объекта (как вторичное его содержание).

Передача вторичного содержания, составляя информационный аспект взаимодействия систем, находящихся в отношении существенного тождества, не может происходить вне процесса отражения. Это особый вид отражения, функциональный по своей природе и обнаруживаемый через роль информации в системе. Благодаря возникновению на определенном уровне развития материальных систем их способности к выделению, сохранению и использованию вторичного, информационного содержания, их развитие приобретает качественно новый характер, который определяется двуединым противоречивым процессом отражения и одновременно становления тождества.

В обоснование развиваемой нами точки зрения целесообразно кратко рассмотреть предпринятые в ряде работ попытки обобщения понятия «свойство». Смещение акцента в анализе «вторичных свойств» есть результат осознания того, что существуют свойства вещи, которые не исчерпываются ее собственными внутренними определениями, а включают такие явления взаимодействия, «которые порождаются внутренними определенностями данного предмета, хотя существуют не в нем, а в тех предметах, с которыми происходит взаимодействие»¹⁵. Подобные свойства вещи действительно носят «метасистемный» характер и проявляются в форме информационной связи. Условием для возникновения и поддержания этой связи служит образование отношения существенного тождества. Существенность оказывается отчасти характеристикой существования элементов системы, входящих в тождество, и в то же время иных систем, с которыми связана первая. Например, существенность коммуникации двух индивидов в обществе опре-

¹⁵ Петров С. О. О вторичных свойствах.— Филос. науки, 1969, № 2, с. 150.

деляется не только этими индивидами, но и обществом в целом. В этом именно смысле Б. С. Украинцев рассматривает информационное сообщение как реализацию функциональной общности самоуправляемых систем при наличии у них общего канала и кода¹⁶, но он не рассматривает выделенный нами аспект «вторичности» содержания информации.

Приведенный подход к пониманию сущности информации позволяет перейти от интуитивного понятия количества содержания информации к его качественному анализу. В свою очередь, это позволит наметить пути создания количественных мер «содержательной сопряженности» самоуправляемых систем, объединенных не только непосредственными связями, но и глубокими «вторичными» опосредствованиями. «Информация по содержанию» (по выражению И. А. Полетаева) — без сомнения, сложный феномен. Это и отношение, связь (момент различия, ведущий посредством обмена крайних членов информационного отношения объективным содержанием к существенному тождеству, момент становления тождества), и функциональная структура (момент тождества, необходимо ведущий к новым различиям). Единство этих моментов и составляет информационное содержание процесса. Роль информации в самоуправляемой системе состоит, по-видимому, в двойственном и противоречивом информационном причинении «сохраняющего (само) движения», объективно направленного на обеспечение существенного тождества среды и самоуправляемой системы.

Таким образом, как сущность информации, так и источник возникновения информационных процессов обнаруживается в специфическом единстве тождества и различия, в отношении существенного тождества. Отсюда следует, в частности, вывод, что информация является не всеобщим свойством материи, а свойством лишь определенного класса систем, характеризующихся рассмотренным нами отношением.

В. Н. ТОЛПЕГИН

Адекватность отражения и изоморфизм

Отношения тождества и различия — это «самые простые, обычные, самые массовидные, миллиарды раз встречающиеся» отношения вещей материального мира. Именно в силу этого соответствующие им категории «тождество — различие» могут служить «исходной клеточкой», отправным пунктом содержательного логико-гносеологического анализа целого ряда других категорий материалистической диалектики, в порядке их последовательного

¹⁶ Украинцев Б. С. Самоуправляемые системы и причинность, с. 71.

выведения друг за другом. Во всяком случае, хотя бы в каком-то существенно важном аспекте к категориям тождества и различия вполне применима ленинская характеристика «абстрактно всеобщего». Это «всеобщее такое, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного»¹.

Отражение неизменно базируется на взаимодействии как своей всеобщей объективной основе. В силу этого логично предположить, что всеобщие объективные основы отношений тождества и различия в отражении также следует искать прежде всего в рамках общемирового взаимодействия, — это во-первых. А во-вторых, отношения тождества и различия во взаимодействии и отражении должны явиться, по нашему мнению, исходным пунктом анализа проблемы адекватности отражения вообще.

В общефилософском плане проблема адекватности отражения имеет существенно важное значение, в первую очередь, применительно к человеческому познанию, именно здесь эта проблема находит свое концентрированное выражение в постановке и решении проблемы истины. Но и в ином аспекте, в аспекте разработки проблемы адекватности отражения в рамках общей теории отражения как концепции одного из атрибутов материи, она приобретает большое общемировоззренческое и методологическое значение. Это тем более важно, так как уровень ее разработанности еще чрезвычайно низок. Так, Б. С. Украинцев, например, отмечает: «Адекватность отражения — это один из центральных вопросов теории отражения, который имеет не только принципиальное, но и большое практическое значение. Вместе с тем, как это ни странно, категория «адекватность отображения» в нашей философской литературе специально не рассматривалась и детально не исследовалась, если не считать отдельных замечаний, высказанных в опубликованных в последние годы работах...»².

Примечательно, что все авторы, специализирующиеся в этой области, считают адекватность отражения одной из наиболее существенных черт отражения вообще.

Так, например, С. М. Шалютин, выделяя наиболее существенные черты отражения как общего свойства материи, называет «причинную зависимость между отражением и отражаемым, вторичность отражения по отношению к отражаемому. Это, далее, — пишет он, — сходство отражения с отражаемым, копирование последнего. Именно сходство между ними и дает право говорить об отражении»³. В то же время сходство истолковывается исключительно в смысле изоморфизма (или гомоморфизма), хотя автор и подчеркивает, что первое не исчерпывается вторым. Но что, собственно, означает сходство, помимо изоморфизма, автор не рассматривает, считая, что «это вопрос особый», касающийся только

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 90.

² Украинцев Б. С. Отображение в неживой природе. М., 1969, с. 103.

³ Шалютин С. М. Об отражении как всеобщем свойстве материи. — В кн.: Теория познания и современная наука. М., 1967, с. 78.

психических форм отражения. Таким образом, получается, что сходство — это всеобщий признак отражения, а изоморфизм — это вид сходства, его частный случай. Именно изоморфизм является главным определяющим признаком отражения вообще на простейшем уровне отражения материи — в неживой природе⁴.

Конечно, дать однозначное определение характера адекватности отражения в общем случае — дело непростое. Одни авторы характеризуют ее как сходство (В. В. Орлов)⁵, другие как подобие (К. Н. Суханов)⁶, третьи — соответствие (Б. С. Украинцев)⁷, четвертые — изоморфизм (гомоморфизм)⁸. В связи с последним авторы отмечают, что во многих работах по теории отражения понятию изоморфизма неправомерно придается значение гносеологической категории. Так считает, например, Б. С. Украинцев: «понятие адекватности отображения оригиналу с осторожностью и оговорками может быть отчасти охарактеризовано при помощи понятий математического изоморфизма и математического гомоморфизма»⁹. Столь же осторожный подход к данному вопросу проявляет Д. П. Горский применительно к понятию истины¹⁰. Нам думается, что такой осторожный подход в данном случае вполне оправдан. Попытаемся выявить всеобщие объективные основы изоморфизма как чрезвычайно абстрактного выражения адекватности отражения.

Прежде всего следует отметить, что изоморфизм вовсе не является специфическим признаком отражения вообще и адекватности отражения в частности. Выделяя изоморфизм в качестве главного признака отражения, С. М. Шалютин в то же время убедительно показывает, что изоморфизм — это самое обычное отношение вещей, широко распространенное во всей природе и выражающее одну из сторон их тождественности друг другу¹¹.

В каждом аспекте взаимодействия даны все атрибуты материи, отражение в том числе. Отражение — это лишь один из многих аспектов общемирового взаимодействия и отделить его от взаимодействия можно лишь в абстракции. При этом суть взаимодействия составляет вещественно-энергетический обмен¹², совершающийся по каналам общемировой связи и обеспечивающий матери-

⁴ Шалютин С. М. Об отражении как всеобщем свойстве материи, с. 77.

⁵ Орлов В. В. Ленинская концепция отражения и современное естествознание. — В кн.: В. И. Ленин и теория отражения. Свердловск, 1970, с. 13.

⁶ Суханов К. Н. К анализу принципа совпадения образа и оригинала. — В кн.: Ленинская теория отражения и современность. Свердловск, 1967, с. 39.

⁷ Украинцев Б. С. Отображение в неживой природе, гл. 3, § 1.

⁸ Петушкова Е. В. Качественные особенности отражения в неживой природе. Минск, 1963, с. 13.

⁹ Украинцев Б. С. Отображение в неживой природе, с. 127.

¹⁰ Горский Д. П. Истина как процесс и как результат познания. — В кн.: Современные проблемы познания диалектического материализма. М., 1970, т. 2, с. 26.

¹¹ Шалютин С. М. Об отражении как всеобщем свойстве материи, с. 99.

¹² В последнее время в литературе все чаще используется уточненная формулировка: «масс-энергетический обмен».

альное единство всех сосуществующих и сменяющих друг друга материальных объектов. Вещественно-энергетический обмен — это основная форма воспроизведения одних вещей в других. Но есть и иные, сопутствующие ему формы воспроизведения одного в другом, в том числе отражение.

Например, при нагревании одного тела другим часть температуры нагревателя передается нагреваемому телу и тем самым воспроизводится в нем, причем в том же самом качестве, т. е. как температура. Но при этом нагреваемое тело также увеличивается в объеме, и в этих побочных, сопутствующих изменениях по-своему воспроизводится степень нагретости первого тела. По приращению объема мы, в частности, и судим о температуре нагревателя, когда пользуемся термометром. Но о ней мы можем судить и по другим параметрам — по изменению цвета, блеска, ковкости, упругости нагреваемого тела. Во всех случаях взаимодействие, взятое в чистом качестве вещественно-энергетического обмена, составляет объективную основу отражения, но само отражение находится «по ту сторону» непосредственно вещественно-энергетического обмена, как бы «над» или «под» ним.

В случае упругой деформации стержня или пружины под действием подвешенного груза качество передаваемой энергии будет иным, чем при теплообмене. В данном случае это энергия свободного падения груза на участке, равном приращению длины растягиваемого стержня. И именно из элементарных порций энергии данного типа складывается основной вещественно-энергетический поток, в рамках которого взаимодействующие тела неизменно отождествляются, делаются «одним и тем же». Минус энергии в одном из них вызывает плюс энергии этого же типа в другом, и между элементарными единицами энергетического потока устанавливается взаимно-однозначное (изоморфное) соответствие, ибо каждая порция энергии данного типа является образцом — эталоном общего, совместного качества обоих тел в данном отношении, т. е. в отношении к данному типу взаимодействия. Все другие изменения, происходящие в этих телах и соответствующие порознь основному типу взаимодействия, в то же время оказываются соответствующими и друг другу. Но характер соответствия здесь иной, не изоморфный: только в канале взаимодействия вещи непосредственно отождествляются, тогда как в сфере отражения они остаются качественно различными. Отношение тождества здесь тоже имеет место, но характер тождества принципиально иной, чем в канале взаимодействия, — этот тип тождества в различном и фиксируется категорией «адекватность отражения».

При взаимодействии двух материальных систем в основном канале связи в любом случае образуется нечто третье — новая вещь, более или менее стабильная по срокам своего существования. Это, например, единая система взаимодействия типа: нагреваемое — нагревающее, растягиваемое — растягивающее и т. д. Составленная из качественно однородных элементов веществен-

но-энергетического потока, единого для исходных взаимодействующих тел, эта новая вещь, в сущности, представляет собой единство вещи и процесса. За вычетом ее, на полюсах вновь образованной единой системы взаимодействия исходные, взаимодействующие тела объективно определяются по отношению друг к другу как «отражаемое» и «отражающее». Характер адекватности между ними устанавливается на основе изоморфизма материальных структур, возникающего в рамках единого вещественно-энергетического потока, но это еще не означает, что адекватность отражения исчерпывается отношениями изоморфизма.

В рамках теории отражения понятие изоморфизма требует своего содержательного, философского истолкования. В литературе, например, справедливо отмечается, что, в отличие от многих общенаучных понятий — информации, вероятности, управления и др., «такое общенаучное понятие, как изоморфизм, употребляется в философской литературе пока что в «непереваренном» философией виде»¹³. Изоморфизм — одна из важнейших характеристик адекватности отражения. Но она не является исчерпывающей прежде всего потому, что изоморфизм в принципе характеризует неразличимые, тождественные элементы соотносящихся множеств, структур и т. п. А это, в свою очередь, является выражением лишь того факта, что объективно такого рода отношения оказываются реально осуществимыми только для качественно однородных элементов взаимодействующих систем, т. е. принципиально — в канале взаимодействия, а не в сфере отражения.

Изоморфные отношения вещей не безусловны. Как и все другие отношения, они имеют свою объективную основу во взаимодействии материальных тел. Если иметь в виду реальный денотат понятия «изоморфизм» как абстрагированного из объективной действительности, то изоморфизм, вообще говоря, возможен или между двумя совершенно одинаковыми материальными телами (типа двух биллиардных шаров), или между элементами однопорядковых уровней структурной организации разнородных материальных систем, как, например, на уровне атомов, молекул и др.

Отношения полного изоморфизма как бы заново «восстанавливаются» на уровне познания, когда сопоставляются, например, структура объекта и структура научной теории. Качественная неопределенность отношений изоморфизма, здесь, по-видимому, снимается содержательным истолкованием элементов сопоставляемых структур, которые представляются качественно однородными, например атом — и понятие атома, пространство — и понятие о нем.

Однако, во-первых, здесь сравниваются в принципе разнород-

¹³ См.: Ксенофонов В. И. О роли и месте материалистической диалектики в системе научного знания. — В кн.: Проблемы диалектики. Л., 1974, вып. 4, с. 8.

ные реальности — материальная и идеальная; во-вторых, идеальное отражение действительности может быть ошибочным; в-третьих, теория объекта всегда неполна, так как сам объект неисчерпаем; и т. д. Следовательно, изоморфизм здесь носит чисто условный характер.

Именно о такого рода изоморфных отношениях чаще всего и говорят, абстрагируясь от качества взаимодействующих систем, полагая их структурные компоненты однородными элементами некоторых математических множеств. Но тогда следует иметь в виду, что применительно к анализу нематематических аспектов адекватности отражения мы делаем совершенно произвольные допущения, которые должны быть учтены в результатах анализа. Последнее, однако, делается не всегда. Недостаточность абстрактного изоморфизма очень часто оговаривается, но фактически в расчет не принимается; в результате именно изоморфизм зачастую фигурирует в качестве главного или наиболее существенного признака отражения вообще. По нашему мнению, такое представление ошибочно, и оно должно быть полностью преодолено. Во всяком случае, в рамках теории отражения следует выделить свои, нематематические аспекты этого понятия.

В частности, если использовать обоснованное выше содержательное истолкование изоморфизма, то можно выделить своего рода критерий отличия отражения от взаимодействия: отношения отражения устанавливаются только между такими элементами соотносящихся множеств или структур, где изоморфные отношения в принципе исключены. Там, где такого рода изоморфные отношения имеют место, воспроизведение одних материальных систем в других осуществляется только в форме взаимодействия, взятого в чистом качестве вещественно-энергетического обмена.

Предложенная нами содержательная трактовка изоморфизма, разумеется, несколько не умаляет важности и значения понятия математического изоморфизма применительно к той сфере, где это понятие оказывается действительно работающим, — это во-первых.

Во-вторых, мы особое внимание обратили именно на содержательное истолкование отношений изоморфизма именно потому, что в рамках проблематики, анализируемой на методологической основе категорий тождества и различия, понятие изоморфизма представляется нам ближайшей после них ступенью к содержательному анализу адекватности отражения в целом.

В заключение отметим, что мы не касались проблем адекватности отражения на уровне чувственного образа, на уровне теоретического познания, сосредоточив главное внимание на выявлении всеобщих объективных основ адекватности отражения в неживой природе. Однако проведенное нами исследование может оказаться вполне эффективным и при анализе более сложных форм отражения.

Роль категорий тождества и различия в формировании прогностического знания

Методологической основой решения проблемы формирования прогностического знания является материалистическая диалектика, и в частности категории тождества и различия, являющиеся исходными, ведущими к другим категориям диалектики.

Ведя речь о прогнозировании, его обычно рассматривают в неразрывной связи с научным предвидением, хотя соотношение их трактуется весьма неоднозначно. Одни авторы употребляют эти понятия как синонимы¹, другие же, учитывая единство этих процессов, не отождествляют их полностью, отмечают различия между ними. Однако само различие предвидения и прогнозирования характеризуется по-разному: 1) различие в соотношении прогноза и предвидения как результата и процесса², 2) прогноз как разновидность предвидения, форма его существования, в которой конкретизируется знание общих тенденций развития явлений, раскрываются конкретные черты и особенности будущего их изменения, осуществляется их локализация в пространственно-временных границах³. Последнее представляется методологически более обоснованным, ибо несущественные различия характеризуют именно различие сущности и внешних форм ее проявления⁴. Исходя из этого рассмотрим особенности прогноза как формы предвидения и на основе этого исследуем процесс его формирования.

Сущность научного предвидения как формы отражения действительности определяется тем, что в нем на основе знания меры воспроизводится объективно возможное в материальном мире и в деятельности субъекта⁵. В связи с этим предвидение выступает и средством развития научного знания, и средством научного управления деятельностью субъекта. Эти существенные черты научного предвидения характерны и для прогнозирования, но проявляются они в нем в особой форме, определяющей отличительные признаки последнего.

Таким отличительным признаком является прежде всего не-

¹ См.: Бауэр А. и др. *Философия и прогностика*. М., 1970, с. 13, 15; Тугаринов В. П., Румянцева Т. М. *Предвидение и современность*. Л., 1976, с. 102—140.

² Никитина А. Г. *Предвидение как человеческая способность*. М., 1975, с. 9—10.

³ См.: Руткевич М. Н., Коган Л. Н. *Марксистская социология, социальное прогнозирование и планирование*. — Филос. науки, 1971, № 3, с. 4; Лисичкин В. А. *Теория и практика прогностики*. М., 1972, с. 87.

⁴ См.: Ким В. В. *Тождество, различие, противоречие*. — В кн.: *Взаимосвязь категорий*. Свердловск, 1970, с. 13.

⁵ См.: Лойфман И. Я. *Категория предвидения в ленинской теории отражения*. — В кн.: *Отражение как предвидение*. Свердловск, 1976, с. 5—6.

посредственная связь прогноза с планированием деятельности субъекта. Так, И. В. Бестужев-Лада пишет, что прогноз дает «условное предсказание с целью не просто предвосхитить будущее, а выявить наиболее эффективные пути целенаправленного воздействия на дальнейшее развитие исследуемого объекта»⁶. Отличительной чертой прогноза является его направленность на отражение объективно возможного в преобразовании материального мира, в связи с чем он выполняет задачу теоретического обоснования деятельности субъекта.

Теоретическое обоснование деятельности сегодня строится не только на основе теоретического знания о преобразуемом объекте, но и на основе теоретического анализа самого процесса деятельности⁷. Такой характер теоретического обоснования деятельности обуславливает необходимость отражения в прогнозе не только объективно возможных изменений объекта, но и других структурных компонентов деятельности. Поэтому процесс прогнозирования включает в себя как теоретическое исследование объективно возможных изменений предмета деятельности, так и использование теории для определения возможных средств и способов действия, а также учета последствий деятельности субъекта. В связи с этим он представляет собой мысленное конструирование различных схем преобразовательных действий на основе теоретического знания о данном фрагменте материального мира и обобщения опыта преобразовательной деятельности.

При таком подходе формирование прогностического знания предстает как процесс выявления на базе тождества различий, выступающих в виде различных вариантов осуществления деятельности субъекта. Это определяется следующим противоречием. Теоретическое знание, используемое для прогнозирования, является знанием, отражающим действительность в ее всеобщих и необходимых чертах, которое характеризует таким образом, тождественное, повторяющееся в изучаемых объектах. Для прогноза же, строящегося относительно конкретной цели и конкретного объекта, важно на базе этого тождества раскрыть те различия, которые существуют между предметами данного класса и имеющимися средствами их преобразования. Определение таких различий в виде выработки возможных вариантов осуществления деятельности субъекта достигается посредством ряда ограничений, объективно детерминирующих содержание прогностического знания. Эти ограничения определяются теми факторами, которыми обуславливается деятельность субъекта.

Внешним условием, изначально подчиняющим себе деятельность субъекта, выступает объект деятельности. Поэтому формирование прогноза начинается с использования теоретического зна-

⁶ Бестужев-Лада И. В. Методологические вопросы прогнозирования развития науки.— В кн.: Науковедение и информатика. Киев, 1976, № 15, с. 21.

⁷ См. напр.: Бирюков Б. В. Кибернетика и методология науки. М., 1974, с. 170—177.

ния о данном объекте. При этом имеющееся теоретическое знание о данной области действительности направляет исследование возможных его изменений, давая общее представление о спектре возможных изменений объектов данной области действительности и определяя теоретически возможные пути преобразования их. Это обусловлено тем, что теоретическое знание, раскрывающее сущность материальных предметов, воспроизводит их в обобщенной форме наиболее существенных свойств в виде абстрактного объекта. Такое раскрытие сущности материальных объектов достигалось в ходе многообразных практических и мысленных действий с ним. Поэтому теория не только всесторонне характеризует сущность его, но и заключает в себе обобщенную информацию о системе действий с ним⁸. Вследствие этого она содержит в себе определенные правила, регулирующие преобразование данной области действительности.

На этом начальном этапе прогнозирования исследователь имеет дело еще только с общим, тождественным, повторяющимся в возможных изменениях предметов данной области действительности. Беря это знание за основу построения прогноза, он далее решает задачу раскрытия особенного в функционировании и развитии того конкретного объекта этой области действительности, относительно которого строится прогноз. Для этого содержание используемого теоретического знания преобразуется с учетом ряда факторов, определяющих прогностическое знание.

Первым и основным фактором преобразования теоретического знания являются общественные потребности, осознанно выраженные в цели деятельности. Выступая основной детерминантой действий субъекта, потребности определяют выбор тех сторон объекта преобразования, которые значимы для удовлетворения данных потребностей. Поэтому в прогнозе общественные потребности выступают основным фактором, детерминирующим «теоретическое видение» предмета деятельности. Под их воздействием собирается эмпирический материал, в котором фиксируются особенности функционирования данного материального объекта, и выделяются те его свойства, которые существенны с точки зрения потребностей субъекта. На основе этого знания в прогнозе формируется предмет теоретического анализа. Полученное таким образом теоретическое знание позволяет определить спектр объективно возможных изменений объекта, непосредственно связанных с его преобразованием и осуществлением данной цели. В результате этой процедуры исследователь выявляет особенные, отличительные черты конкретного объекта преобразования и вместе с тем то общее, тождественное в предмете деятельности, которое должно повторяться во всех его возможных изменениях. На основе данного

⁸ См.: *Степин В. С.* К проблеме структуры и генезиса научной теории.— В кн.: *Философия. Методология. Наука.* М., 1972; *Он же.* Научное познание как «опережающее отражение» практики.— В кн.: *Практика и познание.* М., 1973.

знания, разносторонне охватывающего спектр возможных путей осуществления цели, субъект прогнозирования разрабатывает отдельные варианты деятельности.

Вторым фактором, определяющим формирование прогноза, является знание о материальных условиях деятельности субъекта и прежде всего о средствах ее. Представляя собой «овеществленную силу знания», средства выступают предметными условиями достижения цели, непосредственно воплощая в себе существующие способы действий и сложившиеся алгоритмы деятельности. В качестве таковых при теоретическом обосновании деятельности в прогнозе средства выступают предметными условиями построения реальных вариантов осуществления поставленных целей. Как отдельные материальные предметы, в которых опредмечено прошлое и настоящее обобщенное знание об объективной реальности, средства представляют собой эталон функционирования некоторого класса объектов действительности в структуре преобразовательной деятельности. Поэтому при сопоставлении теоретически выявленных возможностей изменения объектов со средствами, соответствующими цели, осуществляется как бы их «примерка» к этому эталону.

В ходе этой процедуры субъект прогнозирования выявляет такие общие свойства объекта, которые позволяют сравнить его со средствами-предметами и определить, насколько возможности изменения объекта, указанные теорией, соответствуют имеющимся средствам их преобразования. При этом знание о возможных изменениях предмета и возможных способах его преобразования, даваемое теорией, как бы проецируется на существующую систему реальных предметных действий. Благодаря чему на данном этапе формирования прогноза определяется: имеются ли средства для реализации выявленных возможностей изменения объекта и насколько они соответствуют необходимым условиям воплощения этих возможностей в действительность? Вследствие этого субъектом прогнозирования дается оценка различных вариантов деятельности и осуществляется отбор из них наиболее реальных и оптимальных. На данном этапе формирования прогностического знания, при проецировании используемого в прогнозе теоретического знания на систему знания, «овеществленного» в деятельности, субъект разрабатывает варианты осуществления цели. И руководствуясь определенными критериями при сопоставлении возможных результатов с целью, субъект выбирает оптимальный или наилучший в данной ситуации вариант действий и на его основе принимает решение и вырабатывает план.

Таким образом, мы видим, что процесс формирования прогноза связан с использованием теоретического знания об объекте для обоснования процесса сознательной преобразовательной деятельности и определяется как этим знанием, так и потребностями общества и материальными условиями их удовлетворения. Вместе с тем этот процесс связан и с преобразованием используемого

в нем теоретического знания в новое теоретическое знание, которое объясняет новые факты, «задаваемые» исследователю потребностями общественного развития, и определяет новые возможные способы преобразования действительности. Основополагающее значение в раскрытии содержательной стороны формирования прогностического знания имеют при этом категории тождества и различия, ориентирующие исследователя на выявление как общего, так и особенного в прогнозировании по сравнению с другими формами отражения действительности.

Н. Я. МУРАВЛЕВ

Методологическое значение категорий тождества и различия в молекулярной биологии

Раскрытие отношений тождества и различия между свойствами и сторонами объектов молекулярного уровня жизни — одна из важнейших задач молекулярной биологии. Связи тождества и различия на этом уровне организации жизни, с одной стороны, очень сложны, противоречивы, а с другой — существенно определяют его «лицо». Все это обуславливает значительную методологическую роль категорий тождества и различия в молекулярной биологии в целом и особенно в решении ее центральной проблемы — проблемы связи структур и функций.

Диалектику связи структур и функций на любом уровне организации жизни, в том числе и на молекулярном, невозможно понять без глубокого изучения структуры. Важной вехой на пути проникновения в отношения различий структуры белковой молекулы как целого, явилось установление в ней порядков структур и формирование соответствующих понятий (первичная, вторичная и т. д. структуры). Это открывало путь к успешному решению проблемы связи структуры и функции. Однако он не был прямым, а изобилдовал зигзагами, отклонениями, обусловленными, в частности, ошибками в истолковании связи категорий тождества и различия.

Обсуждая вопрос об отношении различных порядков структур молекул к ее функции, исследователи склонны были сначала считать, что функция осуществляется только третичной структурой. «Мы знаем в общих чертах, каким образом детерминирована последовательность аминокислот, из которых должны быть «собраны» белковые молекулы. Однако не от этой последовательности химических связей зависят функциональные свойства белка. Они

обусловлены совершенно определенным трехмерным расположением атомов в пространстве»¹.

Методологическая основа подобных заключений очевидна: выдвигание на первый план не тождества порядков структур в их отношении к функции, а различий. И она находила, казалось, солидную опору в многочисленных фактах, подобных следующим. Известно было, что, если отделить от фермента даже значительное количество аминокислот, он продолжает функционировать, если сохранится его третичная структура. Если же третичная структура разрушается, то функция исчезает, хотя первичная структура при этом может сохраняться незатронутой. Функция восстанавливается с восстановлением третичной структуры. Даже «осколки» молекул могут функционировать, если сохраняется их третичная структура. Наконец, многочисленные эксперименты по удалению, замене и «пришиванию» аминокислот показали, что зачастую это практически не сказывается на функции. Факты подобного рода и питали методологию резкого различия порядков структур в их отношении к функции, даже придавая ей вид бесспорности.

Однако известно было и другое: последовательность аминокислот в цепи белка (первичная структура) детерминирована генетически. Поэтому считалось невероятным, чтобы детерминация была случайной, не имеющей отношения к функции белка. Логично было заключить, что и первичная структура определяет функцию белка. Это выражало тенденцию отхода от резкого различия порядков структур к учету их тождества в отношении к функции молекулы.

И все же преобладающей была вначале точка зрения резкого различия порядков структур в указанном отношении. Но эта ошибочная позиция коренится в успехах изучения структур белков. Действительно, выделение порядков структур — большой успех в изучении белка. Но это — проникновение в отношения различий. Когда же речь идет о функционировании молекулы белка как целого, на первый план выдвигается проблема их тождества. Ученые пытались решить проблему только на путях учета различий, вне раскрытия отношений тождества. В конкретных исследованиях связи структур и функций методологическая необходимость перехода от подчеркивания различий к выяснению тождества порядков структур в отношении функции осознавалась далеко не всегда, что особенно ясно выражалось в отнесении функции только к третичной структуре. Понятийный аппарат, выработанный для отражения различий в структуре, некорректно использовался для отражения тождества. Поскольку тождество и различие связаны неразрывно, постольку знания, полученные на путях исследования различий порядков структур, должны, конечно, использоваться и в познании их тождества; выводить же из первых вто-

¹ Левинталь С. Построение молекулярных моделей с помощью вычислительных машин. — В сб.: Молекулы и клетки. М., 1968, вып. 3.

рые ошибочно. А именно так в большинстве своем поступали исследователи, ибо они пытались найти как можно больше различий между порядками структур и, опираясь только на знания о них, делали выводы о функционировании молекул.

Однако объективная диалектика тождества и различия толкала ученых на путь исследования тождества порядков структур в их отношении к функции. Конкретно поиски ответа велись на путях сведения воедино, отыскания общей основы фактов, которые казались не просто различными, а противоположными: подтверждающими мнение об участии других, кроме третичной, порядков структур в функции и отрицающими их. В этом отношении методологически важным явился отход от резкого разделения порядков структур и попытка осмыслить различия на основе отыскания тождества между порядками структур.

Такой путь оказался весьма плодотворным для раскрытия диалектики структур и функций. Обнаружилось, например, что различия белков в аминокислотной последовательности «находит свое выражение в пространственной структуре, и в результате поверхность белка оказывается занятой различными химическими группами... Мы считаем, что именно таким способом различия в первичной структуре преобразуются в функциональные»². Здесь фактически ставятся под сомнение попытки решать вопрос об отношении структуры молекулы к функции, основываясь только на различиях порядков структур, ибо раскрываются важные моменты тождества первичной структуры с третичной. Реализация особенностей первичной структуры в третичной означает, во-первых, что, хотя первичная структура и не осуществляет функцию молекулы в целом, непосредственно, но влияет на нее опосредованно, через третичную; во-вторых, что третичная структура — это те же самые структуры низших порядков, но взятые в пространственной организации; в-третьих, способ свертывания белковой цепи определяется первичной структурой.

В свете сказанного становится особенно ясно, почему невозможно понять связь структуры молекулы белка с функцией, исходя лишь из факта различия порядков структур. Ведь при этом попытки раскрыть эту связь выливались фактически в отрицание порядков структур, в отождествление их с каким-то одним, в подведение всех их под какой-то один, т. е. фактически в отрицание различий между ними. Абстрактное различие порядков структур выливалось в столь же абстрактное их отождествление, ибо признавать наличие порядков структур и утверждать, что функция молекулы как целого осуществляется лишь одним из них, и есть решение проблемы связи структур и функций на основе абстрактного понятого тождества. Но такое истолкование тождества имеет свои гносеологические основания и, в частности, трудности познания отношений различия в молекулярных объектах живого, обус-

² Хаггис Дж. и др. Введение в молекулярную биологию. М., 1968, с. 122.

ловившие неполноту знаний о различиях. Последующее более глубоко проникновение познания в отношения различия создало предпосылки и более полных знаний отношений тождества.

Было установлено, что в первичной структуре одного и того же белка и в различных белках встречаются одинаковые сочетания аминокислот (тождественные пептиды). Этот факт отражен в понятии структурного подобия аминокислот. Закономерным является и относительное безразличие замены аминокислот к функции белка, что нашло свое выражение в понятии взаимозаменяемости аминокислот. Большое значение для понимания связи структуры и функции имело раскрытие противоречивой природы взаимозаменяемости аминокислот. Оказалось, что замена (удаление) одних и тех же, но занимающих различное положение в цепи белка аминокислот неодинаково влияет на функцию. Во всех случаях фиксировалось важное обстоятельство: изменения первичной структуры опосредуются в своем влиянии на функцию изменениями структуры третичной.

Если последние не наступают, то функция не изменяется, хотя первичная структура претерпевает изменения.

Это было одним из глубоких проникновений в диалектику тождества и различия порядков структур. Действительно, способ свертывания цепи, оказалось, определяется первичной структурой, причем различные аминокислоты играют в этом процессе неодинаковую роль. Таким образом, становится понятным, почему удаление одних аминокислот существенно влияет на функцию, а других — нет. Если удаляется ключевая аминокислота или непосредственно связанная с функцией, можно ожидать изменения функции.

«В молекуле белка, — отмечает Г. А. Кочетов, — имеется структурное ядро, которое сохраняется даже при достаточно глубоко зашедшем разупорядочивании общей конформации. При последующей ренатурации это ядро обеспечивает в большей или меньшей степени возможность восстановления исходной нативной структуры»³.

Эти и другие данные позволили раскрыть механизм действия ферментов, характер участия в нем всех порядков структур. Дело в том, что на начальных этапах исследования ферментов не только отрицалось участие низших порядков структур, но в отношении третичной утверждалось, будто только часть ее (активный центр) «отвечает» за функцию. Понятие активного центра сыграло большую роль в познании деятельности ферментов, но оно, по сути своей, является продуктом такого методологического подхода, когда различие в изучаемом не просто подчеркивается, а преувеличивается. Полной картины механизма действия ферментов на такой основе получить, конечно, нельзя. Логика познания и в

³ Кочетов Г. А. Структура и функции транскетолазы. — В сб.: Структура и функции ферментов. М., 1972, вып. 1, с. 126.

этом вопросе толкала ученых на раскрытие отношений тождества.

Помимо активного центра в ферментах были открыты еще и аллостерические центры. Это участки молекулы, присоединение к которым определенных веществ ведет к изменению ее пространственной организации (соответственно, активного центра). А вследствие этого изменяется и функция фермента.

Так шло преодоление абсолютизации различий участков третичной структуры в их отношении к функции. В настоящее время общепринятыми стали соображения об условности подразделения «существенных для действия ферментов и функциональных групп белка на каталитические, контактирующие и «структурные» (не входящие в состав активного центра фермента). Чем больше мы узнаем о взаимодействии групп, тем более относительным является подобное разграничение»⁴.

Подобные заключения свидетельствуют о преодолении абсолютизации различий составных частей структуры в обуславливании ими функции и свидетельствуют о глубоком проникновении в диалектику тождества и различия особенностей структуры белков по отношению друг к другу и к функции.

Оно дает возможность в методологически «чистом виде» проследить важнейшие моменты процесса познания связи структур и функции белков.

Утверждение о том, что только третичная структура (или даже только часть ее) выполняет функцию, верно постольку, поскольку фиксирует тот факт, что непосредственно функция осуществляется активным центром. Акцент в методологии исследования белков на различие оправдан поэтому в той мере, в какой необходимо зафиксировать этот факт. Утверждения же о том, что не только третичная, но и другие порядки структур принимают участие в функционировании, с методологической точки зрения преодолевают абсолютизацию различия, поскольку не ограничиваются тезисом об участии других порядков структур в функции, а вскрывают механизм этого участия. Это достигается анализом отношений тождества порядков структур относительно друг друга и относительно функции. В результате выясняется, что непосредственно функция осуществляется частью молекулы, опосредованно же в функционировании принимают участие так или иначе все порядки структур.

Таким образом, казавшиеся взаимоисключающими утверждения о том, что только третичная структура осуществляет функцию, и утверждения, что участвуют в этом процессе и другие порядки структур, в действительности выступают моментами положения, раскрывающего механизм функционирования молекул белка.

⁴ Поляновский О. Л. Роль функциональных групп белка в ферментах.— В сб.: Ферменты. М., 1964, с. 122.

Методологическое значение категорий тождества и различия в антропологии

В период возникновения антропологической науки наиболее изученным типом отношений тождества и различия явилось установление сходства и несходства между человеком и животными. Используя сравнительно-анатомические данные, Ч. Дарвин проанализировал черты сходства в области гомологии органов, развития зародышей, рудиментарных органов. Он обнаружил наличие общности выражения человеком и животными некоторых эмоций. Если предшественники Ч. Дарвина отделяли человека от его животных предков, основываясь на различиях в физическом строении человека и человекообразных обезьян, то Ч. Дарвин основной акцент сделал на то, чтобы показать единство происхождения человека и высших животных путем выделения сходства и родства между ними.

Вместе с тем Ч. Дарвин показал различие между человеком и его животными предками, причем часто сводил это различие к количественным показателям. Наиболее ярко это проявилось при сравнении умственных различий между человеком и животными. «Допуская даже,— писал он,— что различие в физическом строении между человеком и его ближайшими родичами так велико, как утверждают некоторые естествоиспытатели, и соглашаясь вполне, что различие между ними в умственном развитии громадно, нельзя, по моему мнению, не видеть в фактах, перечисленных в предыдущих главах, самых ясных доказательств в пользу того, что человек произошел от какой-то низшей формы, несмотря на то, что между ними до сих пор не открыто еще соединительных звеньев»¹.

С диалектико-материалистических позиций методологическое значение категорий тождества и различия было раскрыто классиками марксизма в трудовой теории антропогенеза, суть которой в концентрированной форме была выражена Ф. Энгельсом: «труд создал человека». Человек может рассматриваться в трех отношениях: в отношении к природе, в отношении к ему подобным формирующимся людям, в отношении к самому себе. Классики марксизма признавали тождество формирующихся людей и их животных предков, подчеркивая при этом, что человек есть природное существо. Однако в отличие от Ч. Дарвина К. Маркс и Ф. Энгельс признавали человека в качестве человеческого природного существа, отмечая тем самым наличие существенных различий при

¹ Дарвин Ч. Соч. М., 1953, т. 5, с. 257.

существующем тождестве. Заслуга классиков марксизма состоит в том, что они указали главный и решающий критерий различия человека и его животных предков. К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Людей можно отличать от животных по сознанию, по религии — вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают производить необходимые им средства к жизни,— шаг, который обусловлен их телесной организацией. Производя необходимые им средства к жизни, люди косвенным образом производят и самое свою материальную жизнь»².

Признание двойственной природы человека в процессе антропогенеза как существа природного и общественного дает возможность говорить о тождестве человека в двух отношениях. С одной стороны, о его тождестве с животными предками, а с другой — с ему подобными формирующимися людьми. Основой тождества в первом отношении выступают морфологическая организация и образ жизни формирующегося человека и его животных предков. В другом отношении мы имеем пример субстанционального тождества на одном структурном уровне организации, основой которого выступает труд. Иначе говоря, субстратом этого тождества выступает сформировавшийся в физическом отношении человек в единстве с орудиями труда. Вместе с тем тождество в одном отношении предполагало различия в другом.

Общая тенденция во взаимоотношении тождества и различия такова: при переходе от одной формы движения материи к другой значительно возрастают различия³. Эта тенденция нашла свое проявление и в процессе антропогенеза при переходе от биологической формы движения материи к социальной. В трудовой теории антропогенеза Ф. Энгельс проанализировал появление качественных различий в развитии руки, стопы, мозга, речи, мышления, в целом в развитии физического облика человека и человеческого общества. Появление существенных различий в процессе антропогенеза было связано с дифференциацией в развитии человека. Ф. Энгельс писал: «И человек возникает путем дифференциации, и не только индивидуально,— развиваясь из одной-единственной яйцевой клетки до сложнейшего организма, какой только производит природа, но и в историческом смысле. Когда после тысячелетней борьбы рука, наконец, дифференцировалась от ноги и установилась прямая походка, то человек отделился от обезьяны, и была заложена основа для развития членораздельной речи и для мощного развития мозга, благодаря чему пропасть между человеком и обезьяной стала с тех пор непроходимой»⁴.

Дифференциация в развитии человека привела к появлению существенных различий не только в отношении человека к его непосредственным животным предкам, но в отношении к нему

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 19.

³ Подробнее см.: Ким В. В. Тождество и различие как категории материалистической диалектики. Свердловск, 1969, с. 8—19.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 357.

самому. Признавая тождество физического облика формировавшегося человека по отношению к самому себе в определенный период времени и на определенной стадии развития (себетожественность), мы можем говорить и об одновременном различии, ибо в процессе антропогенеза происходило качественное изменение руки, стопы, мозга, не говоря уже о мышлении и человеческом обществе.

Таким образом, классики марксизма показали, что в антропогенезе предки современного человека обладали как животными, так и формировавшимися человеческими качествами и свойствами, наличие которых свидетельствует о диалектике взаимосвязи тождества и различия. Трудовая теория антропогенеза явилась той методологической основой, опираясь на которую современные антропологи смогли раскрыть взаимосвязь тождества и различия в процессе происхождения человека.

В современной антропологии тождество и различие получили отражение в биологической систематике, которая имеет, как отмечает М. Н. Урысон, «свои строгие и непреложные законы, согласно которым организмы объединяются в группы по сходству в морфологических особенностях, а границы между группами должны быть оправданы существованием морфологических различий между ними, причем систематический ранг вида, рода, семейства зависит от степени их существования»⁵.

Антропологи выделяют семейство гоминид, основываясь на совокупности таких морфологических признаков, как прямохождение, перестройка кисти, связанная с увеличением большого пальца и изменением его положения относительно других пальцев, развитие зрительного аппарата, изменение форм челюстного состава, размеров, положения и форм зубов, увеличение размеров мозговой коры⁶. Вопрос о наличии существенных морфологических различий в процессе перехода от антропоидов к древнейшему человеку является дискуссионным.

Особую значимость этот вопрос приобрел в связи с новыми открытиями австралопитековых и *Homo habilis*. Ряд авторов (В. П. Якимов, В. И. Кочеткова, А. А. Зубов) считают, что изготовление орудий должно предполагать обязательное наличие морфологических особенностей, разграничивающих ископаемых антропоидов и древнейшего человека. Существенные различия проявились в изменении структуры областей головного мозга, в строении черепа, зубов, верхних и нижних конечностей. Противоположная точка зрения высказывается М. Н. Урысоном, который считает, «что невозможно провести морфологическую грань между высокоразвитыми обезьянами, обладающими прямохождением,

⁵ Урысон М. Н. Некоторые теоретические проблемы современного учения об антропогенезе. — *Вопр. антропологии*, 1965, вып. 19, с. 37.

⁶ См.: Гремяцкий М. А. Принципы систематики ископаемых гоминид. — В кн.: *Тр. VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук*, М., 1968, с. 363.

систематически использовавшими природные предметы в качестве орудий и имеющими тем самым все необходимые предпосылки для перехода к трудовой деятельности, и древнейшими людьми, уже перешедшими к изготовлению искусственных орудий. Невозможность проведения грани обусловлена не отсутствием в современной науке соответствующих тонких методов, а тем, что такие формы почти не различались между собой в морфологическом отношении»⁷.

Данные точки зрения отражают два противоположных подхода, с одной стороны, признание морфологических различий между приматами и древнейшими людьми, а с другой — признание морфологического тождества между ними при наличии существенных различий в изготовлении и применении орудий труда древнейшими людьми. Следовательно, первая точка зрения означает признание тождества и различия в одном отношении (морфологическом), вторая точка зрения связана с признанием тождества и различия в разных отношениях.

Современная антропология восстановила ряд промежуточных звеньев в процессе происхождения человека. Антропологи выделяют три основные стадии антропогенеза — австралопитековые, древнейшие и древние люди, люди современного физического типа, что свидетельствует о наличии существенных различий между ними, а переходы от первой стадии ко второй и от нее к третьей представляют собой диалектические скачки, переломные коренные моменты в процессе антропогенеза. Выделение стадий в антропогенезе позволило создать в антропологии теорию двух скачков, первый из которых был связан с переходом от систематического употребления австралопитеками природных предметов в качестве орудий к их изготовлению древнейшими и древними людьми, второй скачок связан с формированием человека современного физического типа и возникновением родового общества — новой по сравнению с первобытнообщинным стадом формы социального объединения людей.

Вместе с тем наличие стадий в антропогенезе свидетельствует о тождестве человекообразных предков человека. Стадии антропогенеза характеризуются определенной системой морфологических особенностей строения и определенным уровнем развития материальной культуры. Так, к австралопитековым антропологи относят высокоразвитых двуногих приматов, использовавших природные предметы в качестве орудий труда. Морфологическая основа для установления тождества на стадии австралопитековых В. П. Якимовым связывается со «сравнительно крупным и достаточно сложно построенным головным мозгом, хватательной кис-

⁷ Урысон М. Н. Некоторые проблемы антропогенеза в свете новых палеоантропологических открытий.—В кн.: Антропология. Итоги науки 1969. М., 1970, с. 78.

стью, ослабленным челюстным аппаратом и зубным рядом»⁸. Диалектика тождества и различия проявляется в том, что австралопитеки имели специфические особенности, которые отличали их от других предшественников человека. Одновременно определенный комплекс этих особенностей свидетельствует о тождестве австралопитековых.

Единство тождества и различия проявляется и при анализе стадии древнейших и древних людей. Наличие общих закономерностей и морфологических признаков позволило антропологам выделить стадию «формирующихся людей», которая распадается на два этапа — древнейших (архантропы) и древних (палеоантропы) людей. Внутростадиальная дифференциация основывается на наличии различий у архантропов и палеоантропов. В свою очередь, древнейшие люди характеризуются единством тождества и различия их представителей. Антропологи относят синантропа и питекантропа к архантропам на основе большого сходства их физического типа, которое выражается в наличии примитивного обезьяноподобного черепа и костей нижних конечностей современного человеческого типа, близости геологического и абсолютного их возраста, сходства патжитанской и чжоукоудьянской культур (предполагается, что творцами патжитанской культуры были питекантропы). Сходство предполагает и различие между синантропами и питекантропами в строении эндокранов мозга, в поведении и образе жизни, в овладении орудиями труда. В рамках палеоантропов антропологи выделяют ранних и поздних неандертальцев. Поздние неандертальцы имели более выраженные примитивные черты сравнительно с ранними неандертальцами, которые в морфологическом отношении были более прогрессивными и явились непосредственными предками современного человека.

Стадия неантропов характеризуется тождеством морфологических элементов неантропов и современных людей при незначительном морфологическом различии, поскольку основные морфологические особенности получили свое завершение. Следовательно, в процессе антропогенеза на стадии неантропов уменьшилась степень морфологического различия при одновременном возрастании существенных различий в орудиях труда, языке, мышлении, общественных отношениях.

Трехстадийное деление антропогенеза связано с решением вопроса о центре происхождения человека и его рас. В антропологии существуют полицентристская и моноцентристская теории. Первая из них признает несколько независимых друг от друга центров происхождения человека и связь современных рас с древнейшими и древними людьми, обитавшими на этой же территории. Теория моноцентризма предполагает признание одного центра происхождения человека современного типа, а также сходства

⁸ Якимов В. А. Стадии и внутростадиальная дифференциация в эволюции человека. М., 1967, с. 12.

современных рас по многим морфологическим признакам и одновременно различие современных рас и древних и древнейших людей. Следовательно, в генетическом плане теория полицентризма акцентирует внимание на сходстве, тождестве современных рас и древних людей, теория моноцентризма основывается на их различии.

Расоведение опирается на категории тождества и различия. Так, в основу определения расы положены принципы географической связи расовых признаков с определенной территорией и их наследственный характер. На уровне явления тождество расовых признаков проявляется в их физическом сходстве. На уровне сущности тождество основано на генетическом родстве расовых признаков. «Можно определить расы,— пишут Н. Н. Чебоксаров и И. А. Чебоксарова,— как территориальные группы людей, выделяемые на основании их генетического родства, которое проявляется внешне в определенном физическом сходстве по многим признакам»⁹. Совокупность таких признаков, как цвет кожи, волос, глаз, форма волос, верхнего века, носа, губ, лица, головы, длина тела и его пропорции, определяет различие рас и одновременно принадлежность отдельных представителей к определенной расе. Сами по себе эти признаки варьируют у представителей одной расы, что свидетельствует о наличии различий, однако «определенное сочетание этих черт имеет довольно устойчивый наследственный характер и служит основанием для отнесения их обладателей к той или другой расе»¹⁰.

Морфологический критерий в расоведении используется неоднозначно. Часть антропологов рассматривает расовые признаки как равноценные, одинаково пригодные для дифференциации расовых комплексов. Известный советский антрополог А. И. Ярхо, в 30-е гг. высказал идею о таксономической неравнозначности расовых признаков и сформулировал принцип таксономической неравноценности расовых критериев. Данный принцип отражает такой тип отношений тождества и различия, как равенство и неравенство.

В расоведении используются различные методы для установления тождества и различия расовых признаков. Типологический метод отнесения популяций к одному из типов существующей антропологической схемы и популяционный метод определения родства между популяциями на основе генотипических признаков позволяют более глубоко раскрыть тождество. Выявление различий основано на сравнительно-антропологическом анализе групповых характеристик, изменчивости и локализации признаков, географическом методе установления изменчивости признаков, равномерно охватывающих район с устойчивым населением, и

⁹ Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры, М., 1971, с. 91.

¹⁰ Нестурх М. Ф. Человеческие расы. М., 1965, с. 11.

геногеографическом методе изучения географического распределения вариантов частоты генов¹¹. Данное деление методов во многом условно, поскольку каждый из них раскрывает разную степень выражения тождества и различия расовых признаков.

Подводя итоги, следует отметить, что категории тождества и различия, отражая единство непрерывности и прерывности, устойчивости и изменчивости, повторяемости и неповторяемости в процессе антропогенеза дают возможность глубже раскрыть процесс происхождения и развития человека и его рас.

А. Я. ГОЛУБЧИКОВ

Тождество и различие в становлении целостности

Категория «целостность» в настоящее время привлекает внимание многих исследователей, главным образом, в связи с разработкой системного подхода к исследованию объектов¹. Не подвергая сомнению ценность исследования проблемы в данном аспекте, следует отметить, что непосредственные практические задачи коммунистического строительства, в частности задача формирования нового человека, целостной, всесторонне развитой личности, нацеливают на рассмотрение проблемы целостности в аспекте развития². И с каких-бы различных позиций авторы ни подходили к этой проблеме, в центре их внимания всегда находятся вопросы, отражающие ее сущность — вопросы о становлении и критериях целостности. Методологический анализ этих вопросов посредством категорий «тождество» и «различие» в связи со становлением человеческой индивидуальности и составляет цель данной статьи.

Гегель, объясняя отношение органического существа и окружающей его природы, сформулировал важный диалектический принцип научного познания, требующий в выяснении генезиса объекта, явления исходить из анализа высшей ступени его развития³. На материалистической основе этот принцип развит К. Марксом: «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Намеки же на более высокое у низших видов могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно. Буржуазная экономика дает нам, таким образом, ключ к античной и т. д.»⁴

¹¹ Об основных методах расового анализа см.: Бунак В. В. Антропология Западной Европы в современной зарубежной литературе.— В кн.: Расы и народы. М., 1971, вып. 1.

¹ Югай Г. А. Диалектика части и целого. Алма-Ата, 1965; Абрамова И. Г. Целостность и управление. М., 1974; и др.

² См.: Проблемы формирования целостной личности. Рига, 1976.

³ Гегель. Соч., М., 1937, т. 2, с. 445.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 42.

Рассматривая связь понятий индивидуальность и целостность, А. Г. Кнорре верно отмечает, что «индивидуальность — одна из важнейших характеристик, или сторон, органической целостности»⁵. Однако он не останавливается на том, какую же сторону целостности характеризует индивидуальность. На наш взгляд, выяснению этого момента способствует определение индивидуальности, данное И. И. Резвицким: «Индивидуальность — это особая форма бытия человека в обществе, в рамках которой он живет и действует как автономная и неповторимая система, сохраняя свою целостность и тождественность самому себе в условиях непрерывных внутренних и внешних изменений. В качестве индивидуальности человек обладает способностью к саморегулированию и саморазвитию (самоусовершенствованию) в рамках общества»⁶. Автономность, способность к саморегулированию — не что иное, как характерные черты целостности⁷.

Таким образом, бытие целостности и есть индивидуальность. Всякая целостность индивидуальна в своем конкретном проявлении, но не всякая индивидуальность есть целостность, так как индивидуальность может быть неразвитой, целостность же характеризует определенный момент развития системы. «Сама эта органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы. Таким путем система в ходе исторического развития превращается в целостность. Становление системы такой целостностью образует момент ее системы, процесса, ее развития»⁸.

Соотношение целостности и индивидуальности одинаково для биологической и социальной формы движения материи, одинаково их соотношение и с понятием «система». Развитие биомира привело к биологической целостности и ее бытию — биологической индивидуальности. Для развития на уровне социального биологическая целостность (человеческий организм) и биологическая индивидуальность (особенности морфологической организации человека) есть лишь предпосылки. Развитие в пределах социальной формы движения материи происходит на иной основе — труде и с иным субъектом — «ассоциированным производителем». Социальная организация труда определяет поэтому становление человека и его индивидуальности.

В родоплеменном обществе род, выступая «совокупным целым», включает в себя не различающихся в социальном смысле

⁵ Кнорре А. Г. Уровни органической индивидуальности в связи с эволюцией целостности. — В кн.: Проблема целостности в современной биологии. М., 1968, с. 140.

⁶ Резвицкий И. И. Философские основы теории индивидуальности. Л., 1973, с. 14.

⁷ Югай Г. А. Диалектика части и целого, с. 111.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 229.

индивидов. Человек в это время не оторван еще от «пуповины первобытной общности»⁹. Он не выделяет себя из рода, тождествен ему, что обуславливается несложной по своим функциям трудовой деятельностью, основанной лишь на естественном разделении труда и не требовавшей поэтому субъективного отношения отдельного человека.

Деятельность человека в отличие от непосредственной деятельности животных носит предметно-опосредованный характер. Возникая одновременно, человеческая деятельность и общественные отношения объективируются в одних и тех же формах предметности: вещной, биосоциальной (телесной), институциональной, знаковой¹⁰. В свою очередь, индивидуальность человека не может проявляться иначе, как через его деятельность. Таким образом, анализ форм предметности позволяет судить и об индивидуальности, и о целостности. Незрелость производства, примитивность орудий труда вызвали необходимость только коллективного труда. Различия индивидов существовали лишь в их биопсихической организации.

Итак, «незрелая» целостность человека возникает как тождественность роду. Ее бытие проявляется в индивидах, различающихся лишь по биопсихической организации. Род тождествен как субстанция социального, он полностью определяет индивида и поэтому в развитии рода биологическая индивидуальность практически не играет никакой роли. Все эти моменты обусловлены незрелостью трудовой деятельности.

Дальнейшее развитие происходит путем воспроизводства достигнутой степени целостности и новых, уже социальных, различий (в производственной, политической, правовой, этической и других сферах жизни общества). Источник развития — в трудовой деятельности. Ее дифференциация, как известно, вызывает в антагонистических формациях выделение материального и духовного труда: впервые возникает разрыв между частным и общественным интересом¹¹. Происходит становление субъективного отношения отдельного человека, его самосознания на основе осознания несводимости его интересов, целей и потребности к таковым какой-либо общности.

Отсюда возникает возможность автономности, тесно связанной с процессом самоутверждения. В антагонистических формациях большая часть населения имеет возможность лишь негативного самоутверждения по отношению к обществу. С другой стороны, предпринимателю требуется рабочий с развитием лишь какой-то части своих способностей, а отчуждение от процесса труда лишает человека проявления его индивидуальности в этой основной форме человеческой деятельности. «Отчужденный труд человека, от-

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 99.

¹⁰ Андреев Ю. П. Категория общественные отношения. — Автореф. канд. дис. Свердловск, 1972.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 30—32.

чуждая от него: 1) природу, 2) его самого... тем самым отчуждает от человека род: он превращает для человека родовую жизнь в средство для поддержания индивидуальной жизни»¹². Таким образом, в антагонистических формациях разрушается тождество индивида и рода, что делает невозможным целостность человека, хотя в развитом виде существуют уже все формы предметности. Бытие целостности — индивидуальность проявляется в противоположности эксплуатируемых и эксплуататоров, в односторонней развитости тех и других. Происходит раздвоение единого, делающее возможным соединение противоположностей, разрешение противоречия.

Коммунизм как «подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека... есть действительное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом»¹³. Снова достигается тождество рода и индивида, но уже на развитой основе, тождество через системное многообразие различий. Целостность человека, с одной стороны, проявляется в индивидуальной жизни как реализация родовой сущности, с другой — в самоутверждении его в различных видах деятельности. Тожественные по своей социальной сущности люди, тождественные по видам деятельности, вместе с тем индивидуальны по проявлению этой сущности, результатам деятельности, которые находят отражение в формах предметности.

Итак, критерием целостности, на наш взгляд, наряду с такими факторами, как саморазвитие, самовоспроизведение, автономность, выступает тождественность сущности на базе всех воспроизведенных различий.

Категории «тождество» и «различие» в методологическом плане позволяют выделить еще одно противоречие в рассматриваемом процессе. Они отражают такие свойства материальных объектов, как устойчивость и изменчивость, повторяемость и неповторяемость, а в плане смены низших форм движения материи высшими — две тенденции в развитии материи: дифференциацию и интеграцию. Дифференциация материи в неорганическом мире проявляется через различие, неповторимость материальных объектов, в органическом мире — как автономизация организмов¹⁴. Интеграция материи в неорганической природе проявляется в образовании систем материальных объектов, в органическом мире примерами ее результатов могут служить организм, вид, популяция и т. д. Наконец, проявление дифференциации и интеграции материи в ее социальной форме движения — социализация и индивидуализация. Результатом социализации является личность, ре-

¹² Там же, т. 42, с. 92—93.

¹³ Там же, с. 116.

¹⁴ См.: Шмальгаузен И. И. Факторы эволюции. М., 1968, с. 14.

результатом индивидуализации — индивидуальность. Бытие личности, тождественности ее социальных качеств проявляется в индивидуальности. Личность в данном случае и понимается как целостная, всесторонне развитая личность.

Таким образом, процесс становления целостности начинается с тождественного «неразвитого» целого, где различия не играют существенной роли. Затем система как бы достраивает недостающие члены на основе возникающих и затем воспроизводящихся различий. Происходит раздвоение единого, затем разрешение противоречия. Возникшее тождество сущности на базе системного многообразия и является одной из характеристик целостности ее бытия — индивидуальности.

В. А. КИСЕЛЕВ

Роль категорий тождества и различия в анализе содержания практики

Практика как целенаправленная материальная деятельность, раскрывает свою сущность и содержание через преобразовательную и гносеологическую функции. Как в гносеологическом, так и в преобразовательном аспекте сущность практики выражается в том, что субъект непосредственно взаимодействует с объектом. В то же время преобразование объекта невозможно вне всеобщих характеристик объекта (законов). Поэтому нам представляется необходимым проанализировать содержание практики в свете ее непосредственности и всеобщности. Последние могут быть представлены следующими основными компонентами практики: чувственная деятельность (непосредственное взаимодействие человека с окружающим миром), предметная деятельность (взаимодействие орудий труда и предмета труда), целеполагающая деятельность (мышление)¹. Каждый из этих компонентов представляет необходимый, но еще не достаточный момент практики, и лишь в единстве они являются необходимыми и достаточными условиями реализации практического процесса. Вступая в отношения тождества и различия, каждый из них выполняет свою специфическую, но в то же время необходимую для всего процесса роль.

Рассмотрим прежде всего соотношение чувственной и предметной деятельности.

В реализации практического процесса обе деятельности обнаруживают себя как тождественные. Эта тождественность проявляется как предметность. Предметный характер обеих обуславливается, в конечном счете, многообразием материального мира. За-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 189, 190.

чатки предметности возникают и формируются уже на уровне первичных живых организмов. На уровне социальной формы движения предметность человеческой деятельности обнаруживает более сложный характер связи с окружающим миром, но и здесь она обусловлена самим окружающим миром. «Оно (предметное существо.— В. К.) только потому творит или полагает предметы,— отмечает К. Маркс,— что оно само полагается предметами, что оно с самого начала есть природа»². Предметность деятельности, по К. Марксу, имеет двусторонний характер: обусловленность человеческой деятельности предметным миром и преобразование предметного мира человеческой деятельностью.

Тождественным для объектов чувственной и предметной деятельности является несовпадение их с объективной реальностью. Это в общем-то понятно. Но причины несовпадения различны. Известно, что границы объекта предметной деятельности постоянно раздвигаются, все большая область объективного мира включается в деятельность человека. Расширение границ объекта обусловлено уровнем развития техники и познания. Границы же объекта чувственной деятельности детерминированы биофизической природой чувственности, ее органов. Предметность чувственности разворачивается в специфических характеристиках: модальность, константность, интенсивность. Модальность, например, означает, что определенным объективным процессам соответствуют определенные органы и образы чувственности: звуковым — слуховые, оптическим — зрительные и т. д. С этим фактом связано наличие порогов чувствительности.

В соотношении чувственной и предметной деятельности определяющей стороной выступает вторая, что находит свое выражение в факте формирования новых ощущений, в развитии уже имеющихся ощущений у человека. Так, например, развитие авиации, а в еще большей мере космонавтики, поставило задачу исследования влияния на человека нового фактора — невесомости. С этого времени статико-динамические ощущения заняли важное место в подготовке космонавтов к космическим полетам.

Из того, что природа границ объектов чувственной и предметной деятельности существенно различна, не следует признания случайности, несущественности чувственной деятельности для практики. Со своей стороны, объект чувственности «шире» объекта предметной деятельности, ибо в него включаются не только объект практики, но и условия деятельности: технические, природные (в том числе и тело самого человека). А. Валлон, исследовавший психологию предметной ситуации, писал «Она (палка.— В. К.) присоединяется к жесту и проникает в сферу действия посредством и под контролем зрения»³. Значит, «широта» объекта чувст-

² Там же, т. 42, с. 162.

³ Валлон А. От действия к мысли. М., 1956, с. 80.

венной деятельности составляет необходимое условие возникновения и построения предметной деятельности.

Тождественным для чувственной и предметной деятельности является активный, преобразовательный характер отношения к своему предмету. Активность обуславливается, в конечном счете, самодвижением материального мира. На уровне социальной формы движения активность выражает отношение к внешнему миру в соответствии с целями и потребностями общественного человека. В. И. Ленин писал: «... мир не удовлетворяет человека и человек своим действием решает изменить его»⁴. Но, с другой стороны, активность предметной и чувственной деятельности существенно различается. Результатом активности предметной деятельности является преобразованный материальный предмет. Причем процесс преобразования проходит по логике предмета: «законы внешнего мира, подразделяемые на механические и химические (это очень важно), суть основы целесообразной деятельности человека»⁵. Чувственная деятельность тоже преобразовывает свой предмет, но идеально, в образной форме, путем построения «перцептивной модели»⁶. Необходимым условием построения такой модели является движение либо предмета, либо рецептора, либо того и другого. Далее, чувственный образ формируется не по логике предмета, а по его внешним характеристикам. В самом деле, осязательный образ возникает при движении рук в пределах контура предмета и его ближайшей зоны; зрительный образ строится в результате осмотра всего предмета, путем выделения «опорных точек»⁷.

Таким образом, рассмотренное тождество и различие чувственной и предметной деятельности позволяют сказать, что чувственная деятельность, выражающая непосредственную, активную связь человека с окружающим миром, составляет необходимое условие реализации практической деятельности, поскольку она доставляет человеку определенную информацию, на основе которой происходит построение самой деятельности. В то же время существенное различие между чувственной и предметной деятельностью заставляет нас обратить внимание на тот компонент практики, который разрешает это противоречие. Этим компонентом является мышление человека (целеполагающая деятельность).

Целеполагающая и предметно-чувственная деятельность также обнаруживают тождественные моменты в необходимом характере их взаимосвязи. В самом деле, практика суть преобразование одних предметов другими. Но предметы объективного мира суть «отдельное», т. е. единство специфических и всеобщих свойств. Отсюда необходимым условием практического процесса является не только непосредственное взаимодействие человека с окружающим

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 195.

⁵ Там же, с. 169.

⁶ Зинченко В. П. Проблема генезиса восприятия.— В кн.: Восприятие и действие. М., 1967, с. 43, 44, 47.

⁷ Там же, с. 107.

миром, но и знание законов объективного мира. Мышление человека и обеспечивает логическое основание практической деятельности.

Далее, мышление и чувственность тождественны по характеру идеального преобразования предмета. Различает их то, что мышление постигает всеобщее, закономерное, строит не «перцептивную» модель предмета, а теоретическую модель. Тождественным для мышления и предметной деятельности является их активное отношение к предмету, причем содержание мышления детерминруется содержанием предметной деятельности, а в конечном счете, объективной действительностью. Но форма этого содержания в мышлении приобретает иной характер, нежели в практике: «...идеальное есть не что иное как материальное, пересаженное в голову и преобразованное в ней»⁸. С другой стороны, всеобщее как форма мышления отличается от всеобщего в предметной деятельности: всеобщее в предметной деятельности существует не иначе как в связи с единичным и через отдельное, а всеобщее в мышлении лишено случайного, единичного, оно опосредованно связано с объективным миром. Связь с объективной реальностью всеобщее в мышлении получает через предметную деятельность.

Предметная деятельность определяет не только содержание мышления, но и вообще способность мышления к обобщению. На это указывают результаты экспериментальных психологических исследований. В частности, известно, что обобщение в зоне кинестетических проекций предваряет обобщение в корковых проекциях. Отсюда, чем более широкое включение двигательных реакций вырабатывается на слово, тем успешнее идет развитие обобщающей функции слова⁹. Поскольку всеобщность мышления в строгом смысле есть достояние науки, то возникновение и развитие наук убедительно доказывает первичность всеобщности предметной деятельности по отношению к всеобщности мышления.

Таким образом, анализ тождества и различия внутренних компонентов практики дает возможность увидеть и в непосредственности практики (чувственная деятельность, предметная деятельность) и во всеобщности практики (целеполагающая деятельность) основание универсальности практики. Универсальность же практики находит свое выражение в способности практики выполнять преобразовательную и гносеологическую функции.

В домарксистской философии обнаружение такого основания принципиально было невозможным. Домарковский материализм в вопросе о предметности деятельности абсолютизировал момент обусловленности деятельности внешним миром¹⁰. В то же время идеализм абсолютизировал второй момент предметности (активность деятельности), «но только абстрактно, так как идеализм,

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 21.

⁹ Кольцова М. М. Обобщение как функция мозга. М., 1967, с. 127.

¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 1.

конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой»¹¹.

Действительно, Кант верно увидел необходимый характер взаимосвязи теоретического и практического разума. В этой взаимосвязи теоретический разум выступает основанием практического разума «для причинения» предметов последнего¹². Приоритет же практического разума перед теоретическим Кант видел лишь в способности практического разума «раздвигать границы», прорываясь в «умопостигаемый мир»¹³. Однако догадка Канта о необходимой взаимосвязи теоретического и практического разума подорвалась изначальным тождеством их в рамках «чистого разума».

Точнее и последовательнее мысль о «приоритете» практики перед познанием провел Гегель¹⁴. Тождество понятия и его предмета в философии Гегеля реализуется посредством «практической идеи», ибо последняя «обладает достоинством не только всеобщности, но и просто действительности»¹⁵. Преодоление априоризма Канта совершается с позиций последовательного, но объективного идеализма. Поэтому В. И. Ленин, материалистически перерабатывая Гегеля, мог с полным правом записать: «Практика выше (теоретического) познания, ибо она имеет достоинства не только всеобщности, но и непосредственной действительности»¹⁶. И хотя у В. И. Ленина в данном месте сущность практики раскрывается через соотношение с познанием, мы полагаем, что взаимосвязь непосредственности и всеобщности практики суть основание практики как в гносеологическом, так и в онтологическом смысле. Следовательно, взаимосвязь непосредственности и всеобщности в практике выражает сущность практики и является основанием ее преобразовательной и гносеологической функций, т. е. основанием ее универсальности.

А. П. ГАВРИЛОВ

Тождество и различие целей и результатов в общественном развитии

В процессе практической деятельности общество преобразует природные предметы, процессы, отношения, стремится подчинить их своим целям, получить определенные желаемые результаты. Но,

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 1.

¹² Кант И. Соч., т. 4, ч. 1, с. 367.

¹³ Там же, с. 370.

¹⁴ В. И. Ленин замечает: «...несомненно практика стоит у Гегеля, как звено, в анализе процесса познания и именно как переход к объективной («абсолютной» по Гегелю) истине. Маркс, следовательно, непосредственно к Гегелю примыкает, вводя критерий практики в теорию познания». (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 193).

¹⁵ Гегель. Наука логики. М., 1972, с. 282.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 195.

как писал Ф. Энгельс: «Не будем слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит. Каждая из таких побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитывали, но во вторую и третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых»¹. Взаимосвязь цели и результата в общественном развитии будет характеризоваться отношениями тождества и различия.

Категории тождества и различия отражают как отношение двух или более предметов, сосуществующих во времени, но разнесенных в пространстве, так и отношение состояний предмета, сосуществующих в пространстве и разнесенных во времени. В последнем случае тождество понимается как «самотождество» предмета, как равенство его самому себе в некоторых отношениях, как сохранение какого-либо качества, качественной определенности в процессе развития; а различие — как «саморазличие», как изменение предмета или процесса под влиянием внутренних и внешних воздействий.

Поскольку цель и результат человеческих действий разнесены в пространстве и во времени, то речь может идти лишь о внешнем тождестве цели и результата как объективно, реально существующего предмета, процесса, отношения, возникшего в процессе и вследствие человеческой деятельности.

Взаимосвязь цели и результата глубоко диалектична: результат будет и совпадать с целью и не совпадать с ней, будет тождественным цели и отличным от нее. Совпадение означает соответствие на уровне качественной определенности цели и результата, несовпадение — существенное качественное отличие результата от цели.

Мы полагаем, что несовпадение целей и результатов человеческой деятельности носит закономерный характер и обуславливается целым рядом специфических обстоятельств. Хотя эта проблема обстоятельно затронута в работах Н. Н. Трубникова, Т. А. Казакевич, М. Г. Макарова, А. М. Гендина, Т. А. Арефьевой и других, но некоторые моменты остались не уточненными. Анализ диалектики целей и результатов весьма важен для еще более успешной практики управления развитием социалистического общества. Сам феномен несовпадения цели и результата для общества имеет большое значение, поскольку возможны разные варианты: 1) новый, неожиданный результат может иметь положительное значение, т. е. способствовать прогрессивным изменениям в обществе, ускорять их в той или иной области социального бытия; 2) новый результат, не предусмотренный в цели, имеет отрицательный характер, поскольку замедляет прогрессивное развитие общества;

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 495—496.

3) новый результат нейтрален, т. е. ничего не меняет в темпах и направлении развития общества.

Можно выделить несколько видов несовпадения. По характеру: а) количественное, когда полученный результат на несколько единиц больше или меньше цели; б) качественное, когда полученный результат либо целиком, либо какими-то своими сторонами, свойствами существенно отличается от цели. Разумеется, не существует только количественных или только качественных изменений, они находятся в диалектическом единстве.

В свою очередь, количественный и качественный виды несовпадения можно подразделить по объекту: а) искажение самого результата, т. е. того предмета, процесса, на получение которого и была направлена деятельность; б) возникновение нового результата, причем здесь возможны два варианта: 1) побочный результат, который возникает одновременно, параллельно с требуемым; 2) отдаленный результат, который возникает спустя некоторый промежуток времени; этот отдаленный результат может представлять собой как непредвиденное последующее искажение самого результата, так и возникновение нового.

В конкретной человеческой деятельности эти виды несовпадения могут сочетаться самым различным образом. Как правило, в действительности все эти виды несовпадения встречаются одновременно при реализации любой цели.

Причин несовпадения цели и результата можно выделить несколько. В первую очередь это причины объективные, обусловленные действием законов развития природы и общества, во вторую — субъективные, в основе которых лежат особенности человеческого мышления и особенности процесса целеполагания.

Рассмотрим причины объективного характера. 1. Дефицит информации или неполнота, относительность наших знаний о мире. Сам дефицит информации неустраним полностью в силу специфики процесса познания, которая заключается в принципиальной разнице между реальным предметом, процессом и идеальным образом, отражающим этот предмет, процесс. Идеальный образ всегда беднее действительности, никогда не является отражением полным, точным, абсолютным. Отсюда следует, что цель как идеальный образ имеет моменты несовпадения с объективной реальностью и потому не может быть реализована полностью. Надо особо подчеркнуть, что дефицит информации есть причина самая главная, ибо все остальные причины действительны лишь при этом условии — отсутствии информации, недостатке знаний.

2. Бесконечная сложность внутреннего строения, структуры любого объекта. В практической деятельности человек, общество воздействуют только на некоторые элементы преобразуемого предмета, процесса, но изменения, в нем происходящие, существенно зависят от внутренних связей, структуры, и потому результат, получаемый в процессе деятельности, всегда несколько отличается от запланированного.

3. Бесконечное число прямых и опосредованных связей между объектом и окружающим миром. Обществу в каждый данный момент времени известно ограниченное, далеко не полное количество связей любого предмета, процесса. Деятельность по реализации цели на каком-то этапе затрагивает неизвестную, непознанную связь, дает начало процессу, в цели неучтенному, и потому происходит как искажение самого результата, так и возникновение нового предмета, процесса, т. е. результата побочного.

4. Непрерывность процесса развития, который не останавливается на достижении цели и окончании человеческой деятельности, а продолжается закономерным путем и приводит к результатам, связь которых с человеческой деятельностью совершенно очевидна, но в цели эти отдаленные результаты учтены не были.

5. Причиной отклонения результата от цели будет также и то, что сами процессы развития окружающего мира, природы и общества, содержат компоненту неопределенности, имеют статистический, вероятностный характер. Эта компонента неопределенности делает конечной, ограниченной точность предвидения, и потому чем более отдалена цель, тем менее конкретной, детальной она может быть.

Перечисленные причины связаны в основном с процессом формирования целей, что же касается процесса осуществления, реализации цели, то здесь действует целая совокупность причин, объединяемых под названием помехи. Помехой будем считать любую вещь, предмет, процесс, любое воздействие, затрудняющее или даже делающее невозможным реализацию цели. Помехи можно подразделить на внутренние и внешние (конечно, это подразделение в значительной степени условно).

К внутренним помехам относятся: а) изменение элементов в процессе саморазвития системы, в нашем случае — любые изменения как материальных, так и духовных характеристик общественного организма; б) взаимодействие между элементами общества (внутри государства как целостной системы) — классами, партиями и т. п.

К внешним помехам относятся: а) природные изменения, например, биологического, климатического, геологического и даже космологического характера, поскольку они изменяют среду обитания, условия существования человеческого общества. Особенно большое значение будут иметь события катастрофического масштаба: с одной стороны, зачастую, ввиду недостатка знаний мы не можем предугадывать эти события, они происходят совершенно неожиданно, с другой — если мы и в состоянии предсказать какой-либо катаклизм, то, как правило, ничего не можем изменить в самом явлении, слишком слабы для этого и потому вынуждены лишь только приспособливаться к ситуации, а не изменять ее; но если даже и можем как-то повлиять на событие и нейтрализовать его последствия, то все равно развитие общества протекает иначе, происходит отклонение результатов; б) межгосударственные вза-

имодействия: в процессе функционирования общества (в широком смысле — как единой большой системы, состоящей из государств) взаимодействия между государствами могут носить неожиданный характер как по содержанию, так и по времени, могут затруднять реализацию целей данного государства, приводить к отклоненным результатам или даже делать осуществление тех или иных целей вообще невозможным. Взаимодействие между государствами при капитализме и социализме будет иметь принципиально разный, противоположный характер.

Кроме причин объективных, весьма большое значение имеют причины субъективные.

1. Момент произвольности в постановке целей. В каждый данный промежуток времени общество располагает довольно широким спектром возможностей, которые ограничены, с одной стороны, наличным бытием, достигнутым уровнем развития, с другой — объективными законами этого развития. Разнообразие целей, которые в этом диапазоне может преследовать общество, очень велико. Конечно, многие цели определяются объективными потребностями материального производства, именно способом производства, господствующим в данном общественном организме, но множество других целей зависит от массы факторов, зачастую случайных, например в антагонистических формациях — от произвола правителя, некоторых ценностных ориентаций, элементов религиозных верований, специфики идеологических установок правящей группы и т. д. И еще: даже объективная потребность может быть удовлетворена несколькими различными способами, т. е. какие именно цели будут поставлены, потребностью жестко не предопределяется, связь здесь имеет вероятностный характер.

2. Неправильное осознание и неправильная формулировка цели. Конечно, цель есть осознанная потребность, в ее основе лежат материальные интересы человека, класса, общества, но связь между интересом и целью очень сложна, опосредована. Отдельные индивиды, да и классы в целом, могут не осознавать свои истинные интересы и, соответственно, формировать совершенно неправильные интересы, нереальные цели, не выражающие эти интересы и даже противоположные им, не отвечающие объективным законам развития природы и общества. Трудность усугубляется еще и тем, что между осознанием потребности, интереса, и ее формулировкой в виде цели в языке, а это неизбежно для общественных целей, есть весьма существенное различие: то, что всем кажется ясным и понятным, на самом деле не соответствует желаемому, и люди убеждаются в этом лишь получив совершенно неожиданные результаты.

3. Неверный выбор средств, методов, путей достижения цели. Не останавливаясь на диалектике цели — средств — результата укажем только, что при неправильном выборе средств, путей, методов возникает несоответствие цели и результата, а правильный выбор зависит от многих факторов, и в первую очередь от объема

наших знаний. Разумеется, примерно одни и те же результаты зачастую могут быть получены различными способами, но диапазон равнозначных средств очень узок, и результаты все-таки будут несколько отличаться. Другой аспект: всякое средство есть результат реализации предыдущей, промежуточной цели. В случае возникновения несовпадения на этом уровне может возникнуть цепная реакция отклонений во всей иерархии целей.

Разделение причин несовпадения целей и результатов на объективные и субъективные весьма условно. На самом деле причины носят комплексный характер, объективный и субъективный моменты тесно переплетаются, находятся в диалектическом единстве.

Исследуемый феномен, несовпадение целей и результатов, носит, как мы указывали, общий характер, но проявляться он будет в антагонистических и неантагонистических общественно-экономических формациях принципиально различно. При капитализме и объективные и субъективные причины властвуют неограниченно, дефицит информации в области социальных явлений поддерживается искусственным образом, изменение элементов социального организма в прогрессивном направлении происходит стихийным путем, вопреки усилиям идеологического и репрессивного аппаратов, взаимодействие между антагонистическими классами и внутри классов приводит к тому, что результаты совместной деятельности не только отличаются от целей, но даже противоречат им, взаимодействие между государствами подобно природному процессу, т. е. каждое государство, преследуя свои интересы, стараясь навязать другому выгодные для себя условия, будет действовать непредсказуемо, выступать для другого как внешняя враждебная сила. В итоге сходство между желаемым (целями) и действительным (результатами) получается весьма малым, отдаленным, наглядным примером чему является экономический кризис и попытки обуздать его. «Но такова уж природа империализма, что каждый норовит получить преимущества за счет других, навязать свою волю. Разногласия обнаруживаются в новых формах, противоречия вспыхивают с новой силой»².

Как неизбежное следствие антагонистической структуры капиталистического общества выступает произвол в формировании целей, противоречие их не только действительным интересам большинства населения, но и объективной тенденции развития общества, а цели, противоречащие закономерности, естественно, реализованы быть не могут.

В социалистическом обществе несовпадение целей и результатов также имеет место, но степень и характер несоответствия принципиально отличны: степень несовпадения все время уменьшается на основе все более полного, точного познания законов развития природы и общества, всех внутренних и внешних свя-

² Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 28.

зей предметов и явлений, а поскольку исчезают классовые антагонизмы, возникает единство интересов всех членов общества, единство целей, постольку все реже результаты противоречат целям, т. е. характер несовпадения изменяется. Единство целей всех социальных слоев социалистического общества делает необходимым и возможным сознательное, планомерное управление всеми процессами в обществе, позволяет создавать новые социальные отношения, структуры, процессы, т. е. новые социальные закономерности. Это является выражением возрастания роли объективного фактора в развитии коммунистической формации, возрастанием роли коммунистической партии.

В. Б. СЕДОВ

Проблема общих характеристик действия экономических законов социализма и диалектика тождества и различия

Объективность экономических законов подчас вводится как некоторая простейшая характеристика, как некоторое всегда равное самому себе свойство их действия. Момент тождественности неотъемлемо присущ этому свойству действия экономических законов. Вся совокупность отношений людей в социалистическом общественном производстве всегда объективна. Однако абсолютизация момента тождественности затрудняет понимание как самой необходимости совершенствования социалистических производственных отношений, так и основных сторон этого процесса, так как при этом из поля зрения выпадает динамика соотношения производительных сил и производственных отношений. Если их соответствие на определенном этапе развития экономической системы социализма обеспечивается детерминацией отношений людей в общественном производстве производительными силами общества, то полное соответствие, под которым понимается оптимальное соотношение двух сторон способа производства, функционирующего в этом случае, максимально эффективно¹, механизмом саморегуляции экономической системы обеспечено быть не может. Для этого необходимо сознательное совершенствование социалистических производственных отношений.

К числу наиболее распространенных аспектов анализа объективности действия экономических законов социализма и соответственно производственных отношений, связанных с разными моментами их движения, можно отнести, по крайней мере, два: раз-

¹ См.: Солодкова С. В. Об использовании и механизме действия экономических законов.— Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, 1976, № 1, с. 19.

витие и функционирование. Удачная, на наш взгляд, попытка раскрыть содержание категории «объективное» применительно к развитию экономических отношений предпринята А. А. Сергеевым². Автор справедливо отмечает, что в этом аспекте анализ действия экономических законов проводится в связи с анализом проблем отношения мышления и бытия, и подходит к нему, выделяя мировоззренческую функцию категории «объективное». Справедливо также, что исследование объективности как характеристики действия экономических законов на уровне их функционирования должно способствовать разработке методологической и практической функций категории «объективное». Само наличие этих функций нашло уже убедительное подтверждение в развитии нашей экономической мысли за последнюю четверть века, показавшей, что имеющее место расхождение взглядов на содержание, этапы, особенности познания и использования экономических законов при социализме во многом обусловлено различными представлениями о характере действия и объективности этих законов.

Углубление и конкретизация социально-философской категории объективности процессов общественной жизни, протекающих независимо от воли и желаний людей, применительно к действию экономических законов социализма в процессе функционирования общественной экономики сопряжено с определенными трудностями. Эти трудности, в основном связанные с необходимостью осмыслить объективность как свойство экономического процесса при социализме и предполагающие рассмотрение особенностей его осуществления и структуры, попытаемся проиллюстрировать некоторыми примерами.

Отдельные представления об объективности, обычно выражаемые в нашей экономической литературе термином «объективный характер экономических законов социализма», иногда звучат довольно декларативно. Так, в ряде работ объективность экономических законов социализма разъясняется преимущественно на анализе источников их возникновения, существования независимо от сознания и воли людей и невозможности их создания или отмены обществом, действие же этих законов подчинено сознанию и проявляется лишь по мере их познания и использования обществом. В этой связи Л. И. Загайнов замечает: «Если последовательно оставаться на позиции объективности экономических законов, значит необходимо признать и объективность их действия. Исходить же из признания того факта, что экономические законы могут быть приведены в действие лишь после их познания... значит ста-

² Сергеев А. А. Объективный характер производственных отношений и сознательная деятельность людей в условиях социализма.— Изв. АН СССР. Сер. экономическая, 1973, № 4, с. 5—18.

новиться на позицию отрицания объективности экономических законов»³.

Основа этих представлений, видимо,—недостаточно органическое соединение в теории сущности закона экономических явлений и самих этих явлений. Без дальнейшего обстоятельного изучения форм проявления объективности экономических законов, на наш взгляд, затруднительно дать убедительный ответ на вопрос, как же познаются законы, если проявления их ограничены только планомерно сформированными экономическими формами, и как происходит углубление этих знаний.

Обращает на себя внимание, что в позициях, призванных преодолеть ограниченность понятия «объективный характер экономических законов», признающих именно осуществление, проявление, действие законов независимым от сознания и воли людей, т. е. «объективность действия экономических законов социализма», обнаруживаются при их логическом развитии еще большие теоретические затруднения, связанные в основном с решением вопроса о способе действия этих законов. И если при этом утверждается, что таким способом является единственно планомерность, то логическим следствием этого утверждения может служить тезис о совпадении процессов действия и использования экономических законов, т. е. о том, что не существует действия законов вне их использования обществом. Этот взгляд, по существу, не отличающийся от рассмотренной выше позиции, расценивается в литературе как взгляд, в котором «понимание... объективного характера экономических законов встречает серьезные возражения»⁴.

В отдельных работах действие экономических законов, для того чтобы представить его объективным, т. е. независимым от сознания и воли людей, разъясняется подчас таким образом, что утрачивается его имманентность объективной реальности⁵. Механизм функционирования социалистической экономики при таком подходе порой представляется в литературе состоящим из двух совокупностей отношений: первая — производственные отношения, составляющие объективный механизм действия законов; вторая — организационные, или хозяйственные, отношения, т. е. реальные отношения людей в социалистическом общественном производстве, формирующиеся путем использования законов объективного механизма их действия. Замечание по поводу того, что реальный

³ Загайнов Л. И. Социалистическое государство и экономические законы. М., 1975, с. 69. См.: *Рогачев С. В.* Об объективности экономических законов социализма.— В кн.: Экономические законы социализма и хозяйственное руководство. М., 1971, с. 23—46.

⁴ Особенности действия экономических законов в условиях развитого социализма. М., 1976, с. 32. См.: *Конник И. И.* Социалистическая экономика и механизм ее функционирования. М., 1974, с. 174 (сноска); *Вопр. экономики*, 1976, № 6, с. 139.

⁵ Ряд аспектов такого толкования объективного рассмотрены в работе: *Зверев Р.* О характере экономических законов и экономической роли государства.— *Плановое хозяйство*, 1969, № 10.

механизм использования законов в основном произволен, базируется на объективном механизме их действия, ничего не проясняет, ибо объективным производственным отношениям, по существу, нет места в реальной действительности, а попытка придать им сущностный характер оборачивается отчуждением их от реального экономического процесса. В рамках этой позиции затруднительно получить ответ на вопросы, как же осуществляется научное познание объективного действия законов, если оно не проявляет себя в материальных явлениях реальной действительности. Если же все-таки некоторым образом теоретически постигаются законы движения одной совокупности отношений (объективных производственных), то почему использование этих знаний происходит в иной сфере отношений (реально функционирующих организационных).

Таким образом, в современных трактовках объективности декларативность, характерная для взглядов на этот вопрос в начале 50-х гг., в основном преодолена. Объективность как характеристика экономических законов в настоящее время мыслится как характеристика реального процесса действия, проявления этих законов. Но как было показано, именно исходя из этого понимания объективного при попытках показать механизм функционирования и совершенствования социалистического хозяйствования в его конкретности как процесс углубления научного постижения законов движения экономики и практического овладения ими создаются абстрактные теоретические схемы. Создание этих схем в основном связано со стремлением преодолеть элементы субъективизма, фетишизма в понимании экономических законов социализма. Видимо, широко распространенное определение объективного характера экономических законов, «который характеризуется следующими тремя моментами: во-первых ...люди не могут создавать, отменить, заменить или преобразовать экономические законы... во-вторых, они (экономические законы.— В. С.) действуют независимо от того, познаны они людьми или не познаны, знают они о них или нет... в-третьих, действие объективных экономических законов не зависит от того, хотят ли люди этих законов или нет, желательны или нежелательны для них их последствия»⁶, должно быть конкретизировано с учетом анализа современного состояния проблемы. Так, казалось бы, что исходя из этого определения объективности действия экономических законов, выражаемой в определенной совокупности реально функционирующих отношений людей в общественном производстве, отдельный элемент этого действия можно было бы характеризовать как объективный. Однако это не так.

⁶ Экономические законы социализма и их использование в практике коммунистического строительства. Минск, 1977, с. 11—12. См.: *Абалкин Л. И.* Экономические законы социализма. М., 1971, с. 46—47; *Логвинов Л. Д.* О характеристике экономических законов социализма. М., 1972, с. 16; *Черкасов Г. И.* Экономические законы и их особенности при социализме. Горький, 1977, с. 24—25.

Производственные отношения при социализме формируются и развиваются под сознательным общественным контролем и управлением, основной формой которого является использование экономических законов социалистическим обществом в целом⁷. С учетом этой особенности формирования отношений людей в социалистическом общественном производстве уже не представляется возможным значительную часть экономических форм, составляющих действие законов, характеризовать как независимые от сознания и воли людей. Основная, и притом все возрастающая, часть этого действия проявляется именно через сознательно сформированные экономические формы. Это обстоятельство особенно остро ставит вопрос об условиях, при которых в определении объективности можно ограничиться лишь указанием на независимость действия законов в процессе функционирования социалистической экономики от сознания и воли людей. Выявляя эти условия, следует принять во внимание и своеобразие объекта исследования среди других объектов реальной действительности, которое состоит, как известно, в диалектическом его взаимодействии с производительными силами общества. Одним из аспектов этого взаимодействия является детерминация экономических отношений уровнем развития общественных производительных сил.

Сознательно сформированная совокупность экономических отношений, являющаяся результатом процесса использования экономических законов социалистическим обществом, в общем случае не вполне соответствует объективным потребностям развития общественных производительных сил. В этом случае детерминация выражается в появлении материальных экономических явлений, не желательных для общества⁸, в результате чего при сознательном формировании определенной структуры производственных отношений обеспечивается соответствие экономических отношений и производительных сил как систем. При этом действие системы экономических законов выражается во всей совокупности функционирующих экономических форм. Его неправомерно сводить лишь к сознательно сформированным отношениям людей, оно всегда включает и определенную совокупность стихийных явлений. По отношению к понятию таким образом действию экономических законов можно утверждать, что оно объективно, независимо от сознания и воли людей. Методологическое значение категории «объективное» состоит, таким образом, в необходимости опираться на всю совокупность экономических фактов в политико-экономическом исследовании, в подготовке предложений по вопросам совершенствования механизма и методов социалистического хозяйствования.

⁷ См.: *Кашин В. Н.* Познание и использование экономических законов при социализме. М., 1975, с. 126, 193; Использование экономических законов в развитии социалистическом обществе.— *Вопр. экономики*, 1977, № 1, с. 5, 9, 12—14.

⁸ Можно утверждать, что это положение общепризнано. См. напр.: *Кузьминов И. И.* Очерки политической экономики социализма. М., 1971, с. 230.

Важно, на наш взгляд, учитывать, что количественное и качественное соотношение сознательно сформированных экономических отношений и элементов стихийных явлений при данном уровне развития производительных сил и степени познания экономических законов может быть весьма разнообразно. Осознание этого факта позволяет увидеть в объективности действия экономических законов социализма не только момент ее тождественности по отношению ко всей совокупности отношений людей в общественном производстве, но и момент различия.

Как характеристика проявления законов в экономических формах, полностью соответствующих уровню развития производительных сил⁹, объективность действия экономических законов выступает как полная объективность. Представляется, что такой аспект понимания объективного позволяет придать этой категории определенную конструктивность, так как оно относится к понятиям «о тех сторонах и свойствах объекта, которые последний может приобрести в процессе своего совершенствования»¹⁰. Известное противоречие понятий объективного и полной объективности разрешается включением момента различия в первое понятие. Момент различия в категории объективности действия системы экономических законов отражает динамизм развития социалистической экономики, позволяет понять необходимость ее постоянного совершенствования и обусловлен моментом тождества, со своей стороны полагая его.

Таким образом, категория объективности действия экономических законов как единство моментов тождества и различия адекватно отражает целостность реального функционирования системы экономических отношений социализма в процессе ее совершенствования, сочетает в себе эвристическую, методологическую и конструктивную функцию.

Ю. И. МИРОШНИКОВ, Л. И. СЛЕСАРЕВА

Тождество и различие уровней экономического исследования

Представление о многоуровневости экономического познания¹ фиксирует реальное тождество и различие между общими, специальными и отраслевыми экономическими дисциплинами, об-

⁹ См, напр.: *Гаврилец Ю.* О необходимых условиях объективного управления социально-экономическими процессами.— В кн.: *Роль объективного и субъективного в управлении производством.* М., 1972, с. 135.

¹⁰ *Коришун А. М.* Ленинская теория отражения и активность познания.— *Коммунист*, 1975, № 11, с. 73.

¹ Впервые наиболее обстоятельно проблема многоуровневости экономического исследования была обсуждена в работе: *Система экономических наук.* М., 1968.

щими и частными экономическими теориями. Методологическая ценность идеи многоуровневости экономического знания состоит в том, что позволяет соотнести основные экономические дисциплины (марксистская политическая экономия, экономическая статистика, экономическое планирование, экономика труда, экономика промышленности и т. д.) и основные элементы экономических теорий (объект, предмет, принципы, категории, законы, методы) по степени их мировоззренческой и методологической универсальности и полноты, т. е. по степени их близости марксистско-ленинской философии. Тем самым представляется возможным выявить основу единства постоянно дробящегося и увеличивающегося экономического знания.

Реальность тождества и различия уровней экономического знания в смысле его методологического содержания ярко и убедительно показана в работах классиков марксизма. Прежде всего классики различали специальные и общетеоретические уровни экономического исследования и их особое мировоззренческое значение.

Хорошо известна мысль В. И. Ленина, согласно которой «ни единому профессору политической экономии, способному дать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить ни в одном слове, раз речь заходит об общей теории политической экономии»². Указывая на различие мировоззренческого смысла отдельных уровней экономического познания, В. И. Ленин не забывал подчеркивать и их тождество. Особенно интересны замечания В. И. Ленина о методологическом (а значит, и мировоззренческом в конечном итоге) единстве современной ему буржуазной экономической мысли. Он писал, что вопрос о таком методе экономической статистики, как группировка материала, вовсе не является сугубо узкотехническим, узкоспециальным вопросом³. Различные типы группировки могут либо способствовать глубоким ошибкам буржуазной политической экономии, либо верно отражать действительность и таким образом развенчивать предрассудки буржуазной общественной мысли. Поэтому в разработке способов группировок должна участвовать не только конкретная экономическая наука (статистика), но и общая по отношению к ней теория экономического развития (политическая экономия)⁴.

Единство теорий и отдельных дисциплин, взятых на разных уровнях экономического познания, заключается в том, что в качестве объекта на всех уровнях исследования выступает система экономических отношений. Понятия и категории (принципы и законы) отдельных экономических дисциплин с определенной полнотой отражают существенные свойства экономической действи-

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 363.

³ См.: Там же, т. 27, с. 182.

⁴ См.: Там же, т. 3, с. 632.

тельности и тем самым выражают единство экономического знания. Все методы экономического познания в конечном итоге опираются на марксистско-ленинскую философию и в этом нельзя не усмотреть методологическое единство марксистской экономической науки.

Однако отдельные экономические теории и отдельные экономические дисциплины с весьма различной глубиной отражают объект экономического познания, что прежде всего проявляется в тех понятиях, которыми оперируют экономисты в рамках специальных экономических наук⁵. Несмотря на единство методологии марксистской экономической науки, обнаруживаются определенные различия при сопоставлении конкретных методологических оснований экономических знаний разной степени общности.

Нужно отметить, что специфика методологических оснований отдельных экономических дисциплин вытекает из более общей гносеологической закономерности различия между методом и теорией. Дело в том, что теория и метод совпадают только в области диалектического материализма. По мере же движения к более частным формам научного знания возникает весьма ощутимая разница между теоретической стороной той или иной научной дисциплины и ее методологией. Частная научная теория всегда использует теории более высокой степени общности в качестве своего важнейшего методологического звена. Поэтому мы не можем согласиться с попытками некоторых авторов отождествить метод и теорию на уровне частных научных дисциплин⁶. Подобный подход не учитывает реального различия между теорией и методом, теорией и эмпирией, теорией и практикой.

Магистральный путь связи марксистской философии как общей методологической базы с частнонаучными формами теории (например, с конкретными экономическими дисциплинами) — это связь через все опосредующие уровни научного познания, на которых методологические принципы будут иметь определенное самостоятельное значение. Если мы обратимся к частнонаучным формам обществоведения, то исследуемая нами связь будет реализо-

⁵ Скажем, по степени общности категория «потребительная стоимость» должна быть отнесена к уровню общих экономических дисциплин, тогда как близкая ей по значению категория «качество продукции» — к уровню частных. В некоторых случаях терминологические понятия могут быть оформлены абсолютно одинаково и тем не менее нести далеко не тождественный смысл в различных экономических дисциплинах. Как показывает А. К. Покрытан в отношении категорий заработной платы и цены, дело здесь не только в контексте, но и в степени достижения сущности экономической действительности в дисциплинах разного уровня. (См.: Историческое и логическое в экономической теории социализма. М., 1978, с. 241—243).

⁶ Так Л. К. Науменко писал: «Учение о мире и учение о его познании, логика и методология науки практически сливаются в некую единую дисциплину, делающую излишним употребление трех различных терминов». (Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата, 1968, с. 137).

ваться как переход от философских категорий к общенаучным, а от них к частнонаучным. Поэтому в свете концепции уровней становится нетривиальной проблема методологического влияния философии на нисходящий к эмпирии ряд уровней общественного познания.

Между тем некоторые авторы идут по явно облегченному пути в анализе методологических посылок частнонаучных дисциплин. Например, нам представляется неточным рассуждение авторов о том, что теоретической основой статистики являются исторический материализм и политическая экономия, а методологической основой статистики является марксистско-ленинская диалектика⁷. Во-первых, здесь не учитывается, что связь статистики с историческим материализмом опосредованная, а с политической экономией — прямая. А во-вторых, здесь упускается из виду, что марксистско-ленинская диалектика не может непосредственно выступать в своей методологической функции, минуя теоретические основания — исторический материализм и политическую экономию.

Будет гораздо точнее сказать, как это делает Д. К. Трифонов, что непосредственной методологической и теоретической основой экономической статистики является марксистская политическая экономия, которая, в свою очередь, уже прямо обращается к философии как своей мировоззренческой и методологической платформе⁸. Экономическая статистика выступает методологической основой для частных статистических дисциплин, изучающих ту или иную сферу хозяйственной жизни общества (промышленная статистика, сельскохозяйственная статистика и т. д.).

Итак, единство философии как метода с частнонаучными методами разворачивается в виде сложной зависимости. Эта зависимость становится настолько опосредованной и слабой, насколько частнонаучное знание теряет способность вырабатывать обобщенные формы теории, вырабатывать относительно полную картину общественной жизни. Чем менее обобщенной формой теории располагает конкретная дисциплина, тем больше прямое обращение к философским методам оказывается умозрительным и пустым занятием.

Прямое использование положений философии в частнонаучной теории справедливо расценивается специалистами данной области знания как забвение имманентных данному научному знанию методов исследования.

Движение от теории более высокого уровня к теории менее общей по сути можно оценить как движение от теории к жизни, к практике. Чем ближе от теории к эмпирии, тем сильнее здесь «ды-

⁷ Козлов В. С., Эрлих Я. М., Долгушевский Ф. Г., Полушин П. И. Общая теория статистики. М., 1975, с. 17.

⁸ Трифонов Д. К. Классификация экономических наук. — Науч. зап. ин-та повышения квалификации преподавателей общественных наук при Ленингр. ун-те, 1970, вып. 1, с. 160.

хание» практики, тем более логика практики вторгается в логику теории. Теория как бы угасает в эмпирии. «Угасание» теории в эмпирии развертывается на всем реальном множестве уровней познания, и по мере удаления от исходного знания система его категорий оказывается представленной во все более усеченном, преобразованном виде. Весь категориальный строй марксистской философии в категориальном строе экономических наук представлен быть не может.

Понятия экономических наук включают в себя лишь только то содержание, которое диктуется логикой чувственной предметной общественной деятельности⁹.

В связи с этим нужно отметить, что падение степени общности категорий и степени универсальности методов сопровождается более широкой опорой частнонаучного знания на формальнологические приемы исследования. Приведем один пример. Статистика использует понятие критического момента наблюдения, скажем, в переписи населения. Этот прием позволяет сделать как бы моментальный снимок состояния населения. Нетрудно видеть, что понятие критического момента наблюдения не может схватить динамику изменения численности населения, ибо не фиксирует смерть и рождение людей, по времени прямо соприкасающихся с моментом наблюдения. Подобные приемы характерны для конкретных экономических дисциплин, которые открывают широкую дорогу формализации и математизации экономического знания.

Представляется важным показать тождество и различие уровней экономического исследования на отдельно взятом методе. В качестве такого примера мы обратимся к методу моделирования, который сегодня все шире и продуктивнее используется всей системой экономических наук.

В практике экономического исследования широко могут быть использованы разнообразные классы моделей и потому нельзя его ограничивать каким-нибудь одним типом метода моделирования, например математическим. По существу, здесь используются и материальные (физические), и мысленные (содержательные и формализованные) модели. Поэтому следует осторожно относиться к стремлению В. С. Дунаевой абсолютизировать математические средства моделирования, ибо она полагает, что математика служит универсальным средством моделирования различных структур¹⁰.

Мы тем более не можем с ней согласиться, что возможности математического моделирования далеко не равноценны на разных уровнях экономического исследования. Дело не только в том, что

⁹ По-своему этот момент в более общем виде отмечен в кн.: Методологические проблемы современной науки. М., 1970, с. 332.

¹⁰ См.: Дунаева В. С. Экономические законы социализма и проблемы народнохозяйственного оптимума. М., 1976, с. 68.

конкретные арифметические действия, сплошь и рядом используемые на уровне отраслевых экономик, заменяются на более высоких «этажах» экономической теории алгебраическими выражениями, хотя это и служит показателем специфики использования математики на различных уровнях экономического знания. Экономическое моделирование не может по своей сути использовать в равной степени формализацию (а значит, и математизацию) в силу того, что основная задача экономического знания носит не формальный, а содержательный характер, и чем выше уровень экономической теории, тем яснее ощущается необходимость формализмы частных экономических дисциплин дополнить мировоззренческим истолкованием, интерпретацией на уровне картины общественной жизни. Необходимо всегда держать в поле зрения идеологическую функцию экономического знания, которая реализуется преимущественно в содержательном плане в виде как чувственно-наглядных, так и рациональных образов действительности.

Отсюда незатихающий среди экономистов спор о соотношении качественных и количественных методов в экономическом исследовании, на наш взгляд, может получить новый поворот, если мы признаем, что его нужно решать с учетом гносеологических особенностей разных уровней экономического познания. Количественные и качественные методы в экономических исследованиях не могут использоваться вне их глубокого и прочного единства, но сравнительно легкая формализуемость частного экономического знания способствует широкому использованию для этих целей математики (и математического моделирования). В общих экономических дисциплинах и общих экономических теориях количественные методы представлены не за счет формализации знания, а за счет содержательных приемов.

В частности, математическое моделирование на низших звеньях экономического познания уступает свое место мысленному моделированию как более общему и более содержательному методу на высших уровнях экономического познания.

Поэтому было бы неверным утверждать, что методы частных экономических теорий носят количественный характер, а методы общеэкономических теорий — качественный. Это мнение ошибочно потому, что, скажем, математическое моделирование, используемое преимущественно на низших уровнях экономических теорий, выражает не только количественную, но и качественную определенность экономической деятельности.

Широкое распространение метода моделирования для решения конкретно-экономических задач вызывает необходимость развития современных средств математического моделирования, пригодных для использования как в теоретическом экономическом анализе, так и в практических расчетах. Пока известно одно направление — попытка применить для анализа экономических объектов уже имеющийся математический инструментарий, что есте-

ственно сужает возможность развития экономико-математического моделирования.

Следует также обратить внимание на необходимость дальнейшего анализа познавательных возможностей современной математики, что, по нашему мнению, является серьезной задачей философской науки.

Итак, анализ уровней экономического познания необходимо приводит к исследованию тождества и различия отдельных элементов экономических теорий (объектов, категорий, методов) и мировоззренческих и методологических возможностей отдельных экономических дисциплин.

КАТЕГОРИИ ДИАЛЕКТИКИ

Тождество и различие

Редактор **Е. Ф. Шамес**
Технический редактор
Э. А. Максимова
Корректоры **Л. А. Субботина,**
В. И. Попова

Темплан 1979 г. поз. 38.

Сдано в набор 20.04.79. Подписано в печать 31.07.79. НС 23576. Формат 60×90/16. Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Уч.-изд. л. 10. Усл.-печ. л. 10. Тираж 600. Заказ 246.
Цена 1 руб.

Уральский ордена Трудового Красного
Знамени государственный университет
им. А. М. Горького.
Свердловск, проспект Ленина, 51.

Типография изд-ва «Уральский рабочий»,
Свердловск, просп. Ленина, 49.